

Монография посвящена исследованию и описанию роли и места такого значимого лингвоконцептуального пространства, как прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской языковой картине мира. Одной из наиболее репрезентативных сфер концептуализации, исторически, культурно и социально релевантных элементов формирования значимых для «русской души» и находящихся отражение в динамических процессах языковой системы, является Великая Отечественная война, выступающая как интерпретативное пространство аксиологического нормирования.

Адресована когнитологам, лексикологам, семантистам, прагматингвистам, специалистам и преподавателям современного русского языка, теории языка, студентам, бакалаврам, магистрам и аспирантам гуманитарных факультетов вузов. Может быть рекомендована как учебное пособие для спецкурсов и спецсеминаров.

ISBN 978-5-907642-70-6

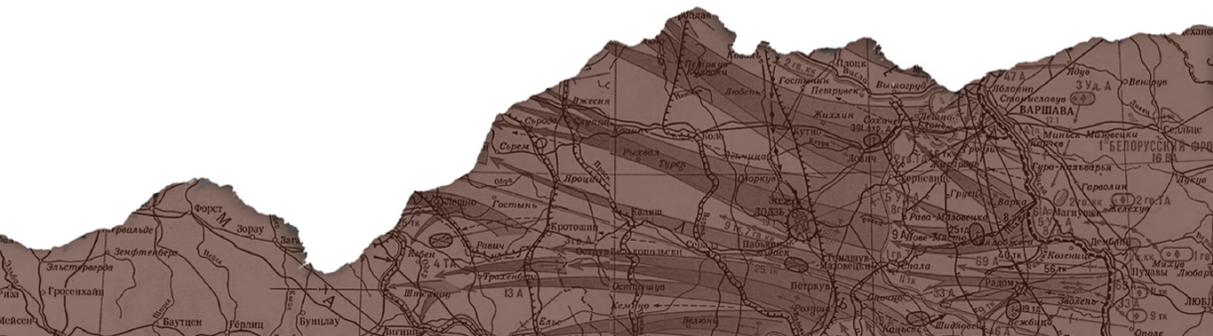

9 785907 642706 >

Типография «Идея+»
ИП Тимченко О.Г.

☎ 8 (8652) 59-60-90

✉ ideya_plus@mail.ru

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

Т.Г. Борисова, А.Н. Печенюк

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ МИР
«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА**

МОНОГРАФИЯ

Ставрополь
2024

УДК 811.161.1

ББК 81

Б 82

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории и практики перевода
Северо-Кавказского федерального университета **С.Н. Брехин**

Б 82 Борисова Т.Г., Печенюк А.Н.

Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской языковой картине мира: монография / Т.Г. Борисова, А.Н. Печенюк. – Ставрополь: Изд-во «Тимченко О.Г.», 2024. – 146 с.

ISBN 978-5-907642-70-6

Данная монография посвящена исследованию и описанию роли и места такого значимого лингвоконцептуального пространства, как прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской языковой картине мира. Одной из наиболее репрезентативных сфер концептуализации, исторически, культурно и социально релевантных элементов формирования значимых для «русской души» и находящихся отражение в динамических процессах языковой системы, является Великая Отечественная война, выступающая как интерпретативное пространство аксиологического нормирования.

Монография адресована когнитологам, лексикологам, семантистам, прагмалингвистам, специалистам и преподавателям современного русского языка, теории языка, студентам, бакалаврам, магистрам и аспирантам гуманитарных факультетов вузов. Может быть рекомендована как учебное пособие для спецкурсов и спецсеминаров.

ISBN 978-5-907642-70-6

9 785907 642706 >

© Борисова Т.Г., Печенюк А.Н., 2024
© ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», 2024
© Издательство «Тимченко О.Г.», 2024

Содержание

Предисловие	4
Введение	5
ГЛАВА 1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА	
1.1. Интерпретативные пространства как основа формирования и развития смыслов и значений	8
1.2. Взаимодействие компонентов индивидуально-авторского мировидения и этнонационального мировоззрения в прецедентном мире	20
1.3. Принципы вербализации аксиологических компонентов в русскоязычных текстах прецедентного мира «Великая Отечественная война»	30
1.4. Специфика актуализации компонентов социокультурной и эпизодической памяти в русскоязычных произведениях периода Великой Отечественной войны: темпорально-контактная и темпорально-дистантная рефлексия	42
ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ ЭКСПЛИКАЦИИ ЭПИЗОДИЧЕСКОЙ И ИНТЕНСИФИКАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ЯЗЫКОВЫХ И ТЕКСТОВЫХ СТРУКТУРАХ	
2.1. Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской картине мира: структура, актуализация и концептуализация	57
2.2. Динамика содержательной структуры метаконцептов	76
2.3. Реконцептуализация концепта СМЕРТЬ в русской лингвокультуре	81
2.4. Модификация метаконцепта ПОДВИГ в русской аксиосфере	93
2.5. Трансформации ядерных компонентов метаконцепта ВРАГ	104
2.6. Ассоциативные ряды и реляционные отношения метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ	114
Заключение	125
Библиографический список	131

Предисловие

В предлагаемой монографии на материале современного русского языка предпринята попытка исследования и описания особой аксиологически маркированной лингвоконцептуальной области русской языковой картины мира. Прецедентный мир «Великая Отечественная война» не только представляет собой специфическое пространство конситуативной интерпретации, но и формирует его.

Способы взаимодействия коллективного мировоззрения и индивидуального мировосприятия выстраиваются в иерархию, реализующую способность к изменению моделей восприятия и оценивания ключевых аксиологом русской лингвокультуры. Вертикальный контекст исторической эпохи и социальных потрясений, влияющий на расширение отдельных компонентов ценностно-ориентационного пространства русской картины мира, в годы Великой Отечественной войны характеризуется как основа единения в аспекте формирования и трансляции идеологизированного разделенного восприятия и интерпретации, демонстрирует высокую степень взаимовлияния элементов экспликации социокультурной и эпизодической памяти. Данный факт объясняется преимущественным совпадением мировидческих и мировоззренческих пластов в языковом отражении русской картины мира. Восприятие новых ценностных ориентиров в рамках конкретного прецедентного мира «Великая Отечественная война» отличается от традиционных моделей и демонстрирует преобладание необычных способов иллюстративности аксиологических компонентов.

Прецедентный мир представляет собой специфическое, тематически и темпорально детерминированное лингвоконцептуальное пространство русской картины мира, поэтому он должен основываться на выявлении, категоризации и концептуализации прецедентных феноменов различного порядка, которые есть как в объективной реальности, так и в ментальном психоэмоциональном пространстве. Тематический и статистический анализ позволил выделить следующие области языковой и текстовой актуализации прецедентных феноменов «Великой Отечественной войны»: 1) прецедентные имена и субъекты, 2) прецедентные события и факты, явления, 3) прецедентные тексты и высказывания, 4) прецедентные символы.

Предлагаемая работа представляет опыт исследования лингвоконцептуального пространства – прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской языковой картине мира, что должно быть представлено в лингвистическом пространстве современной научной гуманитарной парадигмы.

Введение

Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!
Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она,
Как сила, нам нужна...

Ю. Воронов

На современном этапе изучения процессов формирования глубинного содержания того или иного культурного концепта русскоязычного мира одну из ключевых ролей играет анализ опосредованной социально-культурным контекстом динамики введения тех или иных актуальных компонентов социокультурной памяти, а также исследование различной степени акцентуации элементов, вызванных к жизни эпизодической памятью. Одной из наиболее репрезентативных сфер концептуализации исторически, культурно и социально релевантных элементов формирования значимых для «русской души» и, безусловно, находящихся отражение в динамических процессах языковой системы, является Великая Отечественная война, выступающая как интерпретативное пространство аксиологического нормирования в русской картине мира, в котором находит свое отражение как коллективная, так и индивидуальная психоэмоциональная сфера автора того или иного текста. Создание общего, разделенного всеми членами лингвокультурного сообщества, пространства понимания значимости концепта в аспекте формирования прецедентного текста культуры представляет собой одну из наименее изученных областей лингвокультурологического направления когнитивной, коммуникативной и функциональной русистики.

Актуальность вопросов, рассматриваемых в монографии, объясняется, прежде всего, необходимостью создания неких культуроцентрических моделей языковой репрезентации и кодификации базовых метаконцептов как организующих способ мировидения и мировоззрения ментальных образований русской картины мира, способных обеспечить создание общего пространства восприятия конкретных лингвоконцептуальных областей и

способствовать формированию «национальной идеи»; а также социально значимым статусом прецедентного мира «Великая Отечественная война» в формировании общего пространства социокультурной памяти и ценностно-ориентационного пространства русской лингвокультуры. Таким образом, именно взаимодействие пространств семантической (социокультурной) и эпизодической (индивидуальной) памяти (термины Э. Тульвинга) (Tulving, 1972) формирует пропозициональную основу интерпретации семантики языковых единиц различного уровня, интенсифицирующих социокультурные компоненты в индивидуальном преломлении.

До настоящего времени не ставился вопрос о контаминационном взаимодействии социокультурной и эпизодической памяти в формировании новых компонентов значения и способах внедрения их в узуальное пространство интралингвокультурного взаимодействия, а также механизмах придания подобным единицам в их периферийной интерпретации статуса идеологом русской лингвокультуры.

В процессе проведенного исследования мы основывались на а priori принимаемом принципе антропоцентричности культурного и текстового пространства, следование которому позволило проанализировать базовые лингвокогнитивные механизмы экспликации и динамического взаимовлияния культуросоциологических и лингвоцентрических компонентов в функционировании прецедентного мира «Великая Отечественная война». Логику исследования сформировало доказанное положение о ведущей роли социокультурной памяти в формировании ценностных доминант и ключевых метапонятий как узловых единиц систематизации градиционной аксиологической шкалы русской картины мира.

В монографии выявлены, описаны и комплексно проанализированы когнитивные и языковые механизмы преодоления общественного противостояния введению новых аксиологически и идеологически маркированных компонентов в структуру базовых вербализаторов метапонятий прецедентного мира «Великая Отечественная война».

Прецедентный мир «Великая Отечественная война», являясь специфической лингвоконцептологической областью русской картины мира, представляет собой одно из базовых интерпретативных пространств внедрения и рефлексивной верификации аксиологических компонентов. Прецедентный мир как феномен лингвокогнитологии не только объединяет темпорально-близкие, ассоциативно и тематически связанные концепты, но и является базой экспансии когнитивных, локутивных, лингвемных, концептивных компонентов в системе русского языка и в коллективном мировоззрении (русской картине мира).

В процессе взаимодействия индивидуально-авторского мировидения и этнонационального мировоззрения в прецедентном мире «Великая Отечественная война» рождаются контаминированные единицы, актуализирующие компоненты социокультурной памяти и интимизирующие элементы эпизодической памяти, что придает им большой потенциал внедрения в русскую картину мира.

Среди базовых экспликаторов социокультурной памяти исследуемого прецедентного мира доминируют метаконцепты СМЕРТЬ, ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ, ВРАГ, ВОЗМЕЗДИЕ, ПОБЕДА, которые находят свою языковую репрезентацию в ядерных лексемах, обладающих высокой степенью представленности в прецедентных текстах культуры и максимальной социальной значимостью при детерминации исторической памяти русского народа.

Корреляты интимизированных (воспринятых в качестве объективно существующих) в обществе лексем-репрезентант метаконцептов с актуализаторами личностной авторской эмпирической верификации описываемых событий наиболее ярко и детально эксплицируют компоненты социокультурной памяти, подкрепляемые традициями и коллективной аксиологической системой, формирующей идеологизированные представления в русской картине мира, создающей основу культуры согласия в обществе.

Актуализация компонентов социокультурной памяти в рамках прецедентного мира «Великая Отечественная война» имеет динамический волюнтаристичный характер и соответствует трём базовым векторам расширения структуры значения: 1) эпизодическому, 2) историческому и 3) идеологическому.

Возможность вхождения в узус речепорождения новых компонентов аксиологической и идеологической сферы в процессе развития содержания базовых вербализаторов метаконцептов прецедентного мира «Великая Отечественная война» зависит от степени репрезентации социокультурной памяти в художественных произведениях и соответствии им элементов актуализации эпизодической памяти.

Все эти проблемы являются релевантными для развития русистики, что требует их тщательного лингвистического осмысления и описания.

ГЛАВА 1

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА

1.1. Интерпретативные пространства как основа формирования и развития смыслов и значений

Восприятие и интерпретация текстов художественного дискурса представляет собой предельно осложненный алгоритм авторско-читательского взаимодействия. Кроме того, в качестве некоего лично-маркированного результата осмысления репрезентированных в прецедентных текстах культуры феноменов Великой Отечественной войны, возможности расширения смысла и семантизации новых компонентов значения достаточно сложно зафиксировать и подвергнуть эмпирической верификации, как и все, находящееся в сфере духовного, или «затрагивающего струны русской души». Однако необходимо отметить невозможность абсолютной «герметичности» данных лингвокогнитивных процессов, так как они, безусловно, обязаны находить отклик в общедоступном пространстве – языковой системе.

Особенности процессов понимания и интерпретации при введении специфических компонентов эпизодической памяти в собственное читательское ценностное пространство зачастую обусловлены как объективными факторами (собственный опыт реципиента, фоновые детерминанты культуры и общества), так и вариативными (психо-эмоциональное состояние на момент восприятия, динамика вертикального контекста и т.д.). В случае с интенсификацией авторских компонентов подобная же схема должна применяться ещё и в рамках учета авторского фокуса. Таким образом, как фокус адресата, так и реципиента формируют в условно очерченном пространстве единого коммуникативного взаимодействия,

ограниченного рамками объекта коммуникации, некое интерпретативное пространство создания и восприятия смысла и содержания, что полностью отвечает антропоцентрической парадигме анализа как языкового, так и текстового пространства.

В качестве объекта исследования семасиологические аспекты извлечения смыслов как из текстовых единств, так и восприятия отдельных компонентов значения, актуализируемых в них и зафиксированных семантической памятью, выдвигаются на ведущие роли только в 1970-х гг. XX в. Данный «семасиологический поворот» текстоцентрических изысканий происходит в Констанцской школе рецептивной эстетики (Яусс, 1995, с. 48), основными положениями которой выступают: 1) художественный опыт обладает наибольшей продуктивностью в рамках интенсификации авторского мировосприятия при преломлении социокультурного опыта, 2) продуктивность художественного представления коренится в сотворчестве, представляющем собой семантическую креативность и потенциальную рецептивность трансформированных компонентов в лингвокультурном сообществе (Печенюк, 2021 б, с. 2416). Именно в данном ракурсе мы впервые можем говорить о взаимодействии социокультурной и эпизодической памяти в процессе со-творения смыслов и значений, т.е. создается контаминированный подход, сочетающий методологию традиционных концепций творчества, которые анализируют любой вид искусства (в том числе и литературного творчества) с позиций продуктивной деятельности (фокус продуцента), и реципиентских воззрений Констанцской школы.

Лингвокультурное сообщество как коллективный реципиент-интерпретатор в представлении с рассматриваемых позиций является «имплицитным читателем», который намеренно вводится в интерпретативное пространство самим автором для реализации перлокутивного эффекта, т.е. читатель всегда «имманентен произведению». Актуализация эпизодических и социокультурных компонентов представляет собой основу создания, трансляции и фиксации смыслов и значений не только в самом тексте художественного произведения, но и в языковой системе. Воздействие на читателя, причем читателя в широком смысле этого понятия, аргументативность введения компонентов содержания создают интерпретативное пространство, в котором «к общему знаменателю приводятся» мировосприятие и мировоззрение. Поэтому каждое интерпретативное пространство само создает объективную необходимость внедрения личностных фокусов как автора, так и реципиента, как персонажей, так и коллективного осознающего в каждом коммуникативном акте, а значит, представляет собой сферу взаимодействия определенных психологических и социальных

типов субъектов и объектов коммуникации, типичные для конкретного пространства модели распределения и смены коммуникативных ролей, выбор наиболее эффективных для интимизации описываемых событий речевых стратегий и тактик, что в конечном счете прогнозирует и моделирует зоны понимания/непонимания представленного текстового пространства (Буянова, 2017, с. 10).

Это программируемое воздействие с прогностикой означивания последовательно реализуется при следовании общей «схеме действования», прагматика и суггестия предполагают апелляцию личностного к общекультурному, прямая функция соотношения реально интерпретируемого и «будящего воображение» и создает степень восприятия введенных компонентов и определяет векторы интерпретации их читателем как носителем определенной картины мира (Боров, 1988). Актуальные динамические процессы формирования интерпретативных пространств в рамках текстовой деятельности в границах конкретного прецедентного мира возможны лишь на основании диалогических отношений: автор – читатель, личность – лингвокультура, социокультурное – эпизодическое. Историческая и культурная вариативность иерархических структур рецептивно-интерпретативного пространства текстовой реальности обуславливается именно попытками продуцента не просто сообщить реципиенту некоторые аспекты собственного восприятия, но и транслировать их в лингвокультуру, создав поле взаимодействия и понимания с помощью интимизации – введения в сферу личностного психоэмоционального и языкового базиса (Залевская, 1977).

Специфический ракурс рассмотрения процессов осознания текстовой реальности как интерпретативного пространства базируется на диалогическом взаимодействии автора и читателя общей области восприятия и понимания смысла, создающей как единое начало (некий стержневой элемент), так и потенциальную вариативность ассоциативных сфер. Лингвокогнитивные механизмы адресантно-адресатного сопроизводства и модификации смысла имеют в качестве своего фундамента не только художественный эмоциогенез продуцента, но и интенционально-рациональные усилия реципиента, а также особый вид аксиолого-эстетической когниции в процессе распрямления значимого для интенсификации отдельных компонентов прецедентного мира текстов.

Каждый художественный текст, представляющий в авторском преломлении некий прецедентный мир, является в то же самое время и объектом аксиолого-эстетической рецепции читателя и в качестве данного дихотомического пространства анализируется множеством смежных

дисциплин, раскрывающих специфику отдельных узловых компонентов интерпретации: 1) концепция художественной рецепции (Eagleton, 1996), которая выявляет аксиолого-эстетические компоненты текстового пространства в их функционировании и влиянии на степень интимизации описываемых событий, т.е. изменение онтологического статуса концептом и идеологем, транслируемых в авторском преломлении (таким образом, в рамках диалогического взаимодействия ценностных пространств и мировосприятий интерпретируемые конструкции могут приобретать новые характеристики); 2) общая психология восприятия художественного мира акцентирует свое внимание на квадранглических взаимосвязях «автор – текст», «текст – реципиент», «автор – реципиент», «текст – объективная реальность» в процессе «потребления» художественного «продукта»; 3) герменевтическая феноменология, рассматривает весь процесс интерпретации в качестве критического интенционального соотношения рецепируемого пространства с социокультурными и историческими компонентами, производимого в рамках компаративного анализа индивидуального и общественного мнения; 4) лингвистическая аксиология, соотносящая ценностно-ориентационные доминанты текстового пространства и способы их интимизации в сфере актуализации автором собственного вариативного видения норм и основ опредмечивания эстетических символов; 5) теория коммуникации анализирует дистантные механизмы адресантно-адресатного диалога. Таким образом, многогранное взаимодействие аксиолого-эстетических пространств продуцента и реципиента в процессе интерпретации и представляет собой художественную рецепцию содержания, смыслов и выработки и развития значений. Не подлежит сомнению и доминирование специфических компонентов эпизодических (субъективных) характеристик рецепирующего субъекта, как обобщенного представителя преломления социокультурной памяти в аспекте распределенного и интерпретации «объективных» феноменов художественного пространства, выстраивающихся на основании общей лингвосомиотической конвенциональности лингвокультурного сообщества (Романенко, 2014, с. 165). Финально-концепирующий этап внедрения эпизодических компонентов в социокультурную память в рамках художественной коммуникации – художественная рецепция, – замыкаясь на самой себе, образует некий герменевтический круг постоянных мутаций семантической конструкции и формирования новых аксиолого-эстетических компонентов, – продуцент, внедряя личностное в общекультурное, интимизируя значимое для него самого содержание для каждого отдельного реципиента как для типичного представителя лингвокультурного сообщества, побуждает читателя к осоз-

нанному диалогу в предложенном интерпретативном пространстве. Именно так обеспечивается культурно-историческая значимость формируемых в таких пространствах смыслов и их дальнейшая семантизация, создается базис функционирования эпизодических и социокультурных компонентов прецедентных миров.

Многоуровневость интерпретативно-рецептивного пространства членится на несколько уровней опредмечивания/распредмечивания: 1) имплементация и интенсификация художественной эмоции (Выготский, 1998); 2) интенциональная рефлексия над авторским RATIO, структурирующим содержание; 3) рецепирующее ассоциирование, являющееся пресуппозицией для построения интерпретативного пространства текста и выполняющее роль ключевого фактора создания прецедентности текста культуры. Согласно этим этапам распредмечивания вербальных знаков прецедентных миров вся рецептивная деятельность представляется особым типом интимизации фактов и ситуаций, а также внедрения образов художественной реальности в свою эпизодическую память, попытка «идентификации» Я-персонажей с ALTER EGO. Закономерно, что данная идентификация носит амбивалентный характер акцентуации двух архетипических оппозиций «свой – чужой» и «я – другой» – это, по сути, единение в противопоставлении. Все тот же амбивалентный характер рецептивно-интерпретативной деятельности в художественном пространстве позволяет читателю и как обезличенному, усредненному представителю определенной лингвокультуры, так и пред-, а иногда и противопоставленной этой лингвокультуре индивидуальности, актуализировать введенные в текст образы-роли, формируя эпизодический опыт посредством социокультурного, репрезентированного опять же через личностное пространство автора. Данный процесс можно представить в виде следующей квадранглической модели, которая включает все объективно существующие элементы обеспечения художественной рецепции-интерпретации в рамках единого прецедентного мира (см. рис. 1).

Необходимо подчеркнуть также трехстороннюю сущность трансляции социокультурных компонентов через эпизодическую «призму», задействованными оказываются такие механизмы, как эстетическая когниция, людическая природа имплементации компонентов прецедентного мира и волонтактивный характер селекции компонентов. Социально-культурный контекст, т.е. та объективная реальность, в которой происходит формирование интерпретативного пространства и художественная рецепция, представляет собой детерминанту аксиолого-эстетических и суггестивных функций произведения как символа прецедентного мира, которые, кро-

ме того, подвергаются влиянию и разноуровневых психоэмоциональных свойств реципиента. Следует, однако, подчеркнуть, что данный список отнюдь не полон, в исследованиях современных авторов, акцентирующих свое внимание на психологических и социальных предпосылках восприятия произведений искусства и их потенциальном влиянии на формирование культурных пластов, приводится множество дополнительных онто- и филогенетических факторов, структурирующих художественную рецепцию: психологические, этнонациональные, эпистемологические (Розанов, 1990).

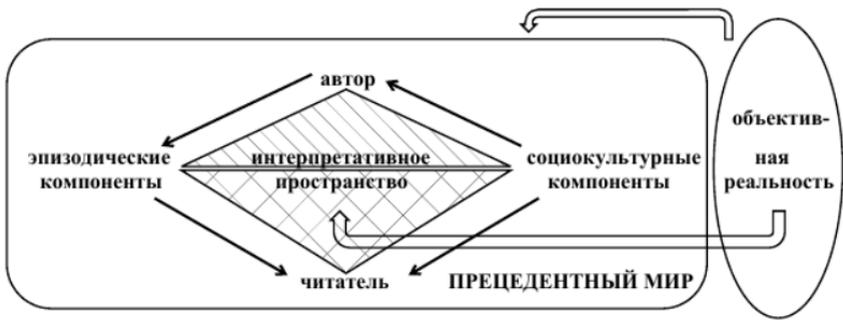

Рис. 1. Квадранглическая модель рецептивно-интерпретативной художественной деятельности

Каждое из интерпретативных пространств, как и механизмы художественной рецепции, детерминировано социально-культурными факторами, которые можно условно разделить на три широких направления: темпорально-эпистемологические, локально-национальные и морально-идеологические. Кроме того, при избрании того или иного вектора понимания «важную роль играют превалирующие связи между когнитивными позициями, поскольку в зависимости от дискурса высказывание может быть интерпретировано по-разному» (Цыганская, Борисова, 2019, с. 121). Не подлежит сомнению наличие динамики при диахроническом рассмотрении рецептивных процессов в различных интерпретативных пространствах, а также модификации прецедентных миров в рамках трансформации содержания их ключевых феноменов. И в данном случае нельзя согласиться с некоторыми теоретиками эстетической рецепции в том, что эта динамика, а также вариативность восприятия обусловлены банальным неадекватным или дефектным восприятием, не свойственным большей части лингвокультурного сообщества, — это не простое искажение отдельных компонентов

художественного смысла, онтогенетическое смещение базовых векторов в архетипических оппозициях аксиологического пространства или «отсутствие вкуса». В каждом вариативном представлении интерпретативного пространства прослеживаются интенциональные аспекты как реакция не только конкретного продуцента/реципиента, но и общая тенденция к развитию систем и механизмов восприятия и осознания по вышеозначенным векторам, приспособление собственных ориентаций к вызовам эпохи. Кроме того, не следует упускать из виду и динамику самого литературного процесса, развитие жанров и направлений в искусстве. Ориентированность изменений интерпретативных пространств и представляющих их текстов на социокультурную память подчеркивается большинством современных исследователей. Так, известный отечественный психо- и социолингвист М. Н. Макеева совершенно справедливо отмечает, что понимание как финальный этап распремечивания смысла и построение собственной содержательной структуры в гораздо большей степени интенционально, а не психофизично. Объясняется данный факт самой спецификой вербализации именно образов и представлений о чувственном восприятии реального мира (т.е. некоторых идеализированных лингвокогнитивных образований), это доказывается наличием в художественном тексте аксиологического компонента, выступающего «триггером» смыслообразующей рефлексии реципиента, базой механизмов идентификации когитемных, локутемных, лингвемных, концептемных компонентов в общекультурном пространстве и в собственной рефлексивной реальности (Макеева, 2000, с. 12).

Когнитивная, аксиологическая и эстетическая нагрузка интерпретативного пространства вне зависимости от модификаций его структуры проявляет прямую зависимость не только от периода (длительности) его актуального функционирования, но и от степени интенсивности его интимизации в культурно-семиотическом пространстве. Следует отметить, что в рамках осуществления одной из своих базовых функций – аккумуляции информации различных видов, – художественные интерпретативные пространства и рассматриваемый нами прецедентный мир «Великая Отечественная война» в максимальной степени сохраняют следы и отдельные элементы предшествующих вариаций рецепции и интерпретации, даже потенциальной, расширяя и фиксируя тем самым наиболее значимые эпизодические компоненты в социокультурной памяти. Сохраненная в семантической памяти информация о возможной и узальной интерпретации содержания достаточно быстро и без серьезных рефлексивных усилий восстанавливается каждым членом лингвокультурного сообщества – «комментирование произведений осуществляется лишь на основе дру-

гих произведений в гораздо большей степени, чем на основе минувшей действительности» (Ингарден, 1962, с. 463). Именно социокультурная память и функционирование современных интерпретативных пространств и представляющих их текстов в её рамках предоставляет возможность и являются главным условием потенциальной познаваемости событий, не доступных прямому наблюдению.

В своем фундаментальном труде по исследованию философии текстового пространства В. П. Руднев описывает возможность распространения функциональности интерпретативного пространства художественного текста не только на создавшую его лингвокультуру, но и на общечеловеческую аксиологическую сферу, пропозиции рефлексивной реальности являются собой гораздо большую инвариантную сущность, нежели материальное пространство, повлекшее его рождение. Ограниченность темпоральными и локальными рамками не свойственна текстовой реальности, имеющей «центробежный» характер, которая в отличие от реальности объективной «центростремительной в пространственном смысле» в процессе распространения и тиражирования вбирает в свое содержание неизмеримо большее число локусов как действительных, так и потенциальных (Руднев, 2000, с. 19-20). Возможность текстового интерпретативного пространства продуцировать новые культурные смыслы в процессе вариативной рецепции и интерпретации позволяет имплементировать данные новые содержания даже в рамках смены эпистемологической ситуации – прекращение этих процессов означает «смерть текста». Т.е. существование самого произведения вне интерпретативного пространства, вне прецедентного мира, воплощающего интенсифицирующий аспект его создания, представляется невозможным, – социокультурная память о феноменах его содержания стирается.

Однако можно с уверенностью утверждать, что коррелятивные соответствия в квадранглической модели не существуют изначально и не даны а priori, они формируются только при условии реализации интерпретативным пространством текста своей важнейшей функции – воздействия на читателя в процессе рецепции и перманентной аксиолого-эстетической коррекции воспринимаемых и интимизируемых компонентов социокультурной памяти. Вариативность интимизации так же органична, как и вариативность интерпретации, и основывается на свободной динамической структуриации художественного диалогического взаимодействия. Именно поэтому интерпретативные пространства можно считать не индивидуальными, но коллективными полилогическими образованиями, в которых раскрывается социокультурная значимость инвариантно-вариативного взаимодействия.

В рамках рецепции и интерпретации художественной реальности каждый читатель неизменно открывает для себя новые «схемы действия» в условиях внедряемой в самом тексте автором эстетической игры, восприятие или же неприятие их оказывается решающим фактором реализации не только коммуникативного эффекта текста, но и определяет возможность вхождения реципиента в интерпретативное пространство. Корреляция художественной рецепции и иллюкутивной интенции является неоспоримой. При этом следует указать на отсутствие автоматизма и облигаторности распространения действия актуальных «схем действия» по распределению программируемого воздействия, длительной и продуктивной функциональностью в концептуальном пространстве культуры будет отличаться тот текст, который эксплицирует и органично вводит в общее лингвокультурное пространство те прецедентные миры, сумма социокультурных компонентов которых превалирует над эпизодическими. Ключевым в данном феномене «выживания» эпизодических компонентов становится восприятие наибольшим количеством реципиентов и интимизация в коллективном интерпретативном пространстве «ситуации порождения, переживания, мышления именно с той точки зрения и в том ракурсе, каковыми оные предстали в практике мышледействования продуцента» (Бредихин, 2013). Деавтоматизация и постоянное изменение способов интерпретации не только в ситуации восприятия одного текста, но и при работе с целым рядом текстов, воплощающих единое интерпретативное пространство, постулируется многими учеными (Анисимова, 2018). Однако даже несмотря на постоянное изменение «схем действия» обязательность принципиального восприятия текстовой реальности и феноменов, описываемых в ней, является её ключевой характеристикой. Таким образом, вариативность художественной рецепции не исключает возвращения на тот или иной виток герменевтической спирали для прояснения содержания, а значит, формирования и развития интерпретативного пространства с все большим (после каждой новой интерпретации) совпадением «горизонтов ожидания» (Яусс, 1995, с. 79) реципиентов (прогностических стратегий) и продуцента как представителей одного лингвокультурного сообщества, что в динамике обеспечит наиболее адекватную интерпретацию.

Интерпретативное пространство как результат противоборства и итогового единения прогностической программы авторской суггестии и вариативного толкования различными реципиентами содержания вне пересечения полей «горизонтов ожидания» строится на основе эффекта «обманутого ожидания». Именно преодолевая этот эффект, читатель ин-

тимизирует представленные в текстовом пространстве феномены, а задача продуцента представляется ещё более сложной, – с одной стороны, следование, а с другой, слом вышеозначенной прогностики. Введение новых смыслодеривационных моделей формирует особое пространство лингвокогнитивного творчества, решающего поставленные авторской интенцией эстетические и когнитивные задачи (Кротова, 2016). Консерватизм и конвенционализированность социокультурной памяти как основы понимания и адекватной интерпретации являются прерогативой фокуса реципиента, а носителем новума в интерпретативном пространстве выступает эпизодическая память продуцента.

Конфликт социокультурных и эпизодических компонентов обычно сразу же оговаривается в произведении, как и способы его решения и механизмы интимизации амбивалентных корреляций. Например, в «Рассказах Ивана Сударева» как типичном тексте, презентующем прецедентный мир «Великая Отечественная война», А. Н. Толстой интенсифицирует образ русского человека в стереотипном восприятии его «открытости», насущной необходимости «излить душу», т.е. представить компоненты эпизодической памяти «на суд» памяти семантической. В завязке автор вводит два наиболее распространенных способа интимизации личностной психоэмоциональной сферы: 1) *пошел мягким голосом колобродить про свое отношение к жизни и смерти...* 2) *ни к селу ни к городу начинает освобождать себя от мыслей...* (Толстой, 1986, с. 420). Эти репрезентанты социокультурной памяти призваны интенсифицировать соответствие вводимых далее в пространство текста эпизодических компонентов: *То, что наши деды и отцы недодумали, приходится додумывать нам в самый короткий срок, иной раз – между двумя фугасками...* (Толстой, 1986, с. 420). В данном случае интерпретативное пространство понимания жизни модифицируется специфическим эпизодическим опытом самого продуцента и контрастивным изображением процессов интимизации, которые в мирное время оказываются предельно растянутыми во времени, а в условиях влияния на восприятие темпоральных трансформаций прецедентного мира «Великая Отечественная война» сжимаются до долей секунды.

Кроме темпоральных характеристик специфическую прогностику реализуют и финализирующие компоненты, которые в гораздо более жесткой форме навязывают читателю определенную «схему действия» по распредмечиванию смысла всего дальнейшего текста: *И делать немедленный вывод при помощи оружия...* (Толстой, 1986, с. 420). Конфликт компонентов в интерпретативном пространстве здесь ещё раз подчеркивается одним из субъектно-ситуативных феноменов анализируемого прецедент-

ного мира «оружие». При этом формирование смыслов происходит в художественном пространстве не по уже знакомым и конвенционально транслируемым моделям, но по новой схеме, внедряемой продуцентом в самом начале произведения. Разрушение заданных обыденной жизнью способов понимания событий объективной и рефлексивной реальности приводит к становлению особого, отмеченного новыми идеологическими векторами мировосприятия, потенциально претендующего на распространение и превращение в мировоззрение целого «поколения Войны», которое ещё не стало «поколением Победы». Закономерно, что подобная авторская интенциональность требует от реципиента вхождения в коллективное сотворчество и интерпретативное пространство, в котором будут доминировать уже трансформированные автором метаконцепты. Реципиентская интерпретация в данном случае вынужденно основывается на новых аксиологемах и следует новой эстетике.

Достаточно часто в произведениях, эксплицирующих особые прецедентные миры, наблюдается акцентирование собственной «очужденности» и интенсификации общелингвокультурных компонентов в процессе реализации ключевой эстетической функции, т.е. опредмечивания социокультурно значимых смыслов в образах. В произведениях периода Великой Отечественной войны внедрение данных индикативных аксиологем осуществляется в рамках речевого портретирования наиболее значимого персонажа: *Мы держим экзамен, великое историческое испытание, ... Культуру нашу, честную, мужицкую, мудрую несешь в себе?* (Толстой, 1986, с. 426) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). При этом интимизация осуществляется посредством хеджирования, представления собственных эпизодических компонентов в статусе социокультурных, разделяемых всеми и подкрепленных традициями русского народа: *На древних погостах деды наши поднялись из гробов – слушать, что мы ответим* (Толстой, 1986, с. 426) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Кроме того, подчеркивается и неединичность толкования общего смысла по предлагаемой «схеме действия»: *говорил он так, будто перед его пальцем сидела тысяча Андреев* (Толстой, 1986, с. 426) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае реципиент ощущает разделенность мировидения со всеми членами лингвокультурного сообщества и актуализация модельного восприятия феноменов прецедентного мира осуществляется в избранном пространстве интерпретации.

В интерпретативном пространстве можно выделить три темпоральных плана продукции/рецепции: 1) контактная рецепция и рефлексия над компонентами эпизодической и социокультурной памяти в непосредственной представленности (обычно занимает обозримый промежуток

времени, когда пережитые события ещё ярко представлены в памяти); 2) дистантная ретроспекция предполагает процесс осознанного сравнения с ранее имевшимся опытом и узуальными социокультурными компонентами (характеризуется средней отсроченностью рефлексии); 3) дистантная проспекция создает основу для дальнейшего функционирования эпизодических компонентов в социокультурной памяти и расширения интерпретативного пространства (Печенюк, 2021 б, с. 2419). Именно последний темпоральный план помогает органичной контаминации вариативных интерпретаций и созданию наибольшего количества точек бифуркации мировоззрения и мировосприятия. Смысл как динамическое образование детерминирован не только иллюкутивной целью автора, но и перлокутивным эффектом, оказываемым текстом, как определенной, четко структурированной последовательностью языковых знаков в их синергетическом взаимодействии, цельности и различных типах связности (когезии и когерентности). В таком объединении художественное произведение в условиях его рецепции в определенном интерпретативном пространстве может быть признано наивысшей коммуникативной единицей, демонстрирующей содержательно-смысловую и структурно-информативную завершенность (Валгина, 2004, с. 12). Художественный текст, созданный продуцентом, является базой, инвариантом смысла для распрямления всеми членами лингвокультурного сообщества, при этом его фиксация не является финализирующим актом формирования интерпретативного пространства, которое создается и развивается только в диалогическом взаимодействии.

Следует отметить, что вариативность трансляции, рецепции и толкования компонентов социокультурной памяти в эпизодическом преломлении даже в условиях влияния на трансформацию всего интерпретативного пространства не изменяет инвариант, т.е. сами социокультурные компоненты, ядерные аксиологемы. Интерпретативное пространство текстовой реальности является в данном случае гипотетическим потенциальным образованием, которое существует только в разделенной рефлексивной реальности всех членов лингвокультурного сообщества и выстраивается только благодаря полилогическому взаимодействию продуцента и реципиентов в рамках вышеописанной квадранглической модели. Текст в этом случае является не только репрезентантом прецедентного мира, но и неким медиатором в сотворчестве автора и читателя, который интенсифицирует интеллективно-эмотивное взаимодействие по созданию и расширению смыслов и семантизации их в отдельных компонентах значения. Трансляция в тексте компонентов социокультурной памяти как базы аксиологической системы лингвокультуры, формирующей определенное мировоззрение, предполагает

ет и обратно направленное воздействие – восприятие интерпретативным пространством в процессе рецепции и толкования текста компонентов эпизодической памяти как автора, так и читателя, который не является обычным сторонним наблюдателем, но выступает в качестве актора-соавтора. Взаимодействие продуцента и реципиента в создании общего пространства интерпретации базируется на культурном, историческом, коллективном и индивидуальном опыте реципиента, именно это обуславливает наличие реализационного компонента в генерализованном смысле, ведь извлечь и распределить возможным представляется только то, что потенциально сопоставимо с собственным пространством понимания.

1.2. Взаимодействие компонентов индивидуально-авторского мировидения и этнонационального мировоззрения в прецедентном мире

Ключевым вопросом обеспечения адекватной интерпретации различных компонентов смысловой иерархии и внедрения их в общекультурную семантическую память является проблема взаимовлияния личностных компонентов, которые обуславливаются авторским мировосприятием, и социокультурных концептуальных элементов, базирующихся на мировоззрении целого лингвокультурного сообщества. В большинстве социологических исследований используется понятие «менталитет», которое несмотря на достаточную содержательную емкость носит скорее вероятностный и описательный характер и не позволяет произвести научный анализ интенсификации эпизодических и социокультурных компонентов при формировании лингвоконцептологической области отдельной картины мира. В связи с этим при рассмотрении специфики образования и динамического развития прецедентного мира нами будут использоваться термины социальной философии «мировосприятие» и «мировоззрение». Данные термины носят зонтиковый характер, т.е. являются функциональными в интегративных областях знания, а значит, могут применяться при анализе процессов становления пограничных лингвокогнитивных феноменов. В трактовке С. Г. Воркачёва «зонтиковый» характер кроется в органичной трансплантации ядерных компонентов на различные феномены смежных сфер научного знания (Воркачев, 2003).

Итак, мировосприятие трактуется как «опыт формирования познавательных образов мира с использованием наглядных представлений человека» (Сергеева, 2009, с. 106). Таким образом, именно «наглядность», лич-

ная форма эмпирического опыта, непосредственное переживание и оценка тех или иных фактов реальной действительности является ключевым фактором формирования мировосприятия. Мировоззрение, обладая сходными критериальными показателями с мировосприятием, все же делимитируется от него именно обобщенностью и конвенциональностью структурирующих его констант, «система взглядов на мир и место человека, общества и человечества в нем, а также соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их идеалы, принципы деятельности, ценностные ориентации» (ФЭС, 2004, с. 496). Таким образом, мировоззрение не является простой суммой представлений всех членов лингвокультурного сообщества, но представляет собой их предельное обобщение, т.е. каждая мировоззренческая максима должна подвергнуться процессу концептуализации и конвенционализации не только в эмпирической верификации, но и в сфере рефлексивного пространства, т.е. это некая общая для всех разделяющих мировоззрение картина мира. Данные более локальные, конкретные и конкретизированные понятия переводят рассмотрение часто гипостазированных размышлений в научное русло исследований русской картины мира и когнитологический анализ концептов, типажей и лингвоаксиологического пространства.

Одним из наиболее дискуссионных в современных исследованиях картин мира является вопрос об интимизации мировоззренческих компонентов в индивидуальной картине мира, т.е. функциональная нагрузка общепринятых конвенций в мировосприятии. Мировосприятие как личностная форма мировоззрения и понимания является достаточно устоявшимся в современной философии и социологии, причем интенсификация личностного компонента мировосприятия свойственна только русской лингвокультуре. Так, в английском языке эквивалентами данного понятия являются *world view* (мировоззрение) и *world perception* (мировосприятие), хотя и передают обязательное взаимодействие с объективной реальностью, но не эксплицируют индивидуализации этого взаимодействия. Однако в некоторых случаях попытка внедрения личностного и интенсификация эпизодических компонентов в восприятии общего может быть признана весьма удачной: *sense of global consciousness* (чувство глобального сознания) или *belief system* (система верований). Некоторые языковые системы воспринимают в качестве доминанты данного феномена именно наглядное представление, т.е. непосредственное взаимодействие, например, нем.: *Weltanschauung* (мировоззрение), которое, однако, все ещё несет на себе отпечаток наличия социокультурных общих компонентов. Именно по причине личностного характера перцепции и апперцепции в формиро-

вании мировосприятия идеологизация мировосприятия в русскоязычной традиции не представляется невозможной.

В качестве родового гиперонима для терминов «мировосприятие» и «мировоззрение» можно считать картину мира, определение которой в наиболее релевантном для нас понимании высказали неогумбольдтианцы и в частности К. Ясперс, понимавший под ней «совокупность предметных содержаний, которыми располагает человек» (Jaspers, 1919, S. 122). Следует упомянуть, что именно воззрения К. Ясперса позволили делимитировать в картине мира мировоззренческие и мировидческие компоненты, поскольку разделение на «глобальную» и «личную» картины мира выводит на новый уровень исследование взаимодействия этих картин мира и дает возможность рассмотрения этого лингвокогнитивного феномена как многоярусного и иерархически структурированного: «В той степени, в какой картины мира суть объективированные силы, творения людей, они субъективны, поскольку же с каждым таким актом человек вырастает в обладающий собственными законами мир всеобщего, поскольку он сразу же подпадает под власть того, что он сформировал, постольку всякая картина мира одновременно объективна» (Jaspers, 1919, S. 124 – перевод О. А. Радченко).

Индивидуальные особенности мировидения закодированы именно в системе представлений и образов, а общее, как указывают многие исследователи, обуславливается отражением в индивидуальном деталях объективной реальности, которая представляет некую разделяемую сообществом базу. При этом необходимо подчеркнуть, что субъективная часть составляет основу связности данных представлений, т.е. создает системные отношения в концептуально-когнитивном пространстве личности. Неспорим тот факт, что личностных знаний о реальной действительности каждого конкретного отдельно взятого индивида недостаточно для формирования не только картины мира, но и той небольшой эпизодической части, которую представляет мировидение. При этом человек не ощущает в своей индивидуальной картине мира никаких недостатков, феноменологически она является цельной и имманентно интуитивно структурированной, она является репрезентантой того или иного прецедентного мира. Заполнение отсутствующих в эмпирике когнитивных областей происходит посредством изъятия из области конвенционализированных представлений, т.е. из мировоззренческого пространства. Субъективные представления (эпизодические компоненты) дополняются и расширяются апперцептивно усвоенными знаниями и опытом (социокультурной памятью). Т.е. индивидуальная картина мира создается во взаимодействии личностного и общественного, иногда в это генерализованное пространство внедряются принимаемые на веру убеждения, рассредоточенные представления (слухи),

модифицированные по индивидуальным моделям стереотипы (домыслы), однако именно этот конгломерат эмпирики и рефлексии нивелирует эпизодическую некомпетентность, а значит, реализует принцип наполненности мировидения. Мировидение не является некоей жестко заданной сферой интерпретации любого феномена, оно существенно отличается от парадигм и моделей научного и специального взаимодействия с реальностью, поэтому оно способно варьироваться в зависимости от предлагаемых условий актуализации доминант. А. М. Пятигорский описывает основную функцию разделенных пространств восприятия как универсальную объяснительную модель, содержащую способы разрешения имманентно содержащихся в каждой ситуации противоречий: «Наука не может дать ответа на все вопросы, которыми она занимается, а мировоззрение может дать ответы на все вопросы, которыми оно не занимается» (Пятигорский, 1996, с. 116). Мировосприятие во всем несовершенстве своей системы все же дает индивиду возможность ориентироваться в мире, строить свою собственную концептуально-валерную систему (термин С. Н. Бредихина), а во вторую очередь соотносить её с лингвокультурной, т.е. социально объективной и точной картиной мира (мировоззрением) (Фромм, 2001).

Мировосприятие является ядерным компонентом индивидуальной картины мира, в которой органично сплетаются как эпизодические, так и социокультурные представления, частные конкретные и общие типизированные образы. Каждое высказывание можно считать эксплицирующим компоненты мировосприятия в своей ситуативной и субъективной направленности, однако мировоззренческим возможно признать только генерализованные компоненты мировосприятия. Например, в романе А. А. Бека «Волоколамское шоссе» практически каждый компонент вербализации мировосприятия, т.е. эпизодической памяти (пережитого автором и значимого и известного только непосредственным участникам событий), подкрепляется высказыванием, эксплицирующим мировоззренческие компоненты, т.е. социокультурную память, интимизируя посредством этого авторские концепты, вводя их в общекультурное пространство русской картины мира: *За день-два до нашего прибытия было переброшено на грузовиках через Волоколамск к Московскому морю пехотное училище имени Верховного Совета; за ним туда отправилось с учебными орудиями Московское Краснознаменное артиллерийское училище. Москва, – я произношу это высокое слово, разумея **Ставку, Кремль, Родину**,..* (Бек, 1960, с. 15) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае при интенсификации эпизодического опыта автора в периферийную сферу метаконцепта русской картины мира РОДИНА и концепта прецедентного мира «Великая Отечественная война» СТАВКА интенционально вводятся эпизодические вер-

бализаторы «*пехотное училище имени Верховного Совета*», «*Московское Краснознаменное артиллерийское училище*», «*Московское море*» (имеется в виду Ивановское водохранилище). При помощи подкрепления первого высказывания вторым продуцент осуществляет расширение прецедентного мира посредством личностных ассоциатов, которые, выступая в качестве вторичных номинантов ядерных прецедентных феноменов, легитимизируют в процессе интерпретации переживания автора и формируют прецедентную ситуацию «битва за Москву», которая в результате темпорально-контактной рефлексии идеологизируется в русской картине мира.

Генерализацию, концептуализацию и идеологизацию в процессе расширения прецедентного мира можно рассматривать в качестве ключевых механизмов формирования мировоззренческих компонентов из мировидческих. Так, например, имплицитно оценочная фраза *В этот час, на этом русском поле, где стоял перед строем человек с позорно забинтованной рукой, без пояса, без звезды,..* (Бек, 1960, с. 24) (выделено нами. – Т.Б., А.П.) вводит в периферийную область концепта ПРЕДАТЕЛЬ, новую для рассматриваемого прецедентного мира ситуативно-каузативную ситуацию «самострел». Казалось бы, по какой причине рука может быть *позорно* забинтована, широкий горизонтальный контекст в данном случае не обязателен, так как при вербализации прецедентного феномена «лишение знаков отличия», аргументирует посредством общеизвестного факта индивидуальную оценку, внедряя её в аксиологическую систему целого сообщества, поскольку в процессе контаминирования мировидения и мировоззрения индивидуальная оценка способна приобретать статус общекультурной истины.

В рамках данного подхода мировоззренческие компоненты определяются как ядро индивидуальной картины мира, содержащее базовые элементы структурирования и развития общих закономерностей по формированию представлений о способах взаимодействия с объективной реальностью, которая в свою очередь вбирает в себя векторы формирования некоего идеального мира как основы ценностных ориентаций (Леонтьев, 2000). На формирование и динамику мировидения наибольшее влияние оказывают как перцептивное, так и апперцептивно воспринятое знание, специфические социокультурные схематизмы, каждый из уровней языковой системы и иных способов инкодирования и трансформации этих знаний. Различие эпизодических и социокультурных компонентов в прецедентном мире как специфической области русской картины мира, представляющей собой особый вид концептосферы с темпорально и локально сходными, а также объединенными в тематическое поле концептами и ме-

таконцептами (Слышкин, 2004) может обуславливать мутации мировоззрения и смещение акцентов в ценностно-ориентационной системе: **Я убивал сына, но передо мной стояли сотни сыновей. Я обязан был запечатлеть в душах: изменнику нет и не будет пощады!** (Бек, 1960, с. 28) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Таким образом, мировидение в интерпретировании феноменов прецедентного мира имеет не только индивидуально-личностный характер, но всегда стремится к генерализации интуитивных схематизмов и бессознательных идиотипов.

В мировидении каждого конкретного представителя лингвокультуры можно выделить четыре аспекта, которые интенсивно влияют на мировоззрение целого общества и способствуют увеличению количества интенсифицируемых в прецедентном мире феноменов.

Содержательный пласт отвечает за формирование и актуализацию в системе мировидческих представлений как эксплицитно конвенционализированных, так и интуитивно ощущаемых имплицитных мировоззренческих постулатов, структурирующих закономерности, по которым, согласно интерпретации в заданной системе координат, т.е. прецедентном мире, строится идеальная реальность. В некоторых случаях вербализация «истинных» банальностей приобретает форму народных паремий: *Немца бить – не кур щупать...* (Толстой, 1986, с. 432); *...кто пьян, да умен – два угодя в нем...* (Толстой, 1986, с. 432). В других случаях это разделенные всеми членами лингвокультурного сообщества идеологизированные высказывания: *Родина – это мы, наши семьи, наши матери, наши жены и дети* (Бек, 1960, с. 35) или же экспликации общечеловеческих базовых потребностей, зачастую инстинктивных: *Все хотят жить!* (Бек, 1960, с. 33). При этом необходимо четко делимитировать мировидческие и мировоззренческие представления, которые могут относиться к различным сферам деятельности и обладать различной степенью освоенности в прецедентном мире «Великая Отечественная война»: космологические, гносеологические, социоморфные, антропоморфные, бытовые и т.д.

Ценностный аспект задает ориентиры в аксиологическом пространстве личности и всего сообщества, формирует идеализированные представления о «должном бытии». В соответствии с нормами, актуализированными на ценностном уровне мировидения, каждый реципиент сопоставляет реальную и рефлексивную реальность и делает вывод о её соответствии идеальному образу мира. И если первый уровень характеризуется исключительно коллективно созданными компонентами, то на данном уровне представлены как эпизодические личностные, так и социокультурные коллективные интенсификаторы социокультурной памяти. Например, в рамках прецедентного мира «Великая Отечественная война» можно рас-

смагивать в качестве мировидческого постулата: *русский человек – хитро задуманный человек и не плоскому немецкому ограниченному уму тягаться с трезвым вдохновенным, не знающим часто даже краев возможностей своих, острым русским умом* (Толстой, 1986, с. 449). Однако в процессе сравнения с представителями иной лингвокультуры, являющимися противником в темпорально-контактном рефлексивном пространстве, данное высказывание приобретает статус мировоззренческой генерализации, т.е. формирует схематизм отношения к немцам в архетипической оппозиции «свой – чужие». Таким образом, индивидуальные идеалы транслируются в общекультурное ценностное пространство «Что русскому хорошо, то немцу смерть!». Следует также признать, что подобное противопоставление коррелирует с наивной, народной мифологизацией, которая актуализируется в период ВОВ на основе интертекстуальности, весьма успешно поддерживаемой реминисценциями к произведениям Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и др.

Структурный аспект отвечает за тип систематизации и иерархизации мировидческих и мировоззренческих компонентов в индивидуальной картине мира, т.е. создает пространство доминирования эпизодических или социокультурных компонентов памяти, формирует мировосприятие как единое целое. Следует подчеркнуть различную степень реализации связности и непротиворечивости этого целого. Зависит это, прежде всего, от наличия интенциональных рефлексивных усилий по интеграции и структурированию ценностных постулатов или же отсутствия таковых, абсолютной интуитивности при формировании аморфного, фрагментарного, отмеченного целым сонмом противоречий. Не подлежит сомнению наличие прямой зависимости между четкой структурированностью мировидения и зрелостью психоэмотивного пространства, развитостью рефлексивных и когнитивных навыков, однако, в данном случае важно придерживаться так называемой «золотой середины», ведь максимальная структурированность характеризует не только идеологически стойкую личность, но и фанатика. Анализ структурных компонентов мировосприятия в рамках единого прецедентного мира зачастую позволяет выявить относительно свободные области иерархической организации, которые являются основой вариативной интерпретации одних мировоззренческих постулатов. Так, в романе А. А. Бека эксплицируются контрастные концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в едином метаконцепте ВОЙНА: *Солдат идет в бой не умирать, а жить!* (Бек, 1960, с. 30). Слом ориентаций и модификация интерпретативного пространства происходит в рамках объединения в прецедентном мире двух полюсов архетипической оппозиции «жизнь – смерть». В темпорально и ситуативно дистантной рефлексии большин-

ством членов лингвокультурного сообщества война воспринимается не как возможность проявиться доминированию «сознания долга над инстинктом самосохранения», а как феномен легитимизации убийства, которому чуждо само понятие «жизнь». В ситуации смещения доминант и попытке имплементировать мировидческий компонент «жизнеутверждающей сути народной войны» возникает вариативное толкование смысла, и роль солдата в бою – не умереть «смертью храбрых», а выжить: *в этой небывалой войне за будущее нашей Родины, за будущее каждого из нас, любовь к жизни, неистребимый инстинкт самосохранения должен стать для нас не врагом, а другом* (Бек, 1960, с. 31) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Функциональный план обеспечивает реализацию максимально возможной степени интенсификации социокультурного компонента и характер его влияния на мировосприятие, трактовку субъектом реальности и возможностей его действий в этой реальности. В данном случае способы влияния могут быть разделены на две большие группы: 1) интуитивно-непосредственное и 2) интенционально-опосредованное. Например, ситуативно обусловленный и общепризнанный в рамках прецедентного мира «Великая Отечественная война» феномен расстрела раненых товарищей для некоторых является само собой разумеющимся и единственно правильным (истинным) действием, т.е. его интенсификация происходит по интуитивно-непосредственному сценарию – *Все бойцы дрались до предпоследнего патрона, все мертвы. Простите меня, товарищи. Эвакуировать вас я не имел возможности, сдавать вас немцам на муки я не имею права. Будем умирать как советские солдаты* (Бек, 1960, с. 196-197). Для других представителей того же лингвокультурного сообщества, более того, субъектов того же прецедентного мира модель интенсификации мировоззренческих компонентов данного прецедентного феномена будет являться интенционально-опосредованной, в тексте данная форма зачастую реализуется в форме особого средства психологизации – внутреннего монолога: *Могу ли я так поступить? А как иначе? Сдать раненных врагу? На пытки? Отвечайте же мне!* (Бек, 1960, с. 197). Степень же влияния будет прямо пропорциональна интенсификации условий истинности мировоззренческих компонентов, иногда барьеры эпизодической и социокультурной памяти настолько непреодолимы, что мировоззрение намеренно изолируется от действий в объективной реальности.

Кроме того, можно выделить особый пласт инвариантности/вариативности, мировидение в качестве личностной репрезентанты мировоззрения обладает сходными характеристиками лабильности и ригидности в зависимости от ситуативной экспликация прецедентного мира. Сохране-

ние стабильного ядра мировидения представляется вполне логичным для адекватной реальной деятельности, также это соответствует основному принципу объективного отражения сохраняющей свою неизменность действительности. При этом вполне обоснованным можно считать и ситуацию, при которой происходит изменение не только эпизодических, но и социокультурных компонентов, что является адекватной реакцией на изменения в реальном мире. Конфликт возникает при несовпадении скорости или же глубины трансформации объективной реальности и картины мира, что влечет за собой дефектные реакции. Сохранение мировоззренческих компонентов при смене объективных предпосылок посредством игнорирования фактов нарушения законов эмпирической и рефлексивной верификации возникает довольно часто, например, любые аффективные модели действия (Kelly, 1955).

В качестве одной из наиболее специфических черт мировоззрения и мировидения следует указать квазиобъективность, т.е. психоэмотивные конструкты – генерализации и схематизмы мировоззрения – в их эпизодическом преломлении воспринимаются каждым реципиентом в качестве объективной характеристики реальности, зеркального отражения мира. Происходит это в силу следующих объективных причин: 1) мировоззрение является контаминацией гносеологических процессов и когнитивной рефлексии, строится, прежде всего, на смысловых (семантических и символических), а не объективных и непосредственных связях (Иванов, 1986; Козловский, 1986 и др.); 2) базовой характеристикой мировоззрения является облигаторность и безапелляционное транспонирование эпизодических компонентов в качестве всеобщих требований и универсальных постулатов, якобы представляющих закономерное следствие некоего мирового порядка и основывающееся на самой человеческой природе (Иванов, 1986, с. 69). При этом механизм интенсификации мировоззренческих компонентов в личном пространстве мировидения таков, что каждый субъект вербализации пребывает в состоянии убежденности в том, что он транслирует именно объективное, общее и признаваемое всеми суждение, а не обусловленные собственной психоэмоциональной и волюнтаривной сферой мысли и суждения. Так называемая «иллюзия объективности» обеспечивает относительную устойчивость содержания прецедентных миров и защиту от искажения под воздействием Я-концепций. При этом необходимо понимать, что данная устойчивость является прямым следствием самой формы формулирования и транспонирования смысловых ориентаций, которые выказывают максимальную степень проективности, т.е. иррадируют на все смежные области, базирующиеся на глобальных ценностно-концептуальных установках. Легитимизируя собственные эпизодические как тем-

порально-контактные, так и темпорально-дистантные результаты рефлексивной деятельности в рамках интенсификации общих мировоззренческих компонентов, каждый продуцент снимает с себя долю ответственности за то или иное мнение. Таким образом, взаимодействие мировидческих и мировоззренческих компонентов при формировании смыслового содержания прецедентных миров служит в качестве специфического концептуального хеджирования. Анализируя степень распространенности ассоциированных суждений о легитимизации эпизодических оценок в рамках тематически маркированных пространств, можно заключить, что наибольшим проективным потенциалом в русской картине мира обладают суждения о генерализованных метаконцептах прецедентного мира «Великая Отечественная война», вербализованные в произведениях, основанных на темпорально-контактной рефлексии. Они часто не производятся самостоятельно, но усваиваются по специфическому типу «родительского сценария» (Берн, 1992), т.е. наследуются из предшествующих стереотипов и пополняются собственными компонентами. Например, воспринимаемый и транслируемый многими молодыми советскими солдатами стереотип «немец – мужчина серьёзный и воюет по часам, а время у них своё, германское, берлинское» неоднократно находит свое подтверждение в ассоциативном поле интенсифицируемого инокультурного концепта ПОРЯДОК. В некоторых случаях подобные мировоззренческие суждения приобретают форму императивов и прескриптивов, что особенно характерно для прецедентных текстов войны.

Формирование пространства прецедентного мира происходит во взаимодействии мировидения и мировоззрения и приобретает форму генерализации индивидуального опыта в процессе выражения его в конвенционализированных закономерностях и сходных по степени разделенности высказываниях. Ведь это одно из основных свойств человека – эпизодическую память единичного события воспринимать как проявление закономерности в рамках восприятия прецедентного мира гораздо легче, чем предполагать, что оно является девиацией, отклонением от привычного стереотипизированного объяснения. Аморфные рецепции неструктурируемых феноменов в процессе расширения интерпретативного пространства, как правило, сменяются осознанными мировидческими компонентами в результате темпорально-контактной рефлексии, а с подключением интенционального анализа не только эмпирики, но и апперцептивно преданных посылок социокультурной памяти прирастают мировоззренческими компонентами. Знакомство с различными текстовыми, в широком смысле этого слова, пространствами привносит в собственное мировидение новые грани, которые с вовлечением в них новых обертонов и привязки к различным лингвокон-

цептологическим областям превращаются в новые формы делимитации прецедентных миров в единой картине мира целого сообщества. Ригидная имплементация мировоззренческих компонентов не может привести к формированию адекватного мировосприятия, в данном случае неизбежно возникает конфликт интимизации. Лишь интеграция мировидения и мировоззрения формирует рефлексивно верифицируемый конструкт, позволяющий избежать мифоидеологической имплантации, приводящий к когнитивному диссонансу и при частотных проявлениях к распаду прецедентного мира на отдельные, социокультурно не маркированные феномены. Общность аксиологических установок и единство в интенциональном распределении и интуитивном восприятии такого прецедентного мира как «Великая Отечественная война» позволяет ему функционировать как в мировоззрении, так и в мировидении по конвенционализированным моделям, что в итоге дает возможность идеологизации его ядерных метаконцептов.

Следует также указать на тот факт, что идентификация продуцента/реципиента как члена того или иного лингвокультурного сообщества, восприятие как собственных социо- и этномаркированных компонентов отнюдь не означают нивелировки космополитической модели самоидентификации с восприятием и легитимизацией общечеловеческих, надэтнических компонентов. Данная многоуровневая структура не заменяет собой мировидение отдельной личности, но надстраивается над ней, и таким образом сохраняется базовый слой интерпретации прецедентного мира.

1.3. Принципы вербализации аксиологических компонентов в русскоязычных текстах прецедентного мира «Великая Отечественная война»

Война как форма существования контрастивных сообществ, как и каждое событие, инициированное человеком, является культурным феноменом. Согласно известному исследователю философских оснований социальных и исторических феноменов, неокантианцу Г. Риккерт, в каждом из культурно маркированных пространств неизбежно обнаруживаются ценностные доминанты, они могут являться общечеловеческими, национальными или контекстуальными, культурный феномен, стоящий за её восприятием как некий символ, и призван репрезентировать (воплощать) данную ценность вне зависимости от её конвенционализированности, разделенности или формирования в ходе развития данного феномена (Риккерт, 1998, с. 55).

Социально-культурный контекст, влияющий на приращение отдельными компонентами ценностно-ориентационного пространства русской картины мира, в годы Великой Отечественной войны отличался не только тенденциями к единению в рамках создания идеологизированного разделенного восприятия, но и высокой степенью контаминирования эпизодических и социокультурных компонентов ввиду совпадения сфер мировидения и мировоззрения, по крайней мере, в отношении наиболее репрезентативных феноменов. Взгляды и ценности, актуализируемые в том или ином прецедентном мире представляют собой необходимое и достаточное основание для единения и самоидентификации в качестве «правового», избранного сообщества, т.е. каждая из социокультурно маркированных версий аксиологической системы сохраняет свои позиции в качестве доминантных в массовом сознании. Идеологический компонент, с одной стороны, активно внедрялся в процессе формирования генерализованной негативной оценки противника и всех ассоциированных с «чуждой» идеологией пространств, с другой – в качестве доминирующих ориентиров аксиологического пространства предлагались метаконцепты, имеющие в своей основе объединяющие социокультурные компоненты. Данные процессы строились на имплементации новых граней архетипической оппозиции «свои – чужие». При этом следует учитывать, что активная пропаганда была построена на принципах, соответствующих интуитивной традиционной базе ценностно-концептуального пространства русской лингвокультурной общности, – исконные народные настроения, религиозная традиция, мифолого-языческие сохранные компоненты русского мира в этот период времени оказались не контрастивными, а вошли в резонанс с идеологическими формантами картины мира. В случаях несовпадения «концептуальных миров» разных субъектов в контрастивные отношения вступают и субъекты и предикаты высказываний, способствующих идеологизации, в этом случае происходит демонстрация несогласия в оценках (Вольф, 2005, с. 70) приоритетных схематизмов «чужого» и «своего». Вероятно, данные социально-культурные предпосылки формирования общего разделенного аксиологического пространства различных социальных групп русской лингвокультуры можно обнаружить в более ранних эпохах. Так, ещё в X-XIII вв. сходным аспектом сохранения традиционных, часто интуитивных и недифференцированных ценностей на фоне имплементации отдельных компонентов христианской воспринятой культуры характеризовалась идеология «собирательства русских земель»: «...продолжала свою прадедовскую религиозную жизнь <...> не забывали своего язычества с его богатой мифологией...» (Рыбаков, 1988, с. 774). Подобное единение

эпизодики, темпорально-синхронной эпистемологии и социокультурных аспектов формирования цельного и непротиворечивого аксиологического пространства наблюдалось практически в каждом периоде «тяжких для Отечества времен», в качестве примера можно привести и Первое и Второе ополчения XVII в., и период Отечественной войны 1812 г.

Базовой проблемой делимитации личностных и коллективных аксиологических систем и способов внедрения их компонентов в пространства друг друга является содержание понятия «ценность» как таковая. «Новейший философский словарь» видит в ценностях только функционально-нормирующую компоненту, – именно ценности формируют смыслообразующую базу осознанного бытия человека и таким образом задают осознанную мотивировку действиям (Новейший философский словарь, 2003, с. 60), что предполагает, прежде всего, соотнесение собственной индивидуальной аксиологической системы с коллективными компонентами её формирования. С подобной оценкой примата целеполагания в аксиологическом пространстве согласны многие ученые, например, А. В. Иванов подчеркивает, что намеренная гармоничная активность во взаимодействии с реальностью и есть суть ценностной надстройки рефлексивной реальности (Иванов, Миронов, 2004, с. 545). Т.е. иллюзия в действии как реальном, так и коммуникативном воспринимается как доминанта трансформации аксиологического пространства, функционирующего в определенных констатируемых условиях. Однако некоторые в качестве доминантной компоненты признают интенсификацию интерпретации прецедентного феномена – коллективной составляющей ценностных ориентаций. Можно сделать вывод о разграничении ценностной категории в контексте и пространстве специфического осознания в асимметрии волонтеративного пространства мировосприятия (Печенюк, 2021 г, с. 38), а значит, имплементация оценочных компонентов в тексты, репрезентирующие прецедентный мир «Великая Отечественная война» также осуществляется на основе делимитации эпизодики и социокультурных основ.

Так, экспликация в базовых вербализаторах «единение», «общность» совпадения ценностных ориентиров отдельных социальных групп в произведениях, интимизирующих феномены прецедентного мира «Великая Отечественная война», наблюдается достаточно часто: *Это опять были чудесные минуты счастья <...> когда ощущаешь себя слитым во едино с батальоном* (Бек, 1960, с. 86) (выделено нами. – Т.Б., А.П.); слияния в качестве трансляционного пространства оценки представителей различных возрастных групп: *Я намеренно их соединил – юношу Донских с сорокалетним Волковым...* (Бек, 1960, с. 116). Более того, необходимо подчеркнуть, что интенсификация общности целевых ценностных устано-

вок происходит не только в рамках описания психоэмотивной сферы, но и в её экстраполяции на физические качества, транспонирования элементов духовного в соматизмах: *...каждым ударом ноги, будто единой у сотен...* (Бек, 1960, с. 238) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Но вербализация единства векторов развертывания мысли происходит не только на уровне перцепта, опредмеченного в том или ином коде или же объективной реальности, но и на уровне заданного посредством доопытной рефлексии апперцепта: *И лип Сергей к разговору кучки пленных, прислушивался к шепоту и стону, ловя в них эхо своего...* (Воробьев, 1987, с. 158) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Многие исследователи отмечают, что расширительное понимание ценностно-ориентационного пространства, включающее в себя как моральные ориентиры, идеологические установки, так и религиозные догматы, причем как современных общественных формаций с устойчивым мировоззрением, так и древних сообществ с их недифференцированной системой устремлений, значительно упрощает научные представления о роли отдельных личностных компонентов в формировании коллективного осознанного пространства оценки (Поршнеv, 1979, с. 199). С течением времени понятие аксиологического пространства приобрело зонтиковый характер и стало применяться во множестве социоцентрических дисциплин, определение механизмов интенсификации ценностного мира посредством прецедентных феноменов, т.е. сравнением с идеализированными образованиями реальной действительности, является, очевидно, наиболее отвечающим задачам нашего исследования. Таким образом, в формулировку базы ценностных ориентаций, конвенционализируемых в русской картине мира, органично включаются различные формы интенсификации и актуализации апперцептивной сенсуализации связей личности с неким надбытием общества, востребованными здесь представляются те области, которые покрываются понятиями «система принципов», «вера», «нравственный императив» и др. Подобное определение аксиологического пространства как нормирующего коррелирует с понятием «незримого судьи», религиозных догматов, неразрывно связывающих все представления о мире (научное мировоззрение) и идеализированную область должествования (мораль) (Лексика русского литературного языка..., 1981, с. 236). При этом объединение в аксиологическом пространстве духовных и идеологических (политических) компонентов не является противоречием, ведь по степени воздействия на массовое сознание данные компоненты практически равны, что прослеживается в их частом совместном использовании в качестве легитимизирующих принципов: *Дай бог тебе советского жениха!* (Воробьев, 1987, с. 110) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

В случае же интенсификации контрастивных компонентов, т.е. актуализации отличий «своих» и «чужих» даже в способах взаимодействия духовного и идеологического: ...они держались *левыми руками* за пряжки своих *поясов с надписью «с нами бог», а правыми* придерживали у бедер *черные автоматы* (Воробьев, 1987, с. 149) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Намеренное введение вербализаторов идеализированного мира и маркеров их антагонистических сфер «война», «убийство», наряду с акцентуацией принадлежности обеих характеристик субъектам прецедентного мира, воспринимаемым как «чужие», интимизирует отличия единства и целостности собственных оценок и противоречий, разрывающих систему оценки противника. Русские ценности противопоставляются немецким в рамках прецедентного мира «Великая Отечественная война» на основе метафорической экспликации, переноса символов разрушения и сопротивления с антропоцентрических феноменов на культуроцентрические: *Святыни русские, взорванные немцами, размахивают колокольными языками...* (Толстой, 1986, с. 426) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Традиционно актуализируемой в пространстве войны ценностью представляется дисциплина, которая базируется на одной из основ общечеловеческой ценностно-ориентационной системы – позитивного полюса архетипической оппозиций «порядок – хаос», «этнос – пафос». Участие в войне всегда означало реализацию этического принципа «осознанного героизма», готовности умереть, следовать путем долга и чести даже в условиях, не способствующих этому. Свод норм следования человеческим принципам, а не животным инстинктам является условием сохранения самого общества, тот же принцип самосохранения фиксирует и ценность войны: *Вмешивается третья сила – дисциплина, и сознание долга берет верх* (Бек, 1960, с. 30). В данном случае столкновение двух базовых ценностей СВОБОДЫ и ДИСЦИПЛИНЫ/ПОРЯДКА создает этическое пространство войны. Однако свобода в прецедентном мире «Великая Отечественная война» отличается от понятия вседозволенности, аксиологема «порядок» накладывает на исконно русское понимание свободы коннотативный компонент «ответственность», т.е. ограничение свободы не является ограниченным её пониманием, а скорее расширяет этот ценностный ориентир и формирует осознанное к ней отношение: *в свободную от исполнения воинского долга минуту* (Некрасов, 1990, с. 305). Таким образом, инициальные компоненты, которые присутствуют в ядерной области волюнтаристического пространства «свобода/воля», не связанные непосредственно с порядком, правом и т.п. и воспринимаемая в русской картине мира в качестве иногда «безграничной свободы» (Изотова, 2009, с. 357), ограничивается конситуативной интерпретацией. Концепты ДИСЦИПЛИНА

и СВОБОДА в рассматриваемых текстах формируют единый в интерпретативном аспекте метапонятие ЕДИНСТВО, который вербализуется в каждом из текстов метафорой некоего народного организма: *воинский строй, это дисциплинированная, управляемая сила. Интервалы меж взводами казались гнездами, где плотно сидят невидимые скрепы* (Бек, 1960, с. 35) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Кроме традиционных средств вербализации, легитимизирующих восприятие новых ценностных ориентиров, в текстах военного времени существует множество нетривиальных способов интимизации аксиологических компонентов, построенных на внедрении ситуативно-каузативных темпорально-контактных прецедентных феноменов. Прежние социокультурно маркированные лексемы теряют статус доминантных и в ядерной области оценки появляются переориентированные интенционально созданные сферы аксиологизации. Так, прецедентный феномен «мечь» в отличие от узуального толкования приобретает положительные коннотации: *Все обдуманно! Начнем мстить...* (Толстой, 1986, с. 426); *Я достойно отмстил* (Воробьев, 1987, с. 121) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Рефреном повторяющийся мотив «святой мести», заповеданной якобы теми, кто уже наказать своих мучителей, палачей своего народа не сможет, трансформирует концепт МЕСТЬ, ранее входивший в дегоративную сферу аксиологического пространства метапонятия ВОЗМЕЗДИЕ, вербализуемый с помощью скопических (по определению стойков) высказываний: *словно завещающая мстить, мстить, мстить!..* (Воробьев, 1987, с. 71); *Товарищи, я умираю, уничтожайте немцев, клянитесь мне...* (Толстой, 1986, с. 448). При этом следует указать, что это не конечная высшая цель народного противостояния, телические высказывания финализируют скопические и приводят к экспликации вершины пирамиды ценностей советского солдата, человека «Великой Победе»: *кто не испытал радости победы над врагом, радости боевого подвига – тот не знает, что такое самая сильная, самая жгучая радость* (Бек, 1960, с. 8) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Следует подчеркнуть, что высшая ценность понимается не в узуальном смысле как некий недостижимый идеал, но как должный итог правильного миротворения, связанного с огромными усилиями и лишениями. В данном случае с целью интимизации темпорально-дистантного блага, пока не поддающегося эмпирической верификации, а значит, не входящего в сферу эпизодической памяти, используется аргументация к этосу, а именно один из наиболее действенных способов *Argumentum ad verecundiam*, например, слова великого русского полководца А. В. Суворова: *Легкие победы не льстят сердца русского* (Бек, 1960, с. 208).

Сфера негоциации узуальных «низменных» ценностей, которая освобождается вытеснением пейоративных компонентов в область позитивных оценок, всецело ассоциируется теперь с аксиологическим пространством представителей «чужих», – противника в боевых действиях. Динамика трансформации положительной оценки в отрицательную, тем более в рамках отсутствующей градационной шкалы, происходит на основе эффекта обманутого ожидания, в текст вводятся прогностические высказывания о соответствии характеристик героев и антигероев, об их принадлежности к единому отряду «людей» (*homo sapiens*): *Ему было известно о них все, что писалось в газетах и передавалось по радио, но сердце упрямылось до конца поверить в тупую звериную жестокость этих самых фашистов* (Воробьев, 1987, с. 23) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Однако в последующих высказываниях происходит нивелировка обоснованности данного сравнения с помощью акцентуации принадлежности антагонистов к классу «зверей», которым не могут приписываться никакие ценностные ориентиры, только низменные инстинкты – «тупая жестокость». Даже компоненты положительной оценки существуют в поле дегоративов: *...немецкий характер: с виду каменный, но истерический и хрупкий...* (Толстой, 1986, с. 424)

Символьное изображение базовых традиционных ценностей, постоянные трансформации абстрактного и конкретного призваны интимизировать возвышенные идеалы русской культуры для каждого реципиента: *...какая в русской тишине таится добродетель? Какое милосердие под ситцевым платочком! Какое самоотвержение!* (Толстой, 1986, с. 426). На фоне этих символов в сфере «чужого» интенсифицируются призывы к борьбе с ценностями, насаждаемыми культурой оккупантов: *...все библиотеки были уничтожены немцами...* (Толстой, 1986, с. 436), их идеология приравнивается к разрушению всего, что дорого и свято для русского человека.

Социально-культурный контекст военных действий диктует свой специфический способ внедрения ценностных ориентиров, и это механизм идеологизации ранее не встречавшийся в русской лингвокультуре, – это конвенционализация и идеологизация действием. Достаточно традиционный для поучения принцип «*Verbum movet, exemplum trahit*» приобретает совершенно новый вид: *Сейчас агитация возможна только боем* (Толстой, 1986, с. 428) (выделено нами. – Т.Б., А.П.), эксплицирующий именно темпорально-контактную интерпретацию данного лозунга. Внедрение положительных обертонов концепта УНИЧТОЖЕНИЕ ВРАГА происходит не только на подобном имплицитном уровне, но и вербализуется напрямую, даже в виртуальном пространстве такого прецедентного феномена как «учения». Представление врага в качестве единственной возможной

цели, создание его образа как актуализатора дерогативного пространства некоего объекта, но не субъекта прецедентного мира «Великая Отечественная война» представляет собой отдельный механизм идеологизации: *были установлены близкие и дальние мишени, изображающие фашистов по пояс и в рост* (Бек, 1960, с. 29) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Следует отметить, что в данном случае национальная принадлежность врага нивелируется и эксплицируются только узуальные, народно-этимологические компоненты политической принадлежности, например, исходный ядерный вербализатор «фашист», обозначавший в своем первоначальном значении члена политической партии «Partito nazionale fascista», был перенесен в качестве гиперонима на всех представителей германской армии или же всех крайне правых антикоммунистических партий, а затем и приобрел статус инвектива: – *Ты бы тогда не мозолил мне глаза, фашистская гнида!* (Бек, 1960, с. 125) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Контрастивность идеологически маркированных положительных компонентов подчеркивается контактным употреблением вербализаторов полярных сфер: *Требовалась тюрьма для литовских коммунистов, антифашистов* (Воробьев, 1987, с. 153) (выделено нами. – Т.Б., А.П.), кроме того, в данном примере подчеркивается наивысшая степень контрастности, интенциональной противопоставленности врага и АНТИврага, протагониста и антагониста. Следует отметить, что интенсивность представления идеологически значимых оценочных компонентов антагониста (врага) всегда гораздо слабее, а зачастую и выступает в качестве контрастного фона триагонистического плана для акцентуации героических положительных черт персонажей, репрезентирующих образы советских воинов.

В рамках политизации и интенсификации идеологического компонента, т.е. в процессе, на первый взгляд исключаящем интимизацию аксиологических обертонов, поскольку некие единицы явной манипуляции сознанием достаточно трудно воспринимаются в качестве обладающих онтологическим статусом и обоснованно существующих как внутренняя необходимость, подкрепление личной ценности происходит по модели акцентуации социально значимых компонентов: *за убитого пленного фашисты платили пятьдесят марок* (Бек, 1960, с. 125). Повышение социальной значимости может происходить в сфере интенсификации обоих полюсов архетипической оппозиции «хорошо – плохо», при этом основой в сфере пейоративизации выступают антиномические компоненты в сравнении с областью позитивизации, образуются стандартные пары противопоставления «деньги – дух», «геройство – трусость», «человек – зверь», «советский солдат – фашист/немец».

Одной из ключевых характеристик интимизации аксиологического пространства в текстах войны является сокращение градационной шкалы в оппозиции «хорошо – плохо» до двух полярных сфер. Отсутствие в прецедентном мире «Великая Отечественная война» феноменов, определяемых как «довольно хороший», «неплохой», «сносный» и т.д., является следствием темпорально-контактной рефлексии, механизмы которой не позволяют выделить в общем социально-культурном или ситуативно-контекстуальном значении положительные оттенки отрицательно определяемого события, для этого требуется привлечение в интерпретативное пространство иных прецедентных миров.

Для активизации реципиентской оценки по специфической модели, вводимой самим автором, зачастую вводятся интимизирующие компоненты, которые могут интерпретироваться в качестве обобщающих: *В мой батальон было воистину вложено все мое «я».* Это мое творение, это единственное, что я создал на земле (Бек, 1960, с. 209). В данном случае в прецедентном тексте для экспликации социокультурных ценностей прецедентного мира используется обобщающее недифференцирующее «я», которое истолковывается всеми членами лингвокультурного сообщества как собственное «я», – «Я» целого народа, как единый организм вставшего на борьбу с захватчиком. Дерогативные компоненты же аксиологического пространства, наоборот, транспонируются с общекультурных в сферу личностного, на основе данного механизма каждый реципиент снабжается автором определенной «схемой действия» по распределению общего смысла в качестве собственной, уже не разделенной, а только собственной ответственности за порицаемое действие: *Таков закон нашей армии – за бесславное бегство бойцов отвечает бесславный командир* (Бек, 1960, с. 165) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Высшие ценности, с которыми соотносится на войне все происходящее, что должно в итоге привести ни к чему иному, как только к ПОБЕДЕ, актуализируются вне зависимости от аргументативной подкрепленности и прагматической верифицируемости также в пространстве общенародного «Я»: *И я верю в это. Сейчас это единственное, что у нас есть, – вера* (Некрасов, 1990, с. 45).

Компоненты неверифицируемой веры превращают прецедентный мир «Великая Отечественная война» в специфическое пространство идеологизации по мифологической модели. Возможно становление неомифа с советским Геркулесом, уничтожающим столбовую гидру фашизма; Персеем, могучим взмахом меча, грозно занесенным над головой монстра, испепеляющим всех своей звериной яростью, – «...образы мстителя за угнетенных, образы железа и крови, хищного зверя, гидры, гидры с мил-

лионом шупалец, грандиозного пламени, с вихрем бушующего по всему миру, представляются в речах...» (Селищев, 1991, с. 97). Данные словарей русского языка военного и послевоенного времени подтверждают смену доминант в иерархической системе дефинитивов и прецедентных высказываний, бесспорно, отражающих ситуативно-контекстуальные форманты объективной реальности. Так, сравнительный анализ словарей довоенного времени со словарями, изданными после ВОВ, демонстрируют смену доминантных концептов в пространстве веры в русском языке, а значит, и в русской картине мира. В словаре Д. Н. Ушакова в качестве главного примера эксплицируется традиционная семантическая сочетаемость глагола «верить»: 2. *в кого-что и чему. Верить в бога* (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>). В послевоенных словарях в качестве примарной сочетаемости дается фраза: 1. *кому-чему и во что. Верить в победу. Верить в народ* (Ожегов, 1948, с. 74), традиционные и узуальные же для русской лингвокультуры смыслы под давлением ситуативной конвенционализации и идеологизации вытесняются на периферию и выступают только в качестве четвертого значения. Таким образом, в ситуации острой необходимости создания единой непротиворечивой идеологически маркированной ценностно-ориентационной системы обнаруживаются мифо-мистические способы экстраполяции аксиологем.

Важно отметить, что интенсификация идеалов происходит в прецедентных текстах ВОВ с частотной отсылкой к образам командиров, военачальников и «вождя народов» И. В. Сталина, при этом мифологизация высших ценностей происходит в органичной связке с уподоблением христианской морали. Так, в лексикографической практике прочная в послевоенной языковой практике связка «вождь и учитель» имеет явную отсылку к древним русским текстам Евангелий, для которых характерно упоминание именно этих двух ипостасей Христа (Васильев, 1994, с. 140–142). Таким образом, можно сделать вывод о сходных механизмах интимизации аксиологических компонентов прецедентного мира «Великая Отечественная война» и внедрения ценностных ориентаций мифо-религиозного пространства. Подобный феномен интимизации можно рассматривать как квазимифологическую ценностно-ориентационную систему, выстраиваемую на новых ситуативно-контекстуальных, максимально социокультурно нагруженных мифогенах, вербализуемых в новых обертонах привычных лексем. Именно человек и народ (русский народ) как обобщенное представление об идеализированном человечестве с его «правильными» ценностями является в данном пространстве мифическим героем, которого на подвиги «благословляет» сама судьба, бог: ...человек, на которого **провидение воз-**

*ложил**о** бремя и ответственность за эту величайшую в истории человечества войну* (Некрасов, 1990, с. 245) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Сакрализуются и выступают в качестве идеализированных, но в то же время прецедентных субъектов отдельные личности (герои), отдавшие свои жизни во имя Победы, в некоторых случаях пусть и в метафорическом плане данным субъектам и прецедентным ситуациям приписывается не просто «вечная память», но «бессмертие», что также сближает тексты ВОВ с мифическими прототипами. Формирование этоса в условиях темпорально-контактной рефлексии всецело принадлежит пропаганде, действующей «здесь и сейчас», как и время любого мифа, оно не привязано к какой-либо из предшествующих эпох, но обязательно направлено на прогностику, какую же оценку получит то или иное деяние в будущем: *...тех, кто погибнет как воин, не забудут на родине* (Бек, 1960, с. 25). Именно поэтому, как было рассмотрено выше, каждый советский солдат идет в бой *НЕ УМИРАТЬ, А ЖИТЬ!* (Бек, 1960, с. 28), каждый соответствующий доминантам положительного полюса аксиологического пространства будет жить в веках.

Аксиологические модели монополистически действующей военной пропаганды не могут развиваться в рамках экзистенциального плюрализма, любое проявление отступления от центрального вектора развития оценивания в прецедентном мире будет восприниматься как «предательство» и автоматически попадать в сферу отрицательного. А получающие пейоративную оценку прецедентные феномены и события, вне зависимости от принадлежности к классу «своих» или «чужих», сразу же отторгаются всеми членами лингвокультурного сообщества: *Пусть там все узнают, что мы сами уничтожили тебя* (Бек, 1960, с. 25) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Отдельные формы интенсификации аксиологических компонентов отличаются нетерпимостью к плюрализму мнений и инакомыслию, формирование единой системы оценки всегда сопровождало традиционные религиозные сообщества, монопартийные и моноэтнические (Каушанский, 1993, с. 7).

Одним из наиболее интересных феноменов социально значимого номинирования, вербализующего актуальные социальные роли субъектов прецедентного мира и в то же время обладающего наибольшим эффектом в рамках личностной интимизации, является переименование. Этот механизм смены официальных именовании объектов также носит вербально-магический характер, т.е. посредством эмоционально-аргументированного вторичного номинирования создается «схема действия» по распредмечиванию и моделированию поведения объектов и субъектов прецедентного мира. Например, эмоциональная характеристика, которая

дается тяжелому танку KB-1, соседствует с эпизодическим вербализатором «*Чертов танк*», «*проклятая семерка*» – как прозвали его бойцы... (Некрасов, 1990, с. 256). Немецкое прозвище «чертов танк» или «призрак» было дано ему за способность его брони противостоять практически любому оружию, однако, в тексте нигде не упоминается модель танка, но эпизодические компоненты позволяют отнести данный прецедентный объект к определенному классу положительно оцениваемых, даже на фоне применения пейоративов «чертов» и «проклятый». Крепость его брони оценивается как и крепость русского характера, русского солдата имплицитно в высказываниях, содержащих отсылки на ассоциативные компоненты: *За ночь поможешь танкистам выбраться из мин. А тот, застрявший, в ДОТ преврати* (Некрасов, 1990, с. 256) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Дерогативные компоненты актуализируются зачастую в форме родовых именовании «брат Сатаны», «Тетка Смерти» и т.п. Например, экспликация «чужого» для советского воина, попавшего в плен, родства со смертью происходит в отождествлении «крытого черным брезентом грузовика гестапо» с лодкой Харона, это средство передвижения не просто служит позорному делу, но и само является «исчадием ада»: *...сам залезал в «Тетку Смерти», как заключенные называли грузовик...* (Воробьев, 1987, с. 154) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). За каждым народным именованием, транспарентным или же обладающим стертой метафорической этимологией, скрывается онтологическая форма, не просто эксплицирующая, но и отчасти прогнозирующая её внутреннюю сущность (Флоренский, 1993, с. 70, 99), таким образом, переименование предполагает и мифотворческий акт создания прецедентного объекта или субъекта на новом уровне осмысления реальности и знаменует собой смену безоценочного пространства формального означивания на ценностно-ориентационную сферу восприятия и интерпретации. Всякое «вымышленное, ложное, скрытое назывное слово» призвано не просто выполнять номинативную функцию, как любое другое, но возводит в Абсолют компоненты «эзотерического, тайного», семантизирующего значения, т.е. иррадирует эпизодические компоненты на все сообщество (Фролов, 2005, с. 115). Таким образом, каждый, кто входит в новое аксиологическое пространство, разделяет способ мышления, предложенный в нем, отказывается от предшествующих именовании, что символизирует нивелировку традиционного понимания.

Следует признать и тот факт, что находящаяся в процессе становления в условиях темпорально-контактной рефлексии аксиологическая система на основе новых доминант, сформировавшихся при трансформации содержательного пространства концептом, реализующихся в уже присутствующих в пространстве русского языка лингвемах, с течением времени

все больше начинает соответствовать ключевым концептам русской культуры. Появляющийся же примат коллективных ценностей над личностным пространством несет отпечаток эпизодического, ситуативного преломления, что позволяет отождествлять «я» личностное и «Я» коллективное, выводя в процессе акцентуации конвенционализированные аксиологемы, которые по сути можно признать базовыми человеческими ценностями (Гусар, 2008, с. 31-32). Таким образом, в текстах, интимизирующих прецедентный мир «Великая Отечественная война», появляется уникальная возможность создания и применения эффективных механизмов смещения аксиологических координат базовых метаконцептов русской культуры ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, БОГ, ВЕРА, ЕДИНСТВО и создания новых метаконцептов ПОБЕДА, ВРАГ, ВОЗМЕЗДИЕ на основе уже существовавших вербализаторов с совершенно новой иерархической структурой и ценностью в аксиологическом пространстве.

Переосмысления вышеозначенных лексем, как и других вербализаторов концептуального пространства, формирующих ассоциативное тематическое поле, не являются случайным лингвокогнитивным феноменом. На луче темпорально-контактной рефлексии они достаточно быстро изменяют сферу функционирования на контекстуально обусловленный прецедентный мир и становятся идеологемами в новой пропагандистской литературе. Данный переход от «традиционного и сакрального» к «осознанному профанному» кажется радикальным, но, по сути, обе этих области как полюсы аксиологического пространства русской лингвокультуры демонстрируют не взаимозамещение, а дополняют друг друга. При анализе текстов интимизации прецедентного мира «Великая Отечественная война» можно сделать вывод о специфическом времени и месте трансформации оценочной шкалы не только контаминирующей социокультурную и эпизодическую память, но и формирующей сложное взаимодействие «сакральных» и «профанных» ценностей.

1.4. Специфика актуализации компонентов социокультурной и эпизодической памяти в русскоязычных произведениях периода Великой Отечественной войны: темпорально-контактная и темпорально-дистантная рефлексия

К проблемам формирования различных видов памяти в рамках интенсификации социально-культурных компонентов ценностно-ориентационного пространства современного сообщества обращались множество

как отечественных, так и зарубежных ученых, при этом прецедентный мир «Великая Отечественная война» достаточно часто являлся той сферой приложения, в рамках которой происходили изменения ментальных структур исторической памяти (Афанасьева, Меркушин, 2005). Но не только процессы формирования комплексного пространства исторической памяти, но и социальные факторы её трансформации и трансляции были подвергнуты анализу (Веревкина, Колповская, 2015).

Одними из первых фундаментальных исследований по освещению феномена эпизодической памяти как отдельного пространства рефлексии и формирования ментальных моделей персональной репрезентации событий объективной реальности, произошедших с продуцентом того или иного высказывания, являются труды одного из основоположников социологического направления современного дискурс-анализа Тёна ван Дейка (Dijk van, 1993; 2003, p. 210). Репрезентация социокультурных компонентов, которая при подобном рассмотрении следует стандартным путем трансляции общего через личное, а также включает в себя не только средства эвиденциального реагирования и описания, но и особые маркеры дальнейшего интимизированного осмысления, которые могут продемонстрировать реципиенту всю глубину чувств и оценки события, свидетелем которого являлся автор. Таким образом, интимизировать и придать статус событийности представленному в рамках повествования в форме расчлененного диегетического нарратора событию и чувству становится возможным только в том случае, если пространство интерпретации становится полилогическим, в котором существуют только активные агенты его формирования, т.е. при условии вовлечения читателя в процесс «в-живания» и «со-переживания» (Бредихин, Аликаев, 2016, с. 126). Смена ролей продуцента и реципиента в этом случае является перманентным континуальным процессом, который позволяет эпизодическим компонентам осознаваться другими членами сообщества; личностному, внутреннему ощущению становится достоянием всех представителей лингвокультуры.

Эпизодическая память в процессе имплементации в один из видов семантической памяти – социокультурную – отдельных компонентов и дальнейшей вербализации общего пространства декларативной памяти (McRae, Jones, Reisberg, 2013, p. 206) порождает единое пространство интимизированного восприятия «очужденных» событий. Этот специфически выстраиваемый процесс базируется на неаргументированном, как уже упоминалось выше, псевдомифологическом механизме репрезентации и суггестии узловых элементов личных психоэмоционального пространства – «анти-катарсисе» приближения к идеализированным духовным

сущностям, релевантным для русской картины мира через человеческое, соматическое, сенсуальное и бытийное. Рассматриваемые основания на мотивационном и эмоциогенном уровне призваны актуализировать в произведениях ВОВ общие тональности духовного подъема, героизма, на фоне деструктивных формантов ненависти, мести (отмщения/возмездия), что в плане эстетической апперцепции призвано сформировать у читателя особое отношение к дисгармонирующим конситуативным факторам и субъектам прецедентного мира, желание элиминировать хаос и разрозненность, «единым фронтом» противостоять дестабилизирующим привычную картину мира элементам (Семенов, 1994, с. 117). Подобная внутренняя необходимость к действию в объективной реальности может быть продиктована только реализацией всеобщего восприятия и признания в качестве руководящего принципа схематизма актуализированного автором толкования общей тональности подобных произведений. Осуществление конвенциональности восприятия основывается на условии возможности перенесения собственного «я» каждого читателя «на место неназванного “Я”» – обобщающего недифференцирующего группового «Я», которое предстает в тексте в качестве созерцателя прецедентного мира и описателя личного опыта в мире реальном (диегетический нарратор). В каждом прочтении и дальнейшем транслировании воссоздаются актуализированные компоненты переживания прецедентных событий, сочувствия к прецедентным субъектам и действий с прецедентными объектами (Михеев, 2011, с. 197). Такая текстовая ткань в широком смысле представляет собой новую форму интенсификации гуманистической катастрофы на фоне общего поднятия духовного роста, а кроме того, историко-художественный документ, не требующий эмпирической верификации, но влияющий на становление новой аксиологии.

Такое понимание форм актуализации социокультурных компонентов и имплементации эпизодических элементов легитимизирует использование интимизации в качестве ключевой стратегии создания и функционирования привязанных к определенному прецедентному миру текстов. При попытках описать процессы контаминации различных видов памяти – социокультурной и эпизодической, т.е. вопроса, который до настоящего времени не подвергался комплексному исследованию, мы в рамках критического анализа теоретических работ пришли к выводу, что наиболее адекватным именованением механизмов интериоризации является стратегия интимизации. Данная стратегия интимизации узловых концептуальных содержаний в повествовании наиболее адекватно раскрывает сущность привлечения гипотетического читателя в качестве усредненного предста-

вителя культурного пространства в процесс порождения смысла как бы вместе с автором, когда повествователь не представляется неким «источником информации», пусть даже информации о фактах лично пережитых, интериоризованных и изначально не предназначенных для экстериоризации, как это происходит с такими видами информации как эстетическая и эмоциональная, но когда «очуждаемый» в общественной апперцепции в качестве «иноного» автор становится не таким, как другие иные (Печенюк, 2021 в, с. 243). В случае такого представления и осознания читателем «интимности» повествования он уже не просто дает оценку этому иному, но и прогнозирует его оценку себя и объектов общего разделенного лингвокультурного пространства со всеми вводимыми компонентами эпизодической памяти автора, которые в этом случае одушевляются, получают статус событийности. Происходит формирование диалогического высказывания, единого по своей значимости для автора и читателя в общем прецедентном пространстве, для нас прецедентном мире «Великая Отечественная война». К подобному феномену интимизации в своих философских работах неоднократно обращался Б.Ф. Шифрин (Шифрин, 1989, с. 88), который в процессе изучения культурных феноменов в их рефлексивном переложении в рамках вербализации на основе культурологических идей Ю.М. Лотмана (Лотман, 1992) и М. М. Бахтина (Бахтин, 1963) создал данную концепцию. Создание полилогического текста в едином по значимости аксиологическом пространстве продуцента и реципиента позволяет по-новому опредмечивать и распредмечивать общественные и личностные смыслы в пограничном (продуцентско-реципиентском) психоэмоциональном пространстве интимизации. Аксиологическое пространство даже в его биполярной безградуальной форме эксплицируется в текстах прецедентного мира «Великая Отечественная война» по двум векторам: интимизирующему и противонаправленному объективирующему.

Как наиболее отвечающие требованиям исследования совмещения и взаимодополнения компонентов социокультурной и трансформирующих их элементов эпизодической памяти в качестве эмпирического материала анализа были избраны именно тексты художественных произведений Великой Отечественной войны (прозаические, поэтические, драматургические), ограниченные следующими критериальными показателями: автор является участником ВОВ, тематически содержание привязано к событиям ВОВ, период создания совпадает с временем боевых действий (реализуется темпорально-контактная рефлексия). Эти показатели являются одновременно и базой наибольшего распространения метаконцептов, вербализованных в данных произведениях, имплементационная активность

авторских обертонов смысла основана на личностной эмпирической верификации прецедентных феноменов и событий Великой Отечественной войны.

Примером интенсификации эпизодического ситуативного компонента, который характеризуется не личностным, но общелингвокультурным пространством разделения и значимости может служить мысль одного из известнейших писателей фронтового поколения Г. Я. Бакланова, которую он четко выразил в своей автобиографии, опубликованной в антологии «Писатели России: автобиографии современников». Как подчеркивал сам писатель, по возвращении с фронта домой (на тот момент Г. Я. Бакланову (Фридману) был 21 год), в нем царили умиротворение и невероятная легкость, основанные на твердой уверенности в том, «что главное в жизни уже сделано <...> как дальше жить, кем быть – не тревожило» (Бакланов, 1998, с. 65) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Очевидно, что именно схемы выстраивания аксиологического пространства и заполнения слота «цель жизни» содержанием другого культурного концепта ПОБЕДА в структуре метаконцепта ЖИЗНЬ, т.е. введение новых обертонов эпизодической памяти и ситуативного понимания личностных доминант позволило сделать такое утверждение. Т.е. интенсификация эпизодических компонентов (собственного отношения к событиям Великой Отечественной войны, а также к феноменам прецедентного мира, созданного на основе как объективной, так и рефлексивной реальности) осуществляется не только в художественном пространстве, но и в собственных метатекстах. Следует подчеркнуть, что именно ценностно-нормативные элементы совершения подвига всем советским народом в произведениях войны зачастую нивелируют другие, более распространенные в узусе и акцентируемые в пространстве темпорально-дистантной рефлексии вне состояния войны, содержащиеся в метаконцепте ЖИЗНЬ. Все ядерное пространство общего содержания концепта было занято легитимизируемыми в ментальном пространстве русского народа, но при этом лично переживаемыми и индивидуально осмысливаемыми компонентами «финализации», «пика существования», «достижения смысла бытия». При этом внеситуативная темпорально-дистантная рефлексия над данными компонентами, несмотря на достаточно продолжительный срок, прошедший до её вербализации, в творчестве некоторых авторов, переживших войну, практически не подверглась трансформации и репрезентирована в литературных произведениях в немодифицированном виде.

Необходимо подчеркнуть, что формирование особого метапространства интерпретации происходит не только в рамках представления

текстов, созданных «по следам» только что произошедших событий произведений, т.е. на основе темпорально-контактной рефлексии, хотя данный тип актуализации эпизодической памяти является наиболее эмотивно маркированным. В процессе создания текстов репрезентации прецедентных миров привлекается и темпорально-дистантная рефлексия, используемая авторами-свидетелями, с последующим, отсроченным на некоторое время переосмыслением собственного эмпирического опыта, в данном случае доминантную экспликацию получает социокультурная память. Если рассматривать вопрос о механизмах актуализации эпизодической памяти в процессе создания идиокомпонентов содержания и аккультурации в базовых вербализаторах концептов авторов-участников событий и авторов-документалистов, которые, не имея соответствующего реального опыта, тем не менее интенционально исследуют и анализируют прецедентный мир «Великой Отечественной войны», то можно обнаружить относительное сходство моделей подобной смыслодеривации. Происходит это, на наш взгляд, в силу того, что введение в общелингвокультурное интерпретативное пространство личностных ассоциатов эпизодической и ситуативной детерминированности происходит на общем основании в рамках разделенности и осознанности вводимых периферийных обертонов как одними, так и другими авторами. Однако в определенной степени следует разделить эффективность интимизации и эвиденциальности различных типов диегетического нарратора, что основывается на повышенной или же сниженной степени эмфатизации личностного компонента, – в случае наличия собственного реального опыта автора, его участия в боевых действиях или же переживания «на собственной шкуре» ужасов военного времени эмфатизация, а значит, и псевдоаргументативная эмоциональная эвиденциальность будет значительно выше.

Это разделение интуитивно осознается авторами-свидетелями эпохи и находит свою экспликацию в авторских ремарках стороннего наблюдателя, но чаще в речи диегетического нарратора, т.е. повествующего «Я», одновременно являющегося и «Я» повествуемым (героем произведения), например: *Леонтьев знал много историй о том, как совершались подвиги: всю войну он заполнял на людей наградные материалы* (Бакланов, 1979, с. 99) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Однако в процессе представления эпизодических компонентов актуализируются и социокультурные, которые, функционируя в виде стереотипов, онтологизируют для реципиента эмпирически не верифицируемые события: *Кушайте, кушайте. На фронте-то вас не балуют, плохо на фронте, я знаю, мой муж в ту войну воевал, рассказывал...* (Некрасов, 1990, с. 52) (выделено нами. –

Т.Б., А.П.). Апелляция при этом типе акцентуации социокультурной памяти осуществляется в основном не к общепризнанным авторитетам, а к близким, знакомым повествователю людям, что увеличивает степень интимизации.

Достаточно примечательным является и примарная привязка самого самоотождествляющего элемента «Я» к ближайшему контексту, что характеризует степень интимизации эпизодических и социокультурных компонентов в русской картине мира. Для прояснения данного вопроса обратимся к толковым словарям русского языка. Так, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова 1935-1940 гг. актуализируются два наиболее употребительных значения «Я идентифицирующее»: *Я недостойн вас – я это знаю*. Тургенев (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>) и «Я осознающее»: *Мой «я» один здесь цел и ненарушим*. Вяземский (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>). В словарных статьях «Словаря русского языка» С. И. Ожегова 1952 г. вербализуется иная сочетаемость, в качестве первого значения выступает уже «Я осознающее»: *Я мыслю, следовательно, существую* (Ожегов, 1952, с. 843); второй же вариант сочетаемости эксплицирует не идентифицирующие обертоны, а компоненты социализации, восприятие себя как части социума, от которой зависит его сохранение, функционирование и развитие: *Если не я, то кто же?* (Ожегов, 1952, с. 843). Именно последовательная актуализация не просто коллективного, но социокультурного идеологически и духовно значимого компонента в авторском понимании отличает тексты, формирующиеся на основе прецедентного мира «Великая Отечественная война».

Рефлексивное пространство осознания событий, происходящих где-то в мире, о которых автор-повествователь имеет весьма смутное представление со слов других героев или же намеренно подвергает изучению документы, описывающие данные феномены (как в приведенном выше примере), находит свое отражение в тексте на основе «остраненности» повествования. Остраненность достигается с помощью использования конструкций, понижающих эвиденциальность и повышающих уровень хеджированности высказывания, например, *знал много историй* (Бакланов, 1979, с. 99), *солдаты громкими голосами рассказывали подробности боя*. Беличенко *слушал с недоверчивой улыбкой: он ничего этого не видел* (Бакланов, 1979, с. 130) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Однако следует указать, что данный вид открытой хеджированности не приводит, как, казалось бы, должно происходить, к снижению уровня интимизации, наоборот, употребление стратегий, способствующих вживанию в разговор с «Я»-повествующим не о своем опыте, но осознанной темпорально-дистантной рефлексии над услышанным из «первых рук», выводит псевдо-

аргументативную легитимизацию значимости описываемых событий на новый виток спирали. В данном случае реципиент базовых номенов культурного концепта вводится в общее пространство «разговора», эти события становятся актуальными, если о них говорит народ. Дискурсивные маркеры хеджирования (отсылки к социокультурной семантической памяти всего сообщества) при упоминании прецедентных феноменов (героических поступков, событий войны и т.д.) имеют высокую плотность в рассматриваемых произведениях. Так, в «Волоколамском шоссе» А. А. Бека частотность их достигает 164 единиц, т.е. один маркер на менее чем 1000 слов. Следует также различать интенсифицируемые обертоны хеджированности как обоснованные, которые дают возможность аргументативной интимизации (формируют идеологемы), и как необоснованные, формирующие схематизмы и народные конвенционализмы. В большинстве рассмотренных произведений второй тип интенсификаторов оформляется гендерно маркированными единицами «бабы говорят» (Некрасов, 1990, с. 13, 30), средняя степень эвиденциальности транслируется либо без ссылок на информанта, либо со ссылкой на конкретную группу, что обеспечивает актуализацию эпизодических компонентов. Наиболее социокультурно нагруженными можно считать хеджированные высказывания с маркером «народ говорит», причем именно «народ», сочетание с лексемой «люди» следует отнести к средней степени интимизации. В рамках подобного включения хеджированной эвиденциальности, со ссылкой на других, в контаминированном пространстве встречаются компоненты социокультурной памяти (интенсифицируемые общей тканью текста – «пересудов» о случившемся и обменом мнениями об оценке) и элементы эпизодической памяти (акцентулируемые с помощью сравнения собственной оценки с общей) (Печенюк, 2021 в, с. 244).

Интимизация компонентов эпизодической памяти происходит в случае интериоризации различных событий, не пережитых самим диегетическим нарратором, в рамках повышения эмотивности повествования на основе темпорально-дистантной рефлексии. Этот процесс сопровождается введением вербальных конкретизаторов базовой номинации концепта ПОДВИГ и «присвоения» результатов жизненного опыта «иных», не входящих в сферу локуции персонажей. Зачастую при «в-живании» опредмечиваются и маркеры псевдоаргументативной верификации событий, они получают статус событийности, онтологичности в рецепции их уже не только героем «Я»-повествующего, но и читателем, который сравнивает некоторые, наиболее значимые в конкретной ситуации аксиологические ориентиры своей концептуально-валерной системы с таковыми автора-по-

вестователя, автора-героя и общелингвокультурного ценностно-ориентационного пространства. Сравнение может быть основано как на прямой отсылке и открытой экспликации собственного отношения, так и выходить за рамки привычного и осуществляться в виртуальном онейрическом пространстве, сближающем объективную реальность с повествованием. В случае данного типа описания вербализация компонентов эпизодической индивидуальной памяти практически полностью имплементируется в пространство разделенной социокультурной памяти без явных противоречий. *Лежа с открытыми глазами, он заново переживал все, что писал днем. Только теперь героями были не те люди, чьи фамилии он вписывал в наградные листы, а он сам, Леонтьев. И – боже мой! – каких только чудесных подвигов не совершал он в эти бессонные ночи...* (Бакланов, 1979, с. 99) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Различные точки зрения на аксиологическое пространство приложения культурного концепта с лексическими конкретизаторами (*чудесный* подвиг, *чужой* подвиг и т.п.) предполагают использование в тексте различающихся систем кодирования и интерпретации – включения или же нивелировки интимизации онтологизируемого события. Каждый акт ремифологизации или демифологизации общей структуры концепта вне зависимости от типа применяемой рефлексии (на основе социокультурного или эпизодического) актуализирует нужный и контекстуально значимый фрагмент индивидуально-авторской картины мира, представляя в тексте произведения для реципиента каждый раз новую «схему действия» по пониманию текста и «в-живанию» в ситуацию, описанную в произведении, а значит и новый способ интерпретации как собственной, так и общекультурной ценностно-ориентационной системы. Эта вариативность представления основывается на ситуативных компонентах эпизодической памяти, которые предполагают контекстуальное обрамление культурного концепта неузуальными, ассоциативно детерминированными единицами.

Темпорально-контактная рефлексия обеспечивает актуализацию эпизодических, сиюминутных, ситуативных компонентов на основе перцептивно-эмоционального толкования только что произошедшего события. Подобные механизмы отличаются более конситуативной привязкой к объективной реальности описываемой в произведении (Кислицына, 2021, с. 238), включает в себя множество конкретизаторов и ассоциаций, обеспечивающих онтологизацию художественного хронотопа как действительно: *Сам видел. Сначала задымился, длинный такой черный хвост пустил, потом стал крениться – больше, больше и свалился куда-то за город* (Некрасов, 1990, с. 63) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае

эксплицируется минимальный компонент как органичная составляющая метаконцепта ПОБЕДА на фоне эвиденциальных эпизодических элементов символического характера – «немецкая машина задымилась» и «пала под Сталинградом». Ситуативно маркированные компоненты имплицитного внедрения ценности победы для советского солдата воспринимаются уже не как нечто описываемое свидетелем прецедентного события, но как реально данное в пространстве прецедентного мира, прогнозирующее «Великую Победу». Однако в ряде случаев интимизирующие компоненты стирают легитимизирующие, и в качестве доминантных выступает именно идеологизация, внедрение мыслимых, желаемых в качестве «правильных» событий, формирующих прецедентный мир, но не описывающих мир реальный: *Это я увидел лишь в мыслях; это мелькнуло, как мечта* (Бек, 1960, с. 27) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Закрепление эпизодических компонентов в результате заедствования темпорально-контактной рефлексии происходит на фоне ассоциативных и прямых отсылок к социокультурной памяти: *...взять, скажем, Москву... Мы ее вот сейчас отстаиваем. Я там не был... Я не видал, но это Родина...* (Бек, 1960, с. 32) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Вербализатор «Москва» представляется здесь ассоциативным символьным экспликатом метаконцепта РОДИНА, традиционно связываемого в рамках метафорического переноса со столицей. При этом социокультурная значимость данного концепта иррадирует на поле эпизодической памяти, основанной только на апперцептивных формантах, автор представляет себе Москву как сердце Родины, базируясь только на нагруженности символического образа, на схематизме восприятия.

Ситуативная обусловленность компонентов эпизодической памяти в случае введения её в рамках темпорально-дистантной рефлексии также должна эксплицироваться теми или иными маркерами, которые дадут возможность читателю даже на уровне ноэмагической (неосознанной) рефлексии, т.е. интуитивно (Бергсон, 2010) ощутить сиюминутность события, вплетенную в социокультурную память. Наиболее эффективным способом интенсификации «ситуативности» является дезавуация и демифологизация героического деяния, которая производится с помощью применения устойчивых выражений, иногда в трансформированной форме или неузуальном контексте, например: *...подишёл Орлов, герой дня* (Бакланов, 1979, с. 124) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Внедрение «героического действия» в обыденное, узуальное восприятие дает наивысшую степень интимизации, но при этом может негативно сказаться на формировании социокультурных компонентов. Однако это кажущаяся дискредитация, на основе актуа-

лизации бытийности создается миф о необходимости подвига на войне, и его свершение воспринимается реципиентами как обязательная характеристика, обеспечивающая гарантию вхождения в ряды «советских воинов».

Параллельное описание ужасов войны и героических действий может приобретать вид контрастивного представления общего пространства как локуса повествования вне зависимости от типа рефлексии, опредмечивающего в слове прецедентные феномены. Так это осуществляется в рамках темпорально-дистантной рефлексии в случае сравнения: у *обочины на грязной земле в грязных шинелях и свежих бинтах* (Бакланов, 1979, с. 88) (выделено нами. – Т.Б., А.П.) и персонализированного эпизодического ощущения действительности, которая интенсифицируется в образе дистанцированного от локутора героя: *Бравый, геройского вида красавец сержант...* (Бакланов, 1979, с. 152) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Подобные случаи контрастивного описания вызывают к жизни интимизирующие компоненты «очеловечивания» «Я»-повествующего, они придают ему статус реально существующего человека, обладающего всеми качествами и, прежде всего, переживающего внутренний конфликт, испытывающего некий когнитивный диссонанс в соотнесении эмпирики и рефлексии.

В случае интенсификации социокультурных компонентов происходит их быстрая смена, эпизодические обертоны чувственного снимаются уже в ближайшем контексте, что эксплицирует сжатость времени для принятия решения. Таким образом актуализируется необходимость быстрого действия согласно конвенционализированной схеме: *Кухтаренко посмотрел на меня слегка **распяленными** и словно **неживыми глазами**, в которых застыл ужас пережитого. И вдруг под повелительным взглядом командира у Кухтаренко будто кто-то изнутри подменил зрачок. Вскочив, он заорал яростней, чем я...* (Бек, 1960, с. 149) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Именно такие, часто неосознанные героические поступки эксплицируют содержание метаконцепта ПОДВИГ, как имманентно присущего каждому советскому солдату и советскому народу в целом действия.

Форма расчлененного диегетического нарратора, оперирующего всеми возможностями актуализации то одной, то другой грани социально значимого понятия, потенциально формирует новое идеологическое пространство не только в поле вербалики, но и в сфере реактивного ответа на высказывание (фактуальных ремарок) (Kvaril, Siposova, 2020, p. 165). Эти фактуальные ремарки функционируют как внутренние катализаторы модификации принимаемых сообществом изменений в содержании культурного концепта. *Помню шоль сорок первого года. Мы отступали, и многих не было уже, но, взяв в плен немца, видя, что у него большие рабочие*

руки, мы хлопали его по спине, что-то пытались объяснить, как бы сочувствовали, что вот он, рабочий, и что же Гитлер сделал с ним, заставив воевать против нас. И кормили его из своего котелка. **Так было** в начале войны. И вот она кончилась, перед нами стоял немецкий ефрейтор, вспугнутый в хлебах, и никто из нас не мог ободряюще похлопать его по спине. Не могли мы сейчас сказать друг другу, как, наверное, говорили солдаты после прошлых войн: «Ты – солдат, и я – солдат, и виноваты не мы, а те, кто заставил нас стрелять друг в друга. Пусть они отвечают за все». **Иное лежало между нами, иной мерой после этой войны измерялась вина и ответственность каждого** (Бакланов, 1979, с. 375-376) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). На примере данного отрывка видно, как в процессе снабжения вербализации прецедентного феномена «ненависть» (к врагу) фактуальными ремарками, касающимися предшествующего опыта нивелировки компонентов личной неприязни, концепт ВРАГ остается сохранным в своем содержании вне зависимости от ситуативной представленности. Отметим, что подобная модификация (деактуализация вербально репрезентированных периферийных компонентов значения) встречается только при использовании темпорально-дистантной рефлексии, позволяющей выстроить диахроническую шкалу оценивания. В ситуации экспансии компонентов эпизодической памяти в сфере ценностных ориентиров в трансформируемую ядерную область, которая уже не всегда разделяется каждым из членов лингвокультурного сообщества, происходит разрушение старой, традиционной мифологии, и на основе ремифологизации нигилистических областей формируется личностное интерпретативное ядро иноэпистем.

Одним из наиболее подверженных трансформации ядерных компонентов содержания в результате замещения компонентов, детерминируемых социокультурной памятью, элементами, основанными на репрезентации эпизодической памяти, является культурный метаконцепт ЖИЗНЬ. Языковая репрезентация рассматриваемого метаконцепта в произведениях ВОВ «получила своё дальнейшее и полное (с точки зрения репрезентации духовно-ментальных констатаций народным и индивидуально-личностным сознанием)» (Буянова, Резуненко, 2017, с. 69) развитие на основе контаминации ядерного и периферийного пространства. Индивидуальные ситуативные обертоны эксплицируются в процессе метафоризации, осмысления прецедентного феномена «жизнь на войне» как активной силы: **...жизнь, как крик, рванулась в нем** (Бакланов, 1979, с. 135) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Интенсификация активного действия, анимализация осуществляется с помощью незуального контекста сравнения базового

номена с использованием фонографики, например, инициальных повторов фонем в высказывании: ...*Жизнь по преЖнему цепко держалась в его Жилистом теле* (Бакланов, 1979, с. 72) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Подобные интенциональные варианты акцентуации эпизодических компонентов в метаконцепте, обыгрывание индивидуальных фонетических ассоциатов и построение выверенной фонетической фразы возможно только на основе темпорально-дистантной рефлексии. Каждый из подобных случаев фонографической интенсификации и акцентуации активного действующего начала в структуре концепта при адекватном восприятии читателем нетривиальных до настоящего момента компонентов позволяет автору расширить границы имплементируемых кодовых и знаковых систем не только на уровне вербалики, но органично включить в общепризнанную систему восприятия перцептивные (акустические, визуальные, тактильные, ольфакторные и др.) знаки различных семиотических систем. Такие приемы могут неосознанно применяться автором на основе ретроспективной семиометрики (Vikulova, Tareva, Serebrennikova et al., 2020).

В процессе восприятия любого культурного концепта выход на общелинговокультурное в личном для каждого автора эксплицируемом ситуативном и индивидуальном интерпретация всего количества компонентов, а также собственно аккультурация персонального опыта как реального, так и рефлексивного наряду с ценностно-ориентационным пространством, вживание и опредмечивание для реципирующего сообщества новых норм, правил и ценностей писателя, может быть осуществлено и проанализировано в рамках трех планов импликации, которые соответствуют трем выделяемым Ю. С. Степановым компонентам или слоям концепта (Степанов, 2001, с. 48).

В ядре можно выделить актуальные признаки, которые презентуют только базовые характерологические признаки прецедентного феномена, коррелирующие с общим пространством социокультурной памяти и наличествующие только в узуальном употреблении. Данные компоненты обеспечивают первичное понимание и наивную интерпретацию концепта, ведь они обладают самой широкой имплементацией как в прототекстовом, так и в метатекстовом пространстве и легко декодируется любими, в том числе и неинформированными реципиентами, на уровне поверхностной структуры. Имплементация данных базовых элементов и узловых структур происходит неинтенционально на уровне темпорально-контактной рефлексии.

На пограничном уровне актуализации имплементируются сопутствующие или же неактуальные признаки, имплицитно сохранившиеся в

глубинной структуре, именно они придают генерализованному содержанию концепта дополнительные, чаще всего этимологические или диахронические оттенки значения. Номены, которые эксплицируют именно эти компоненты, могут быть интерпретированы интуитивно, на уровне неосознанной рефлексии членами лингвокультурного сообщества, которые на втором этапе распремечивания генерализованного смысла в процессе коррекции понимания в результате столкновения с неузуальным для культурного концепта контекстом начинают анализировать именно формальные аспекты представления. Для внедрения в текстовое пространство подобных ситуативно-эпизодических компонентов требуется темпорально-дистантная рефлексия, дающая возможность восхождения к истокам значимости того или иного коннотата. Например, лексема, являющаяся центральным именованием концепта ПОБЕДА, представляет собой антонимический этимон, а значит содержит компонент «поражение», «неудача», «беда», – от др.-русск. побѣда в знач. «поражение», ст.-слав. побѣда. Эти обертоны актуализируются неузуальным контекстом в следующем примере: *А мы тут засели в низине у Балатона, и победу просидим здесь* (Бакланов, 1979, с. 36) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Следует подчеркнуть, что рассматриваемые на этом уровне признаки существуют только в качестве пассивных контекстуальных синсемантов (иногда это не базовые именованья, а историзмы и архаизмы). Распремечивание этих компонентов эпизодической памяти происходит не всегда и не может быть осуществлено без активного вчитывания. В рамках данного толкования культурный концепт ПОБЕДА приобретает дополнительные формы легитимизации и интенсификации компонентов «возможных потерь» как неких «необходимых жертв», что обосновано мифическим и сакральным эвфемизмом в этимоне.

Третьим слоем имплементации личностного и ситуативного в аксиологическое пространство социокультурной памяти выступают внутренние периферические компоненты, которые состоят из разрозненных областей, релятивных контекстуальных ассоциатов, порождаемых индивидуальным опытом автора, а значит доступными для понимания только при интенциональном и тщательном анализе глубинной структуры на основе потенциальных словоупотреблений и всех наличных высказываний, функционирующих в текстовом пространстве. В данном случае необходимо введение в текст в рамках ближайшего контекста пояснений в виде фактуальных ремарок, таким образом происходит стирание границ между темпорально-контактным и темпорально-дистантным модусами опредмечивания и распремечивания: *Леонтьев к слову и не к слову ругал каторжную писарскую жизнь: «Лучше на передовую, чем здесь корпеть. Ни дня*

тебе, ни ночи, и погибнешь, как Воронцов». Был такой писарь Воронцов, убитый при бомбёжке ещё в сорок первом году, доказав тем самым, что и при штабе люди погибают (Бакланов, 1979, с. 104) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае даже множество раз обдуманый прецедентный феномен предстает в виде эмоционально нагруженного «свежего», но в то же время близкого всем личностного события. Следует отметить, что возможности сокрытия глубинного интимизированного содержания, которое может повлиять на рецепцию и интерпретацию всего смысла гипотетическим читателем, абсолютно не означает, что уровень онтологизации и прецедентности описываемого феномена снижается или происходит элиминация концептуальных компонентов социокультурной памяти.

Таким образом, трансформация и модификация структуры культурных концептов прецедентного мира «Великая Отечественная война» происходит на основе «миграции» в ядерную зону именно обусловленных эпизодической памятью периферических компонентов в рамках темпорально-контактной рефлексии или же нивелировкой периферийных коннотативных значений при использовании темпорально-дистантной рефлексии. Данное формальное противоречие может быть прояснено и снято тем, что компоненты эпизодической памяти, в конечном счете, являются собственно базисом инициального формирования и дальнейшей эволюции всех представленных в культурном концепте слоев репрезентации социокультурного всеобщего. Экстраполяция периферийных компонентов смысла в общелингвокультурные области аксиологической конвенционализации имеет континуальные характеристики и является логичным продолжением укоренения концепта в узуальном пространстве восприятия и его тиражирования в обыденном словоупотреблении.

ГЛАВА 2

МЕХАНИЗМЫ ЭКСПЛИКАЦИИ ЭПИЗОДИЧЕСКОЙ И ИНТЕНСИФИКАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ЯЗЫКОВЫХ И ТЕКСТОВЫХ СТРУКТУРАХ

2.1. Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской картине мира: структура, актуализация и концептуализация

Во второй главе мы предприняли попытку провести анализ способов представления прецедентных феноменов как узловых метаконцептов прецедентного мира «Великая Отечественная война» на основе специфических лингвокогнитивных механизмов концептуализации и интимизации. Рассмотрение динамики содержания метаконцептов как отдельных модусных областей (ментальных образований), структурирующих аксиологическое пространство русской картины мира, требует более прецизионного анализа структуры вербальных репрезентантов лингвоконцептуальной сферы экспансии когитемных, локутемных, лингвемных, концептемных компонентов в коллективном сознании, ведь формирование каждой лингвоконцептуальной области предполагает «художественно-эстетическое воспроизведение действительности, которое предполагает отбор фактов и их типизацию» (Артюшков, 1997, с. 71-72) в произведении, её репрезентирующем.

В рамках отбора исследуемых вербализаторов нами была осуществлена стратификационная выборка языковых единиц различных уровней, не только наиболее частотно используемых в текстах, репрезентирующих прецедентный мир «Великая Отечественная война», но и интенсифицирующих контаминированные области социокультурной и эпизодической памяти. Наиболее четкие акценты ситуативности и эпизодики характеризуют языковые единицы на основе темпорально-контактной рефлексии. Таким образом, наиболее релевантными для анализа являются тексты о Великой Отечественной войне, созданные в военное время, авторами-участниками.

Предпринятый анализ, базирующийся на герменевтико-интерпретационном методе, включал следующую последовательность процедур:

1. Определение на основе данных лингвокультурологических и энциклопедических словарей доминантных областей прецедентного мира «Великая Отечественная война».

2. Выборка наиболее частотных вербализаторов метаконцептов, представляющих узловые компоненты лингвоконцептуального пространства, вошедшие в паремический состав языка, стереотипно воспроизводимых в речи (прецедентные ситуации, имена, высказывания, тексты).

3. Конситуативный и компонентный анализ ключевых вербализаторов метаконцептов, позволивший выявить способы интенсификации социокультурных компонентов, а также их ситуативную эпизодическую модификации в процессе актуализации индивидуально-личностного модуса.

4. Лингвокультурная и семантическая верификация исследуемых компонентов языковых единиц на основе выявления степени принятия и легитимизации в русской картине мира, – определение семантической сочетаемости и прагматического потенциала.

Тематический и статистический анализ позволил выделить следующие области актуализации прецедентных феноменов «Великой Отечественной войны»: 1) прецедентные имена и субъекты, 2) прецедентные события и факты, явления, 3) прецедентные тексты и высказывания, 4) прецедентные символы. В рамках последней сферы актуализации наиболее частотными и социокультурно, а в большей части и идеологически нагруженными оказались интертекстуальные элементы, вошедшие в паремическое пространство русского языка как в данный период, так и в послевоенные годы на основе темпорально-дистантной рефлексии. Рассмотрим данные области актуализации и интенсификации как структурные составляющие прецедентного мира, а также их вербальные экспликации в текстах периода Великой Отечественной войны более подробно.

В число прецедентных имен и субъектов рассматриваемой лингвоконцептуальной области русской картины мира входит множество как эпизодически акцентуированных, так и концептуализируемых понятий: 1) именованная подразделения и формирования, характерных для воссоздания реалистичного хронотопа Великой Отечественной войны, интимизирующие описываемые события; следующие две группы актуализируемой сферы включают в основном антропонимы, легитимизирующие на основе апелляции к авторитету ассоциируемые с ними прецедентные события; 2) конкретные эпизодико-ситуативные персоналии участников военных действий; 3) концептуализированные антропонимы героев, военачальни-

ков, политических деятелей как конкретные, так и генерализованные (собираемые образы).

В первой группе наиболее частотными являются именованья derogативной области формирования образа врага, данные вербализаторы как в прямой наивной номинации, так и в метафорико-ассоциативной встречаются в каждом произведении периода Великой Отечественной войны. Как наиболее частотный можно отметить трансформированный лингвокультурный концепт ФАШИСТ.

Лексема «фашист» используется в качестве доминантного вербализатора приверженцев конкретных политических взглядов или членов различных фашистских организаций (<https://slovar.cc/rus/tolk.html>), при этом следует указать, что данные примарные ядерные значения реализуются уже до периода Великой Отечественной войны: *Когда Эрнст выздоровел и явился на завод, оказалось, что на его месте уже работает новый инженер – фашист. [Фашистская месь // «Пионерская правда», 1937]* (<http://www.ruscorgora.ru>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Однако в качестве вероятного противника или же «врага» данный номен не функционирует до начала Великой Отечественной войны, что доказывает конситуативное появление и актуализацию новых обертонов содержания и его последующую концептуализацию на основе реализации оппозиции «свой – чужой» и интенсификации образа врага. Иногда в рамках экспликации общих генерализованных обертонов как альтернативное именование представителей немецкой нации:

– *Неправда! – шмыгнув носом, завотил оскорбленный Санька. – Я не фашист, а весь советский. [А. П. Гайдар. Голубая чашка (1935)]* (<http://www.ruscorgora.ru>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

В своем идеологизированном варианте как прямой темпорально-контактный ассоциат концепта ВРАГ данная лексема функционирует во всех рассмотренных текстах, репрезентирующих прецедентный мир «Великая Отечественная война»:

...мы просим разрешения нам кровью расплатиться с фашистами... (Толстой, 1986, с. 432) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Наконец боец всаживал в намалеванную фашистскую морду две пули из трех (Бек, 1960, с. 30) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Не говорю о том, что добрых пятидесяти миллионов, находящихся под сапогом у фашистов, мы недосчитываемся (Некрасов, 1990, с. 82) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Ты бы тогда не мозолил мне глаза, фашистская гнида! (Воробьев, 1987, с. 125) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Каждый из приведенных примеров свидетельствует об общекультурной тенденции к экспликации только дерогативных компонентов полярной аксиологической шкалы в условиях темпорально-контактной рефлексии. Кроме того, необходимо отметить, что все стадии данного процесса, включая общекультурную имплементацию периферийного когнитивного признака в качестве ядерного категориального в конкретном констатирующем окружении и перенесение его на сходные ситуации на основе метафорического или метонимического переноса, а также делимитацию понятия в новом качестве для отграничения его на основе тех или иных аксиологических дифференцирующих признаков от других сходных с ним реализуются в полной мере. При этом возможные искусственные, не отвечающие векторам интенсификации общекультурно, попытки имплементации в семантику неузуальных и конситуативно чуждых компонентов чаще всего обречены на провал, происходит это по причине того, что эти компоненты (первого и второго слоя) не находятся в фокусе узуальной интерпретации и воспринимаются в качестве имманентно приданных, «само собой разумеющихся», входящих в ядро значения только при соблюдении необходимых и достаточных условий (Шмелев, 2009, с. 19). Следует отметить именно интенсифицирующий потенциал представляемых эпизодических компонентов, которые, казалось бы, единичны и могут быть представлены в высказываниях «как состоявшиеся один раз на определённую тему и по содержанию, формирующемуся во фрагменте текста» (Изотова, 2019, с. 15-16). Но эта эпизодическая детерминированность отнюдь не исключает возможности коллективного осознания расширительных компонентов в случае интерпретации обертонов в вертикальном контексте. При этом в процессе транспонирования базового вербализатора формируется особый фрагмент прецедентного мира, некий вид культурного концепта, который представляет собой специфическую единицу рефлексивных операций, структурированную относительно эпистемологических доминант конкретного периода и локуса. Это комплексное кристаллизованное знание о стереотипизированном образе, создающее лингвокультурный типаж, который способствует интуитивному идеологически маркированному восприятию относимых к данному классу персоналий, а в последующем при повышении частотности употребления и «интерпретации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению» (Стернин, 2005, с. 258).

К формируемому в процессе темпорально-контактной рефлексии концепту ФАШИСТ можно отнести и множество конситуативных ассоциатов, отражающих дерогативные компоненты эпизодически маркированной аксиологии:

Фрицы консервы и водку привезли (Толстой, 1986, с. 427) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Да тут **фриц** настоящий подвернулся (Некрасов, 1990, с. 82) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

До слез смеялась, когда он начинал рассказывать про **фрицев** (Бакланов, 1979, с. 40) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Интересным является тот факт, что интенсификация в данной лексеме негативных компонентов происходит в форме иронизированных высказываний, т.е. пространство оценивания внутри различных актуализированных областей происходит уже не в биполярном пространстве, а в рамках градуированной шкалы: *Фрицы – фрицами. Из оврага убежали. Двух пленных даже оставили* (Некрасов, 1990, с. 178). Это негативное отношение эксплицируется в качестве стереотипного, подобный прием концептуализации демонстрирует его как само собой разумеющееся, некую максимум, не подлежащую сомнению *фрицы – фрицами*.

Замечателен способ формирования одного из концептуализированных понятий рассматриваемой сферы – «немецкие оккупанты/захватчики», – который возникает в процессе сравнительного анализа на основе темпорально-дистантной рефлексии, что подтверждается минимальной встречаемостью данного именованного метаконцепта ВРАГ в текстах периода Великой Отечественной войны: *Впоследствии, когда мы узнали о борьбе волоколамских партизан против захватчиков...* (Бек, 1960, с. 237). Данные сравнительные обертоны возникают только при сопоставлении с другими социокультурными компонентами центральных для сочетания лексем «оккупант» и «захватчик», актуализируемыми до этого в рамках других прецедентных миров «Иго», «Отечественная война 1812 года».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ядерным вербализатором метаконцепта ВРАГ в текстах прецедентного мира «Великая Отечественная война» становится не рассматривавшееся в качестве такового в другие периоды концептуализируемое понятие «фашист» в различных степенях интенсификации дерогативных компонентов.

Следует подчеркнуть, что кроме генерализованных концептуализированных дерогативов для интимизации компонентов социокультурной памяти используются конкретные наименования подразделений и типов частей немецких войск: *Говорят, перед нами эсэсовцы – не то «Викинг», не то «Мертвая голова», не то что-то еще более страшное* (Некрасов, 1990, с. 113) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Либо общепринятое обозначение в транскрибированном варианте, воспринятое только в конситуативном пространстве ВОВ: *У приземистого черного здания с вывеской «Вермахт комендатур» жандармы остановились* (Воробьев, 1987, с. 152) (выделе-

но нами. – Т.Б., А.П.). Однако упоминания данных лексем нельзя признать определяющим или даже частотным. Большой интенсификации подвергается именование тайной государственной полиции фашистской Германии «гестапо». Так, в исследуемых текстах оно встречается в тех или иных вариациях (различные части речи) более 50 раз, что делает его самым упоминаемым подразделением: *В самом центре Паневежжиса, в лучшем городском здании, разместилось гестапо* (Воробьев, 1987, с. 152) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Именно в текстах периода военных действий впервые формируется устойчивое сочетание «застенки гестапо», входящее впоследствии в паремический состав русского языка: *Находясь в застенках гестапо...* (Воробьев, 1987, с. 141) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В большинстве случаев номены негативного пространства одной группы актуализации, в данном случае первой группы, зачастую объединяются в одном высказывании с целью придания статуса онтологичности метаконцептам прецедентного мира. В следующем примере так концептуализируется на основе упоминания двух прецедентных явлений метаконцепт СМЕРТЬ: *Но потребность в убийствах росла, и изобретательный в этих случаях фашистский мозг из городского гестапо выручил попавших в затруднительное положение палачей из лагеря* (Воробьев, 1987, с. 91) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Позитивный полюс шкалы оценивания эксплицируется в основном генерализованными идеологизированными ядерными вербализаторами метаконцепта СОВЕТСКИЙ ВОИН/СОЛДАТ. При этом даже опущение первого конкретизирующего компонента не вызывает проблем идентификации, «воин» в текстах рассматриваемого прецедентного мира может быть только «советским». Таким образом, создается апелляция к положительному лингвокультурному типу «русский воин», реализующему максимальный эффект идеологизации в органичной связке с метаконцептом РОДИНА: *Но тех, кто погибнет как воин, не забудут на родине* (Бек, 1960, с. 25) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Каждая из критериальных характеристик генерализованного именованного имеет социокультурную маркированность и включается в аксиологическое пространство русской картины мира для формирования положительного отношения к деяниям «своих» в противопоставлении деяниям представителей «чужих»: *... высшее достоинство воина* (Бек, 1960, с. 25).

В следующем примере создается ассоциация в процессе имплементации такого концепта как ТОВАРИЩЕСТВО, что *... законы воинского товарищества вступали в силу* (Бакланов, 1979, с. 552) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Интертекстуальность и отсылка к литературному произведению Н. В. Гоголя формируют единый положительный вектор оценивания советского государства и общества.

Акцентуация когнитивных признаков в процессе концептуализации подчеркивается фактом врожденности для каждого из класса «своих» таких черт, как отвага, готовность к самопожертвованию, честь, храбрость, сила: *Моисеев был пылкий человек, рожден воином* (Толстой, 1986, с. 439) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В отличие от дерогативной сферы частотность ядерных вербализаторов данного метаконцепта отличается меньшей вариативностью, большей персонифицированностью, т.е. подкрепляется лексемами второй и третьей группы данной области актуализации и составляет более 500 единиц в рассматриваемых произведениях.

Интенсификация обертона «решительность» в вариативном вербализаторе «боец», не уступающем вышеупомянутым по частотности и продолжающем традицию именованья солдат, берет свое начало в период Гражданской войны: *Боец на войне – решающая сила* (Бек, 1960, с. 76) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Кроме того, паремический состав единиц с компонентом «воин/солдат» предстает как наиболее широкий и устойчивый, таким образом, темпорально-контактная рефлексия эпизодических компонентов сочетается с темпорально-дистантными способами концептуализации. До настоящего времени сохраняются актуализированные именно в период Великой Отечественной войны обертоны таких устойчивых номинативных сочетаний как «солдатская доля», «душа солдата», «солдатская шинель», «старый/бывалый солдат» и т.д.

Конситуативная привязка, актуализирующая социокультурные компоненты генерализованных понятий «солдат», «воин», осуществляется посредством упоминания именованных конкретных воинских подразделений: *Мы, семьсот человек, первый батальон Талгарского полка, по-прежнему держали восемь километров фронта на подступах к Москве, куда стягивались немецкие дивизии* (Бек, 1960, с. 92) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае происходит ассоциативное связывание обобщающих компонентов *мы, семьсот человек*, которые действуют в качестве концептуализирующего основания, способствующего имплементации совершенного подвига в социокультурную память и конкретизирующего локально и темпорально данное прецедентное событие эпизодического компонента, выраженного реалией *первый батальон Талгарского полка*.

Обыденность жизни на войне, внешнее спокойствие эксплицируются в процессе параллельного вариативного именованья подразделений и реалий гражданской жизни: *...от нашего правого соседа – третьего батальона 852-го полка* (Некрасов, 1990, с. 22) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В рамках данного механизма приближения осуществляется интимизация прецедентных событий, описываемых в произведениях Великой

Отечественной войны, которые получают статус реально происходящих и близких каждому реципиенту. Онтологичность реализует не только функцию воссоздания реального хронотопа, но и идеологизирует значимостные социокультурные компоненты, давая им возможность а priori приниматься коллективным сознанием.

Следующие две группы данной области актуализации – это, по сути, концептуализированные персоналии, – имена реально существовавших, либо созданных воображением художника слова собирательных стереотипизированных образов. В одном из подвергнутых анализу произведений имя генерал-майора И. В. Панфилова, к которому в своих мыслях и при согласовании реальных действий обращается главный герой романа А. А. Бека «Волоколамское шоссе» Баурджан Момыш-Улы, упоминается более 250 раз. В процессе данной апелляции к признанному авторитету, командиру 316-ой стрелковой дивизии, происходит и концептуализация другого имени, которое в рамках темпорально-контактной рефлексии эксплицирует лишь эпизодические компоненты. Личность «дикого» лейтенанта Момыш-Улы, который впоследствии стал кумиром многих легендарных личностей, в том числе и кубинского лидера Фиделя Кастро, представляет собой конгломерат специфических признаков, функционирующих в качестве основных векторов оценки в период Великой Отечественной войны. Данный конситуативный образ не просто породил лингвокультурный концепт, но и смог интенсифицировать категориальные характеристики в другие культуры. При этом ключевые когитемы данного персонального концепта эксплицируются в описании внешних черт, ассоциируемых с внутренними качествами в рамках русской картины мира: *Лицо Баурджана Момыш-Улы напоминало о резьбе, а не о лепке. Оно казалось вырезанным из бронзы или из мореного дуба каким-то очень острым инструментом, не оставившим ни одной мягко закругленной линии* (Бек, 1960, с. 10) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Лексемы *бронза*, *мореный дуб* актуализируют в содержании персонального концепта компоненты «твердость», «несокрушимость», а сравнение его не с лепным скульптурным изображением, а с традиционной на русском севере резьбой и именные группы *ни одной мягко закругленной линии*, *острый инструмент* призваны сделать акцент на компонентах «решительность», «уверенность в победе».

Упоминание политических деятелей в качестве легитимизаторов мнения или какого-либо прецедентного высказывания представляется наиболее распространенным и эффективным средством концептуализации эпизодических компонентов. В некоторых случаях апелляции к авторитету сопутствует прямая оценка: *Это было, конечно, правдой, потому что...*

потому что об этом говорил сам Сталин (Воробьев, 1987, с. 11) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Однако аргументация с помощью прецедентного имени приобретает характер интимизирующего элемента в процессе документализации образа и имени, ассоциируемого с ним, в обществе (Кузнецова, Борисова, 2019, с. 115).

В случае интенсификации социокультурных компонентов в процессе использования прецедентных имен авторы часто обращаются к мифологизации прецедентных событий, вербализации волонтеративного пространства, например, желание победы, а не просто мира актуализируется в солдатских байках: *...а говорят тут вот мужики, что будто Гитлер миру запросил. А товарищ Сталин говорит ему: «Я не Николай второй!»* (Воробьев, 1987, с. 11) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Сближение персональных концептов с народом способствует категоризации образа как стереотипного представителя лингвокультуры, вопрошающего в себе все наиболее значимые когнитивные признаки: *Сталин выступал шестого ноября* (Некрасов, 1990, с. 22) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном примере репрезентация всей страны в лице её политического лидера эксплицирует социокультурный компонент «единство», увеличивающий степень интимизации описываемых событий в рамках отождествления каждого человека, всего народа с «Отцом народов».

Идеологизация героического поступка происходит в прецедентном мире «Великая Отечественная война» именно в рамках приближения персональных концептов к простому человеку, рядовому солдату и гражданину: *Дела и подвиги этих людей обеспечили жизнь твоему поколению и останутся навеки в памяти человечества. А между тем это люди такие же простые, как ты. Михаил Фрунзе, Клим Ворошилов, Серго Орджоникидзе, Сергей Киров, Сергей Тюленин...* (Фадеев, 2017, с. 115) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В пространстве текста каждое прецедентное имя, встраиваемое в некий перечень, зачастую имеющий градационный характер, не является уже просто *argumentum ad verecundiam*, а представляется способом создания определенного пантеона. Однако необходимо подчеркнуть, что это не недостижимый мифологический мир, каждый из проявивших героизм может встать в один ряд с ними, стать легендой, героем, примером для своих товарищей и следующих поколений героев. Концептуализация и последующая идеологизация таких прецедентных имен становится постоянно прирастающей новыми именами спиралью.

Перейдем к следующей области актуализации – прецедентным событиям и фактам, они могут быть охарактеризованы максимальной психоэмоциональной нагрузкой в когнитивном плане, а также широкой тиражи-

руемостью в качестве базы для сравнения реальных действий всех членов лингвокультурного сообщества. Ю. Н. Караулов неоднократно отмечал примат социокультурных компонентов прецедентных ситуаций над личностными эпизодическими элементами ввиду их известности (Караулов, 1986, с. 105), однако исходная актуализация того или иного вектора оценки всегда инициируется участниками на основании темпорально-контактной рефлексии. Ассоциативное пространство каждого из таких событий и фактов Великой Отечественной войны связано с некоторым предельным набором дифференциальных признаков, которые в конситуативных вариациях могут действовать как свернутая метафора эталонного поведения (Красных, 2003, с. 171).

Эта эталонность ситуации, которая гипотетически может возникнуть в условиях конкретных действий, не строится на виртуальном (ментальном) моделировании. Она выводится на основе определенного набора коннотаций при реальном опыте её переживания, т.е. прецедентная ситуация уже обязательно случалась в действительности (Красных, 1998, с. 50).

В качестве наиболее часто актуализируемых групп данной области прецедентного мира «Великая Отечественная война» выделяются: 1) генерализованные концепты, эксплицирующие тип героического действия, иногда в рамках ассоциации с прецедентным именем, 2) социокультурно значимые в аспекте достижения «высшей цели» – победы – концепты битв. Проанализируем механизмы концептуализации определенных типов героического действия.

В числе наиболее транслируемого в качестве наиболее доступного для совершения подвига для рядового солдата является прецедентное событие «бросок на амбразуру». Следует, однако, подчеркнуть, что это лишь общий тип действия, его дуративная и результирующая составляющая может варьироваться, но чаще всего сценарий предполагает финализирующий компонент смерти героя, взявшего на себя обязанность подавить огневую точку противника: *Лисагор рассказал мне, как он погиб. Я его всего несколько дней знал, его прислали незадолго до моего ранения. Веселый, смысленный такой, прибаутчик. С двумя противотанковыми гранатами он подбежал к подбитому танку и обе в амбразуру бросил* (Некрасов, 1990, с. 246) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Всем известен подвиг А. Матросова, который закрыл амбразуру дзота своей грудью, однако уничтожение огневых плацдармов, которые могли в конкретной ситуации, зачастую в весьма незначительном локальном сражении, препятствовать продвижению или же действиям советских подразделений, было вполне привычной практикой и едва ли не рядовым событи-

ем. При этом в случае темпорально-контактной рефлексии данное событие всегда описывается либо в сфере позитивной оценки, либо как нейтрально оцениваемое действие. Темпорально-дистантная рефлексия приводит не только к интенсификации категориального признака «героизм», но и к возможности трансформации периферийного компонента «необдуманность» в ядерный элемент прецедентного события: *Васич стоял, глядя вниз. <...> Не разведав, не уточнив! Нами затыкали дыру, как амбразуру чужим телом!* (Бакланов, 1979, с. 345) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

В некоторых случаях объединение социокультурного компонента с личностными приводит к доминированию элементов эпизодической памяти: Панфилов сказал: *«Солдат идет в бой не умирать, а жить!»* (Бек, 1960, с. 30) (выделено нами. – Т.Б., А.П.), которые концептуализируются в сильных позициях текста и формируют лейтмотив свершения героического действия: *НЕ УМИРАТЬ, А ЖИТЬ!* (Бек, 1960, с. 28).

Ещё одним прецедентным событием Великой Отечественной войны, концептуализирующим главные категориальные признаки советского воина – стойкость и непреклонность, является «молчание перед лицом смерти». Большой частью данные компоненты актуализируются в связке с прецедентным именованнием подпольных формирований «молчать как партизан»: *Но, как ни терзали Костиевича и как ни долго это тянулось, Матвей Костиевич ничего не изменил в своем поведении* (Фадеев, 2017, с. 305) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Мифологизация компонентов стереотипного поведения «партизанское молчание» осуществляется зачастую на основе легитимизирующего потенциала прецедентных высказываний: *Знали ребята библейское изречение: «Язык мой – враг мой» – и, закусив его в подъезде гестапо, освобождали в тридцать девятой камере* (Воробьев, 1987, с. 140) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В вышеприведенном примере мы наблюдаем интертекстуальное включение, которое на основе традиционной узуальной интерпретации формирует особую конситуативную интерпретацию описываемого феномена, усиливая аргументационный потенциал схематизма.

Прецедентным явлением, обладающим особым статусом в борьбе советского народа с фашистскими захватчиками, является формирование партизанских отрядов. Партизанское движение было распространено в период множества войн и локальных конфликтов, но только на территории СССР в ВОВ была введена в практику целенаправленная поддержка подобных стихийных боевых групп не только боеприпасами и техникой, но и специалистами: *Но у «мужичья», не в пример прошлой осени, были теперь хорошо сформированные и вооруженные партизанские полки* (Толстой, 1986, с. 436) (выделено нами. – Т.Б., А.П.), а также согласованное взаимодей-

ствии с регулярными формированиями: *На помощь партизанам прорвалась через фронт крупная кавалерийская часть* (Толстой, 1986, с. 430). В данном прецедентном явлении интенсифицируются преимущественно социокультурно маркированные конситуативные компоненты с привязкой к конкретному прецедентному миру «Великая Отечественная война», а потому обладающим особым статусом в этой лингвоконцептуальной области.

Конситуативными элементами характеризуется и ситуация предпочтения гибели вражескому плену: *Они знали четыре заповеди: не признавать окружения, выходить при любых обстоятельствах из любой создавшейся обстановки, **биться до последнего патрона и живым не сдаваться**, любить свое оружие и не бросать его даже в смертный час* (Толстой, 1986, с. 436) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Данные обертоны концептуализируются не только на основе механизмов прямой перформативизации, т.е. частотно воспроизводимых директив командиров: *В плен не сдаваться, пленных не брать* (Бек, 1960, с. 189), но и при помощи параллельного описания ужасов лагерей и казней. Соответствующие реминисценции и эпизодические ассоциаты актуализируют идеологизируемые элементы и создают интерпретативное пространство, в котором нивелируется примат метаконцепта ЖИЗНЬ и возводится в Абсолют метаконцепт СМЕРТЬ: *Приходилось вам бывать в **мясных лавках**? Ну, вот так примерно выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по образу, висели окровавленные туловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей...<...> лежала просто куча **крупно нарубленного мяса**...* (Шолохов, 1942, с. 12) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Однако интенсификация подобных обертонов не формирует общего вектора дерогации в мотивах отчаяния, скорее способствуют социокультурной легитимизации и превращению в концепт рассматриваемого прецедентного мира вариативных форм «возмездия»: *Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на все, что творили немцы...* (Шолохов, 1942, с. 12) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Следующей группой актуализируемых в данной сфере прецедентных феноменов являются концепты битв. При этом темпорально-контактная рефлексия диктует необходимость наиболее расширенных способов представления этих явлений, которые формируют метаконцепты, состоящие из множества локально значимых концептов, эксплицирующих эпизодические компоненты авторского опыта.

В некоторых случаях все произведение посвящено интенсификации отдельных метаконцептуальных областей одной прецедентной битвы. Так, роман А. А. Бека повествует об одном из самых знаменательных сражений Великой Отечественной войны – Битве за Москву, – в которое органично включены концепты подвигов Панфиловцев, а именно локаль-

ные сражения советских солдат из 1-го батальона 316-й дивизии, происходившие на Волоколамском направлении. Многослойность иерархической организации данного прецедентного события подчеркивается самим автором: *он рассказывал, кстати, про один из боев у Волоколамского шоссе* (Бек, 1960, с. 11) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Автором озвучивается даже точное количество составляющих – компонентов, входящих в прецедентное событие, однако, не все они подвергаются актуализации, а значит, могут повлиять на формирование интерпретативного поля метаконцепта БИТВА ЗА МОСКВУ: *...мы, первый батальон Талгарского полка, приняли тридцать пять боев* (Бек, 1960, с. 87) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В процессе актуализации эпизодических компонентов данного феномена происходит пересечение актуальных концептом и локутом представления в прецедентных именованиих подразделений, интимизирующих восприятие описываемых событий: *За день-два до нашего прибытия было переброшено на грузовиках через Волоколамск к Московскому морю пехотное училище имени Верховного Совета; за ним туда отправилось с учебными орудиями Московское Краснознаменное артиллерийское училище* (Бек, 1960, с. 15) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Социокультурные компоненты значимости прецедентного события эксплицируются напрямую в речемыслительном акте темпорально-контактной рефлексии: *...историю великой двухмесячной битвы...* (Бек, 1960, с. 9) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Аксиологически маркированные лексемы, которые формируют вектор интерпретации данного метаконцепта, повторяются на протяжении всего текста, так именно в данной номинативной группе эта лексема встречается трижды в романе. В то же время эпизодика и локальная и темпоральная маркированность отдельных составляющих данного метаконцепта формируется неоднократным указанием на время и место проведения того или иного сражения: *...воевали под Волоколамском, под Истрой, под Крюковым, переборол и погнали немцев* (Бек, 1960, с. 238).

Общая социокультурная значимость подчеркивается в процессе имплементации одного прецедентного события в общее пространство войны, его характеристикой в качестве части единой борьбы, способствующей достижению общенародной «высшей» цели ПОБЕДЫ: *...смотрите на нас, мы идем перед вами в строю, подняв головы, как гордая воинская часть – часть великой, грозной Красной Армии!* (Бек, 1960, с. 238) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Ещё одним всесторонне представленным прецедентным событием, имеющим сходную структуру, является метаконцепт СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА, вербализованный в повести В. П. Некрасова «В окопах

Сталинграда». При этом многоаспектное представление одного прецедентного события отнюдь не ограничивает его ассоциативных возможностей. Так, в рамках обсуждения событий, касающихся боевых действий под Сталинградом, в речи солдат часто упоминаются другие сражения Великой Отечественной войны, что способствует введению в общекультурное пространство нового элемента и формирование единого прецедентного мира «Великая Отечественная война»: *Позавчера Севастополь сдали, а он формироваться собрался...* (Некрасов, 1990, с. 10).

В область актуализации прецедентных текстов и высказываний входят известные вербальные прецедентные акты, которые зачастую имеют отсылку (эксплицитную или имплицитную) к личности и ситуации, в которой они были созданы. Критический анализ подобных ассоциативно воспроизводимых без изменений или модифицированных с учетом констатирующих изменений фраз и реминисценций на целые тексты при экспликации социокультурных и эпизодических компонентов в русскоязычном пространстве, а также функциональная прагматика полилогического взаимодействия автора и читателя при порождении новых компонентов значения в ассоциативном ряду открывают широкие перспективы комплексного исследования схематизмов (Печенюк, Бургакова, 2021, с. 138), легитимирующих приписывание как различных качеств прецедентным личностям, так и категориальных признаков прецедентным событиям и явлениям в оппозиции «хорошо – плохо» в процессе осмысления прецедентного мира «Великая Отечественная война».

В большинстве случаев при интенциональном использовании прецедентного высказывания при приведении к «общему знаменателю» векторов оценки события применяется соотнесение дерогативных и позитивных областей в рамках архетипической оппозиции «свой – чужой». Личные эпизодические компоненты в данном случае играют роль детерминант при избрании не только формы экспликации, но ретроспективной концептемы, т.е. соотнесения с той или иной характеристикой описываемого события. Таким образом, привязанности и оценка членов группы приводится в соответствие с традиционными, конвенционализированными компонентами коллективного мировоззрения, а принцип селективного варьирования позволяет статифицированно производить выборку реальных характеристик из стереотипно понимаемых прецедентных феноменов (Александрова, 2015): *Мальчишки стреляют из рогаток по воробьям, воюют в «фашистов» и в «наших»* (Некрасов, 1990, с. 62) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Прецедентные тексты являют собой наиболее детализированное представление социокультурных компонентов, отражающих весь преце-

дентный мир, и являются наиболее широкими единицами экспликации всех составляющих русской картины мира, они органично входят в пространство воссоздания реальности. Подобные комплексные знаки обладают характеристиками целостности и единства интерпретации, однако их интенсификация в текстах ВОВ осуществляется на основе избрания некоего ассоциируемого со всем прецедентным текстом высказывания. В качестве модифицированного ассоциата или же устойчивого высказывания они достаточно часто встречаются в рассматриваемых произведениях. В большинстве случаев актуализация социокультурного компонента происходит при помощи актуализации аксиологически маркированных вербализаторов на основе темпорально-дистантной рефлексии над прецедентным текстом: *Это были правильные слова, это были святые истины. Я услышал, что германский фашизм вероломно напал на нашу Родину...* (Бек, 1960, с. 31) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном примере содержащаяся реминисценция на обращение к советскому народу активизирует векторы негативной оценки действий Вермахта. Следует, однако, подчеркнуть, что ассоциируется данный прецедентный текст, прежде всего, с речью, произнесенной Юрием Левитаном, который на протяжении всего периода Великой Отечественной войны зачитывал сводки с фронтов и сообщения советского правительства, а эпизодические компоненты о первичном сообщении 22 июня 1941 года, вышедшим в эфир в 12 часов 15 минут и зачитанным народным комиссаром иностранных дел СССР, заместителем председателя Совнаркома В.М. Молотовым, были практически нивелированы. При этом идеологизированные на основе темпорально-дистантной рефлексии и частотного употребления в рамках агитации сохранились: *Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.* Именно эти прецедентные высказывания сформировали максимы позитивного полюса оценочного пространства русской картины мира. Кроме того, необходимо подчеркнуть осознанную имплементацию официального языка пропаганды, являющуюся одной из ключевых черт такого художественного метода как социалистический реализм, который достаточно последовательно реализуется в произведениях избранных для анализа авторов, прежде всего А. А. Фадеева (секретаря Союза писателей СССР). Данный метод характеризуется набором определенных языковых средств как база формирования конкретной эстетической системы, т.е. координат развертывания конситуативной интерпретации.

Наибольшая частотность интенсификации глубинных общезначимых смыслов прецедентного мира в прецедентных высказываниях достигается в общем ассоциативном ряду с отсылками к авторству – преце-

дентным личностям, произносившим или же создавшим данные тексты: *И вдруг над самым ухом раздается такой знакомый, такой приятный голос* (Некрасов, 1990, с. 287) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Обрамление в горизонтальном контексте прецедентных высказываний оценочными лексемами, которые в форме градационного расположения на основе снижения возвышенности коннотем в конкретных условиях интерпретации (Кислицына, 2021, с. 215): *И вдруг сквозь легкое потрескивание в воздухе, который словно входил в комнату волнами из большого-большого пространства, очень ясно, на бархатных, едва весомых низах, торжественно, обыденно, свободно заговорил знакомый голос диктора Левитана: "... От Советского Информбюро..."* (Фадеев, 2017, с. 390) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Следует подчеркнуть, что в процессе концептуализации как социокультурных, так и эпизодических компонентов используется два вида прецедентных высказываний: национально-прецедентных и универсально-прецедентных (Печенюк, Бургакова, 2021, с. 139). В случае с ассоциатами к универсально-прецедентным текстам в русской картине мира возможны сбой в интерпретации, что в некоторых случаях призвано интимизировать внутренний конфликт обыденной и военной жизни: *Когда я нес Лешке книгу, я невольно спрашивал себя, а поймет ли он этого писателя? Хемингуэй не легок, не для всех...* (Некрасов, 1990, с. 306) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

При трансляции в немодифицированном виде различные прецедентные высказывания могут из национально-прецедентных в пространстве взаимодействия нескольких картин мира в условиях единого прецедентного мира трансформироваться если не в универсально-, то в фреквентально-прецедентные. Например, при внедрении компонентов русской культуры в пространство немецкой культуры, может сформироваться диссонансное восприятие смысла русской песни «Из-за острова на стрежень» в переводе П. Зиннера, который впервые был опубликован и стал известен в Германии в 1923 г.: *...немцы с новым подъемом запели одинаковыми низкими голосами: Wolga, Wolga, Mutter Wolga...* (Фадеев, 2017, с.158) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В незаконченном виде прецедентные высказывания в прецедентном мире «Великая Отечественная война» сохраняют ассоциированные компоненты прагматической пресуппозиции не только всего произведения или полного высказывания, но и конситуативной пропозиции, т.е. модельного интенсификатора оценки описываемой ситуации.

Данный вербальный феномен вне зависимости от типа интенсификации всегда актуализирует системные, узловые компоненты прецедентного мира и создает конситуативные обертоны системного смысла как

суммы интенсифицируемых значений и прецедентной ситуации. Формирование генерализованного смысла, обладающего значимостью для всех представителей лингвокультурного сообщества, т.е. концептуализация не обязательно основывается на актуализации социокультурных компонентов, в качестве доминантных могут использоваться несколько периферийных эпизодических смысловых обертонов, которые интенсифицируются посредством дискурсивных средств, выходящих за рамки одного высказывания (Бредихин, 2013 а, с. 243).

Экспликаторные характеристики прецедентного события, прецедентного имени и прецедентного высказывания на основании темпорально-дистантной рефлексии создают специфические прецедентные символы, которые обладают наиболее широкими возможностями интенсификации социокультурных компонентов. В текстах ВОВ составляющие элементы социокультурной памяти символа формируются на прямом сопоставлении их с эпизодическими. В рамках антонимического противопоставления интуитивного восприятия значимости события и подчеркивании невозможности её полного осознания без интимизации эпизодических компонентов, т.е. включения в свой личный жизненный опыт опыта переживших его в реальности людей: *...советские люди, а особенно находившиеся в глубоком тылу у немцев, не могли видеть истинных масштабов события, вошедшего в историческую память народов одним словом-символом: Сталинград* (Фадеев, 2017, с. 494) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Множество генерализованных ассоциативных номинантов, отражающих базовые элементы эпизодической и социокультурной памяти в русской картине того времени действуют в качестве своеобразных «ярлыков», намеков и символов выстраивания схематизированных моделей поведения в той или иной ситуации: *Кто-то слабым голосом зашел «Интернационал», мы подхватили тонкими, скрипучими голосами* (Шолохов, 1942, с. 25) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В то же время сам текст, интенсифицированный данным символом, служит как специфическое интерпретативное пространство когнитивной метафоры столкновения поведенческих схематизмов «своих» и «чужих».

Так, символом несломленного народного духа, который эксплицирует социокультурные компоненты «единство», «непреклонность», «верность избранному пути» можно считать широко известную ещё в русской революционной традиции «Замучен тяжелой неволей», которая, как известно, была любимой песней В.И. Ленина: *Дочь пела что-то совсем незнакомое матери, пела свободным грудным голосом: ... Служил ты недолго, но честно / Во славу родимой земли... Подымется мститель суровый, И будет он нас посильней...* (Фадеев, 2017, с. 554).

Самым узнаваемым символом единения, характерным для периода Великой Отечественной войны, который неоднократно упоминается в рассматриваемых текстах, является портрет «Отца народов» И. В. Сталина: *У Валеги и Седых, в их углу, даже **портрет Сталина** и две **открытки**...* (Некрасов, 1990, с. 79) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Упоминание данного прецедентного символа, идеологизирующего политическую составляющую социокультурной памяти, в одном ряду с обыденными предметами, которые призваны интенсифицировать эпизодические компоненты, действует в качестве интимизатора – способа онтологизации личностного: *Удивительно было то, что рядом с **листочками** наклеены были номера газеты «Правда» за старые годы с **портретами Ленина и Сталина*** (Фадеев, 2017, с. 190) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Даже упоминания символов, которые представляются социально-прецедентными, т.е. действуют как узнаваемые и значимые, формируют в конситуативной интерпретации определенный образ, подкрепляемый горизонтальным контекстом: *Мы проходим мимо **памятника Хользунову**, Герою Советского Союза <...> **Бронзовый, тяжелейший**, в кожанке, он **стоит уверенно, прочно** и ни на кого не смотрит* (Некрасов, 1990, с. 57) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Описание памятника В. С. Хользунова героя Гражданской войны в Испании, который отличался умением противостоять противнику, превосходящему его в техническом и количественном плане, отсылает реципиента к авторским ассоциациям непоколебимого памятника с народом СССР, который выстоит перед любым неприятелем несмотря ни на что.

Необходимо упомянуть и дерогативное пространство, формируемое прецедентными символами, которые, однако, могут быть адекватно интерпретированы в конкретной лингвоконцептуальной области на основе темпорально-контактной рефлексии. Формирование эпизодических ситуативных элементов в качестве ядерных (категориальных) признаков отличается наибольшим уровнем интенциональности, т.е. внедрение собственной значимости должно подкрепляться большим количеством различного рода аргументов, и зачастую более высокой степенью эмотивности: *Она лежала в помятой картофельной ботве, **маленькая девочка**, почти ребенок, а **кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники**... « – **Барков, Половинкин. Физическая география Учебник для неполной средней и средней школы**». Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в травке, а **учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе**... (Шолохов, 1942, с. 11-12) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).*

Существует и возможность комплексной трансляции компонентов контрастного оценивания на основе прецедентных символов, которые вво-

дятся с помощью всевозможных интенсификаторов (имен, конситуативно интерпретируемых событий, символов): *Гитлера с усиками и чубом из выкрашенной пакли, навесил на него табличку: «Стреляйте в меня!» – и вместе с разведчиками как-то ночью поставил его на «ничейной» земле, между нами и немцами. Те рассвирепели, целый день из пулемета по своему фюреру стреляли, а ночью украли чучело* (Некрасов, 1990, с. 204) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае мы наблюдаем единение «своих» и «чужих» в контексте создания пространства негосподства символа, однако, русское понимание осуществляется на основе ситуативной иронии над прецедентным символом, а инокультурное (фашистское) на базе отрицания возможности данной иронии, т.е. вторичного отрицания вертикального контекста.

Таким образом, на основе анализа воспроизводимых компонентов социокультурной и эпизодической памяти можно заключить, что формы репрезентации прецедентного мира в основном следуют его иерархической структуре и содержат: 1) прецедентные имена и субъекты, 2) прецедентные события и факты, явления, 3) прецедентные тексты и высказывания, 4) прецедентные символы. Концептуализация эпизодических компонентов осуществляется главным образом при привязке личностных аксиологем в процессе стереотипизации признанных всеми членами лингвокультурного сообщества генерализованных элементов, а отнесение различных прецедентных феноменов к позитивной или дерогативной области аксиологического пространства соответствует основным векторам распределения ролей внутри архетипической оппозиции «свой – чужой». Все механизмы актуализации эпизодических компонентов прецедентного мира в текстовом пространстве базируются на естественной необходимости включения перцептивных компонентов собственного опыта в единую картину мира и строятся на основе темпорально-контактной рефлексии. В то же время социокультурная составляющая основывается на необходимости приведения в соответствие с собственным мировидением в процессе апперцептивной темпорально-дистантной рефлексии над известными, но недоступными эмпирической верификации событиями. Интенсифицированные социокультурные компоненты в произведениях, репрезентирующих прецедентный мир «Великая Отечественная война», органично сочетаются с актуализаторами личностной эпизодической эмпирической верификации описываемых событий конкретного автора и на этой основе формируют наиболее эффективные, подкрепляемые традициями, идеологизированные представления русской картины мира, создающей основу культуры согласия в обществе. Происходит это по причине социокультурного проецирования одного из ключевых исторических событий (Великой

Отечественной войны) в языковом сознании русского народа на основе стереотипизации модели прецедентного мира, как лингвоконцептуальной области единения.

2.2. Динамика содержательной структуры метаконцептов

Процесс расширения лингвоконцептуальных областей, например, прецедентного мира «Великая Отечественная война», обусловлен конситуативной интерпретацией ключевых элементов их иерархической структуры, т.е. постоянным изменением содержания модусных метаконцептов. Данные метаконцепты включают категориальные признаки других концептов, ассоциированных друг с другом единой тематикой и темпорально детерминированной интерпретацией, в зависимости от различных векторов модификации: 1) эпизодического, 2) исторического и 3) идеологического. Динамика представляет собой не просто наиболее значимую характеристику содержания любого концепта, но и ключевое свойство сохранения его значимости в течение продолжительного времени и в различных условиях. Динамичность структуры метаконцепта обеспечивается не только многоаспектностью, наличием понятийного, образного, значимостного пластов (Воркачев, 2004, с. 7), но и модусами актуализации ментальной сущности, стоящей за вариативными вербализаторами, а также интенсификации возможных социокультурно и темпорально детерминированных представлений о мире как глубинной составляющей знака. Изменение содержательной структуры концептов, и в ещё большей степени метаконцептов, которые вбирают в себя возможные конкретизаторы широкого культурно-значимого пространства понимания, обязательно связано с трансформацией условий функционирования той или иной культуры. Наиболее продуктивными в аспекте трансформационных процессов представляются периоды не эволюционного, а революционного слома узуальных, традиционных и стереотипных моделей восприятия, что напрямую связано с историческими и социальными потрясениями (Gushchina et al., 2019, p. 263).

Базовым вербализатором каждого из концептов, входящих в прецедентный мир, является некое имя наивысшего уровня абстракции, эксплицирующее глубинное содержание не во всех деталях, но представляющее в снятом виде семантическую идею метаконцепта. При этом полное содержание (все входящие в него концепты и концептуализируемые понятия), конситуативные, интерпретационные, дифференциальные, оценочные, категориальные, образные, ассоциативные, модальные элементы интен-

сифицируется в развернутой дефиниции (Бабенко, 2006, с. 40), которая и трансформируется в зависимости от времени и ситуации восприятия. При анализе динамических преобразований содержания метаконцептов релевантным будет делимитация концепта и концептуализируемого понятия, которое в общих чертах сформулировал В. З. Демьянков. Понятие в данном случае представляется неким конвенционализируемым образованием, способствующим созданию общего пространства понимания, общей кодовой системы, в то время как концепт может быть реконструирован в этом пространстве с большей или меньшей степенью достоверности, именно этот факт приводит к доминированию в признаковом поле концепта таких характеристик, как диффузность, размытость, гипотетичность (Демьянков, 2001). Сложность и многомерность ментального пространства таких комплексных когнитивно-вербальных образований, как метаконцепты подчеркивались многими учеными (Болдырев, 2004; Стернин, 2006).

Многоплановость и комплексный характер метаконцепта проявляется, во-первых, в сложной организации составляющих его семантических компонентов, а во-вторых, в необходимости постоянного его апперцептивного пере моделирования в зависимости от ситуации с целью распределения наличных актуализированных из всей сети элементов и представления наглядного, перцептивно осознаваемого феномена. Весь процесс моделирования концептуальной структуры включает в себя несколько описательных операций: 1) макроструктурное описание (общетематический пласт), 2) выявление категориальной структуры (ядерный пласт), 3) полевое структурирование ассоциатов (периферийный пласт), 4) выявление возможных вербализаторов отдельных когнитивных признаков (локутивный пласт) (Стернин, 2006, с. 78). Сами таксоны в данной модели представляют отдельные уровни и отдельные группы общей иерархической структуры метаконцепта и дают общее представление о межуровневых различиях когнитивных и вербальных компонентов, построить такую модель возможно на основе лексикографических и дискурсивных данных (Болдырев, 2004). Метаконцепты, взаимодействуя в условиях единого прецедентного мира, составляют лингвоконцептуальную область большую, нежели концептосфера одного произведения или единого нарратива, это крупный конгломерат тематического, темпорального и эпистемологического пространств в национальной картине мира и языке (Лихачев, 1997, с. 282). Прецедентные миры призваны отображать структурированное в качестве эпистемологически детерминированной области динамические интерпретативные пространства этнонационального восприятия реального мира, а метаконцепты являются их узловыми, организующими элементами, каждый раз получающимися в тексте языковой репрезентант.

При анализе прецедентного мира «Великая Отечественная война» выявляются достаточно широкие и заполненные парадигмы узловых взаимосвязанных метаконцептов. Формирование динамического вариативного пространства метаконцептов проводится на основе дихотомического анализа как общекультурной концептосферы в аспекте представления инициальных компонентов, так и тематически и темпорально единых фрагментов русской картины мира. Некоторые ученые считают, что даже базовые компоненты картины мира, получающие кодировку в языковой семантике, могут быть нивелированы и не восприниматься уже не только как реликтовые, но и стираться полностью, либо воспроизводиться в речи традиционно без интенциональной экспликации эмпирически недоступных перцептов. Однако сохранение свободных вариативных ячеек является обязательным условием построения новых смыслов и модификации имеющихся, которые в свою очередь представляют собой строительный материал актуализации и интенсификации (Касевич, 1997).

Художественные тексты, основанные на темпорально-контактной рефлексии и репрезентирующие прецедентный мир «Великая Отечественная война», являются значимым условием трансформации метаконцептов. Данные целостные коммуникативные образования, характеризующиеся иерархической организацией семантических структур, объединяются посредством тематических и мотивных планов в намерении автора внедрить собственное мировидение в общекультурное пространство мировоззрения (Алефиренко, 2005, с. 303). Интерпретации конкретных компонентов метаконцептов в пространстве целого текста способствует понимание необходимости действия по определенным, вводимым в текст автором и вертикальным контекстом его создания, «схемам действия», по сути, векторам актуализации, затрагивающим личностное, групповое и культурное пространство имплементации. Каждая из имеющихся и функционирующих в лингвокультурном сообществе метаконцептуальных областей подвергается расширению посредством введения в него новых конкретизированных концептуализированных понятий. Происходит это в том случае, когда в текстах, репрезентирующих прецедентный мир, «автор использует познавательный или лингвокультурный концепт, переосмысливает его и придаёт ему оттенки индивидуальности» (Даниленко, 2020, с. 64).

Когнитивные процессы использования эпизодических (собственных) и социокультурных (коллективных) предварительных схематизмов распределенности получаемой информации способствуют не только распространению новых компонентов содержания метаконцепта, но и сопровождают продуктивную деятельность по концептуализации на базе воспринятых собственных ассоциатов новых составляющих и учащению

использования альтернативных вербализаторов, что обуславливает их внедрение в обыденное сознание (Демьянков, 2005, с. 5). Мы полагаем, что рассмотрение метаконцептов прецедентного мира как простого «соотнесения познавательного/лингвокультурного и сформированного на его основе художественного или индивидуально авторского концепта» (Даниленко, 2020, с. 66) является не вполне исчерпывающим объяснением. Для нашего исследования релевантным оказывается рассмотрение не дискретных образований эпизодической памяти в индивидуальной репрезентации, но влияние этого перцептивно-эмпирически воспринимаемого «ситуативного ядра» концептуализируемого понятия на увеличение ядерной зоны метаконцепта, которое уже является основой для структуриации коллективных форм когнитивной деятельности.

Распредмечивание входящих в метаконцепт эпизодических индивидуальных концептов, являющееся первым неотъемлемым этапом адекватной интерпретации всего прецедентного мира, основывается на когнитивном механизме интуитивного (по А. Бергсону) «предпознания». Направленное же на осознанное формирование мировоззренческих основ строится на интенциональной темпорально-дистантной рефлексии, т.е. представляется феноменом дискурсивным и рассудочным (Демьянков, 2005, с. 6). Частотность и сходство в конситуативных интерпретациях тех или иных компонентов метаконцептов служит показателем не только степени коммуникативной (Попова, Стернин, 2006, с. 126) и когнитивной релевантности, но и маркером вектора актуализации в картине мира (эпизодического, исторического, идеологического). Сами динамические процессы достаточно наглядно прослеживаются при выявлении вариативных вербализаторов в тех или иных описываемых прецедентных ситуациях, которые эксплицируют стереотипно или же индивидуально определяемые признаки денотатов метаконцепта. Этот факт позволяет нам строить исследование русской картины мира на основе лексикографического и дискурсивного представления ассоциативных лексем-репрезентант метаконцептов. Ведь каждый автор в качестве дискретного субъекта взаимодействия с объективной реальностью, «как языковая личность при помощи языковых средств воссоздает свою, субъективную, действительность» (Чумак-Жунь, Проскурнина, 2018, с. 164), но всегда на базе наличного коллективного инструментария материальной экспликации.

Художественные произведения, репрезентирующие прецедентный мир «Великая Отечественная война» на основе темпорально-контактной рефлексии, являют собой некую совокупность эпизодически представленных и реализующих потенции к имплементации в социокультурную память концептов и метаконцептов, представленных вариативным номинативным полем. Следует четко понимать, что в рамках динамически развивающе-

гося прецедентного мира материальные, вербальные репрезентанты его образов представляются также негетерогенной системой, они неоднородны, меняются вслед за актуализацией в конситуативной интерпретации, «наполняясь семиотическими и семантико-понятийными “красками”» (Буянова, 2017 а, с. 10). Номинанты в различных горизонтальных, но едином вертикальном контексте эксплицируют ту или иную грань концепта и в конситуативной интерпретации демонстрируют способ развития концептуальной структуры, что дает возможность представить «сложнейший внутренний психологический процесс, отражающий различные душевные состояния» (Изотова, 2017, с. 35) при имплементации индивидуальных компонентов. Преобразования и переходы социокультурных и эпизодических компонентов наиболее эффективным способом показывают законы коллективного языкового сознания, бесконечных возможностей роста ядерной области предельных понятий, с помощью которых каждая языковая система специфически формирует ряд наиболее важных областей контаминации для выражения сторон объективной реальности (<https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba13.htm>). Поэтому языковые механизмы имплементации граней метаконцепта, который в процессе создания художественного текста претерпевает изменения, могут быть приравнены к способам интрасемиотической трансляции в едином коде когнитивных образов и оформленных индивидуальным сознанием отношений между ними (Фесенко, 2002, с. 179). Каждый раз наполнение различными концептуализированными понятиями и номинативными ассоциатами текста и его интерпретации как индивидуальным, так и коллективным сознанием будет отличаться, однако генерализованные комплексные когнитивно-семантические единицы (метаконцепты) в качестве узловых вех распределенности всего текста, создают единое этнокультурно детерминированное и темпорально отформатированное видение мира (Алефиренко, 2006, с. 151).

Таким образом, в попытках выстроить ту или иную структуру метаконцептуального образования невозможно довольствоваться лишь банальным перечислением и составлением значимостно-ориентированного списка средств вербализации, а значит, и перечня «необходимых и достаточных» категориальных и дифференциальных когитем, так как в этом случае описанию подвергается лишь актуализированная в эпизодике (в случае анализа текста) или в культуре (в случае лексикографического анализа) часть метаконцепта. Не только рече-ситуативно востребованная часть, но и невербализованная латентная часть языкосознания в таком динамическом образовании как метаконцепт всегда стремятся к абсолютизации посредством динамических изменений (Попова, Стернин, 2006, с. 115).

Вертикальный контекст социальных преобразований в период Великой Отечественной войны обладает такой силой, что просто обязан оказывать влияние на весь объем моделей интерпретации и осмысления объективной реальности (Пименова, 2013, с. 23), при этом конвенционализированный характер и традиционность в вербальном воспроизведении данных моделей не будут играть существенной роли. Некоторые ученые выделяют следующие факторы констатирующего варьирования содержания метаконцептов: 1) перцептивно-имажинативные факторы, которые предполагают интенсификацию в «ситуативном ядре» именно эпизодических компонентов; 2) социально-идеологические факторы, способствующие актуализации коллективной значимости восприятия конкретной внеязыковой сущности, актуальной в той или иной эпистемологической ситуации; 3) компаративные факторы идентификации места личностных компонентов в структуре лингвокультурного концепта, так называемая «позиция наблюдателя», способствующая принятию и трансляции значимых в конкретном интерпретативном пространстве компонентов (Крючкова, 2009, с. 70).

Обычно трансформации структуры метаконцептов, внедрение в их содержательную структуру новых компонентов и переосмысление уже имеющихся происходят в процессе темпорально-дистантной рефлексии за достаточно большой промежуток времени. Однако в процессе исторического развития существуют периоды, когда эпистемологические модели и ценностные ориентации конкретного лингвокультурного сообщества изменяются не эволюционным, а революционным путем. Именно подобным образом происходило формирование прецедентного мира «Великая Отечественная война», на основе частотного использования базовых вербализаторов в новых контекстах множеством авторов и интенсификации новых и переосмысленных компонентов в идеологизированных формах представления, что обусловило и специфику создания узловых метаконцептов данной лингвоконцептуальной области русской картины мира. Проанализируем динамические изменения наиболее социокультурно значимых из данных единиц.

2.3. Реконцептуализация концепта СМЕРТЬ в русской лингвокультуре

В пространстве социокультурной памяти русского народа Великая Отечественная война представляет собой специфическую контаминированную область реализации ценностно-ориентационных установок,

которые в рамках социально-культурного и исторического развития стали определяющими в формировании аксиологического пространства современной русской картины мира и его вербальной репрезентации в современном русском языке. С позиций наивного мировоззрения, война является катастрофическим периодом, который неизменно сопровождается несчастьями, бедствиями и т.п. Однако образы, интенсифицируемые в художественных текстах военного периода, обладают неизменно большим количеством граней концептуальной кристаллизации (Печенюк, 2020, с. 108), чем таковые в «спокойные», эволюционные периоды развития концептосферы. Весь наличный опыт, транслируемый в социокультурную память народа, переживших войну людей, получает воплощение как в прозаических, так и в поэтических текстах этого сложного времени.

В силу широты экспликации периферийных эпизодических компонентов ментальных образов Великой Отечественной войны в русском лингвокультурном пространстве они подвергаются интерпретации и понимаются на новом уровне в виде переживаемых образов не на основе апперцептивного восприятия, а на основе заданного самой жизнью перцепта. При этом следует указать на специфическую форму интенсификации данных эпизодических компонентов, которая на витке темпорально-контактной рефлексии выводит в ядерное поле не денотативные, а аксиологические компоненты, что не соответствует модели эволюционного развития содержания метаконцептов. Восприятие метаконцептов precedentного мира «Великая Отечественная война» в новых содержательных координатах оказывается возможным благодаря переходу эмпирически неверифицируемых precedentных феноменов в пространство личного опыта любого представителя русского народа. Каждый конкретный, эксплицируемый в произведениях войны смысл не будет равен простой сумме его вербализаторов, но призван концептуализировать и идеологизировать обыденные феномены войны.

Концептуализируемые ментальные образы, которые на основе собственного опыта формируются у участников Великой Отечественной войны и транслируются в историческую память народа, создавая новые социокультурные компоненты из эпизодических, становятся предельно устойчивыми. Эти образы содержат как психоэмотивные, основывающиеся на интуитивной оценке, так и интеллективные компоненты, которые базируются на логической или псевдоаргументативной интерпретации социально-значимых феноменов войны «смерть», «подвиг», «враг», «Родина», «слава» и т.п. (Печенюк, 2020, с. 109).

Так, образ «смерть» в его метаконцептуальном наполнении подвергается изменениям в процессе интегративной бытийно-эмпириче-

ской конситуативной и апперцептивной традиционной интерпретации. Именно в результате такой контаминации новые компоненты структуры метаконцепта имплементируются в социокультурную ткань конкретного историко-культурного контекста, «частотность и синтагматические и парадигматические отношения лимитируют эстетическое и аксиологическое единство» (Бредихин, Давыдова, 2016, с. 211) восприятия его как эмпирически верифицируемого, но в то же время значимого в дистантной перспекции феномена, способствующего дальнейшему функционированию эпизодических компонентов в социокультурной памяти и расширению интерпретативного пространства. В процессе трансформаций в результате военных действий и переживаемых ужасов войны модифицируется и сам образ «смерти».

Данный параграф посвящен анализу метаконцепта СМЕРТЬ, который представляется одним из самых значимых в структурировании прецедентного мира «Великая Отечественная война». В качестве экзистенциального концепта СМЕРТЬ уже подвергалась описаниям во множестве работ современных авторов. Так, дискурсивные и нарратологические мотивные компоненты анализировались в диссертационном исследовании Е. В. Дзюбы (2001), сравнительно-исторический анализ семантических компонентов проведен в работе Т. Павлович (1996), некоторые форманты механизмов имплементации различных компонентов содержания концепта СМЕРТЬ как компонента русской картины мира описаны в статье Л. О. Чернейко (2001), подробнейшее описание слова как репрезентанта данного метаконцепта в русском языкознании на основании семантического, семиотического и лингвокультурологического анализа дано в диссертации Д. А. Писаренко (2020). Выбор данного метаконцепта обусловлен не только его широкой вербализацией в произведениях периода Великой Отечественной войны, но и предельной нагруженностью эпизодических компонентов, иррадирующих в социокультурное пространство в различных конситуативных интерпретациях. Именно данный факт относит рассматриваемый метаконцепт к группе исходных, ядерных, на основе которых выстраивается вся концептосфера народа. Его можно причислить к узловым единицам, структурирующим не только отдельные прецедентные миры, но и все концептуальное пространство, некий рубрикатор, задающий векторы категоризации и концептуализации иных образов (Шестак, 2003, с. 17).

Базовым вербализатором метаконцепта СМЕРТЬ является лексема «смерть», частотность которой в произведениях, репрезентирующих прецедентный мир «Великая Отечественная война» чрезвычайно велика

(в различных вариациях 357 употреблений) по причине детальной демаркации каузации и типов данного феномена. В толковом словаре довоенного периода Д.Н. Ушакова фиксируются компоненты, закрепленные в языкознании русского народа и традиционно эксплицируемые в большинстве прецедентных текстов культуры.

СМЕРТЬ, и, мн. и, ёй, ж. 1. Прекращение жизни, гибель и распад организма. *Насильственная с. Естественная с. Легкая, тяжелая с. Скоропостижная с.* (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>). В примерах актуализируются такие эпизодически значимые компоненты, как «время», «место» смерти и «субъект/объект», ведущий к смерти»: *Примешь ты смерть от коня своего. Пушкин* (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>). При этом эпизодически маркированные составляющие концептуализируются в условиях конситуативной интерпретации на векторе исторической значимости, а также благодаря интенсифицирующему компоненту «вера» в приведенном примере. Вне данных условий выход в ядерное поле ситуативного смысла был бы невозможен. В данном случае, как и во многих конситуативных интерпретациях, актуализируется один из древнейших этимологических компонентов периферийной области смысла, а именно: смерть по неестественным причинам. В отличие от русского языка бесприставочный способ образования базового вербализатора в некоторых языках индоевропейской семьи: (иранских) курд. *mur-yn, -an-d-yn* (убивать; у бггл. звук); балтийских ... литов. *mir-si-u, mir-ti, mar-in-ti* (убивать)... (Горяев, 1895, с. 206) – полностью реализует данные, деактуализированные в русском языкознании элементы.

Следующим социокультурным компонентом, актуализируемым в каждом прецедентном тексте войны и в данном случае не являющимся специфицирующим для рассматриваемого прецедентного мира, представляется архетипическая ситуативная оппозиция «смерть – слава»: *С рассветом глас раздастся мой, на славу иль на смерть зовущий. Рылеев.* (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>). Данные, признанные всеми членами лингвокультурного сообщества, когнитивные признаки метаконцепта СМЕРТЬ органично связываются с такими актуализируемыми областями и представляющими их метаконцептами, как ПОДВИГ и СУДЬБА. В этом аспекте ассоциативный ряд, вербализуемый в произведениях ВОВ, сближается с интерпретативной традицией русской культуры. Имплементируемые обертоны судьбы в рассматриваемом метаконцепте можно считать одними из наиболее укоренившихся в русской картине мира, «судьба и смерть – тесно связанные явления и по мнению древних славян» (Писаренко, 2020, с. 201): *Двум смертям не бывать, а одной не миновать.*

Пословица. (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>).

Области пересечения сфер указанных концептов в метаконцепте СМЕРТЬ доказывают его модусный характер, т.е. не только выстраивание его структуры на основании содержания нескольких тематически и ассоциативно соотнесенных концептов в одном поле, но и обязательное наличие интерпретативной вариативности при учете точки зрения реципиента. Однако вне зависимости от сходства экспликативных характеристик базового вербализатора как в традиционной, так и в конситуативной интерпретации ВОВ следует отметить, что «слово, извлеченное из дискурсивной ситуации, лишается дискурсивного смысла и связи с породившим его модусным концептом» (Алефиренко, 2015, с. 66). Т.е. интерпретативное пространство прецедентного мира само по себе создает из имеющегося метаконцепта новое формирование, имеющее метаконцептуальные характеристики, но интенсифицирующее иные компоненты социокультурной памяти или же иным образом связывающее их в иерархическую структуру.

Одним из наиболее социокультурно нагруженных компонентов метаконцепта СМЕРТЬ, ассоциируемым с имплицитными периферийными элементами метаконцепта ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ, является обортон «публичная смерть»: *На миру и смерть красна. Пословица.* (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>). Данный компонент предполагает соотнесение с позитивной областью аксиологического пространства русской картины мира, при этом, как и сам подвиг, он входит в сферу демаркации «своих» от «чужих», классу которых подобный вид смерти не присущ. Следует подчеркнуть, что данные компоненты актуализируются в текстах темпорально-контактной рефлексии в рамках интенсификации иных обортонов, главным из которых выступает смысл «очищения», «оправдания»: *горевал, что даже смерть его останется им неизвестной, смерть, которая оправдала бы его в их глазах* (Фадеев, 2017, с. 305) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Легитимизирующими саму жизнь и те или иные действия в условиях военных действий представляются обортоны, репрезентирующие общепризнанные «очищающие» свойства смерти: *На войне, вертясь постоянно около смерти, люди делаются лучше, всякая чепуха с них слезает, как нездоровая кожа после солнечного ожога, и остается в человеке – ядро* (Толстой, 1986, с. 451) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). При этом из приведенного примера видно, что это «ядро» в человеке а priori воспринимается как положительная сущность, но применить подобную характеристику возможно только в описаниях именно советского солдата, т.е. представителя класса «своих». Те, кто сражается за Родину на основе аксиологиче-

ского схематизма, представляются положительными героями, какие бы действия они не совершали: *Как все большие и чистые люди перед лицом смерти...* (Фадеев, 2017, с. 305).

Проанализируем переосмысление и интенсификацию социокультурно детерминированных компонентов метаконцепта СМЕРТЬ и вхождения их в ядерную зону. Данная форма реконцептуализации предполагает осмысление социокультурных составляющих содержания в эпизодическом преломлении при оформлении личного опыта.

Ключевым эпизодическим компонентом, актуализируемым в рамках прецедентного мира «Великая Отечественная война», является ситуативная каузация. Данная индивидуально воспринимаемая характеристика смерти служит в рассматриваемых текстах, основанных на темпорально-контактной рефлексии, для делимитации дерогативного поля оценки, что не является характерным при традиционной неконситуативной интерпретации. В следующем примере *...каков бы ты ни был, за воинское преступление, за трусость, за измену будешь наказан смертью* (Бек, 1960, с. 28) происходит интенсификация и концептуализации смерти как неизбежного наказания за отхождение от модельного идеологизируемого поведения эксплицируемого формулой «Ни шагу назад!».

Следует указать на соответствующую идеологизации компонентов единения народа и Родины (родной земли) форму метафорического представления смерти для врага: *...другого пристукивал Дед Мороз, променявший сказочную и елочную профессию на вымораживание немцев* (Толстой, 1986, с. 433) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном примере автор актуализирует как эпизодические, так и исторические компоненты, которые уже эксплицировались в прецедентном мире «Отечественная война 1812 года». Лингвокультурный концепт ДЕД МОРОЗ, олицетворяющий русскую зиму, не привычную для жителей западной Европы, здесь выступает репрезентантом персонифицированной смерти. Знаменательным является трансформация «добраго волшебника из зимней сказки», которым смерть становится для русских солдат, в «посланца преисподней» для фашистских оккупантов.

Генерализация врага и отождествление его с несущим смерть всем народам СССР происходит при формировании данного образа по вектору идеологизации: *...всем был известен немецкий характер, от которого можно ждать только смерти русскому человеку* (Толстой, 1986, с. 436) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Зачастую для интенсификации обобщающих компонентов категориальных признаков класса врагов в конситуативной интерпретации эксплицируемого вербализаторами «немец», «фашист» ис-

пользуются формы стереотипизации и схематизации неосознанного восприятия «чужих», исключающие создание эпизодических компонентов.

Наиболее распространенным вектором актуализации становится формационный компонент, репрезентирующий становление характерных для образа русского человека черт. Однако интенсифицируются в основном ситуативно обусловленные элементы. Например, множество отрывков формируют восприятие смерти лишь как одного из возможных исходов более широкого концептуализируемого понятия ВОЗМЕЗДИЕ: – *Народ осерчал, – ответил Егор Егорович, – через смерть перешли, теперь его не остановишь...* (Толстой, 1986, с. 455) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Эти социокультурные компоненты наряду с генерализацией отношения к феномену собственной смерти, которая рано или поздно будет введена в личный опыт повествователя, но экспликация переживания данного события не будет возможной, пересекаются с прогностической формой интимизации. Т.е. каждый из авторов на основе коллективного сознания выстраивает эпизодику собственного отношения: *Когда он произносил: «стоять насмерть», «умрем, но не отступим», по тону чувствовалось, что он выражает свои думы, созревшую в нем решимость...* (Бек, 1960, с. 32) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Наибольшую психоэмоциональную интенсификацию метаконцепт СМЕРТЬ получает в поэтических текстах войны, где на основе символизации смерти и убийства (уничтожения врага) создается образ любви к Родине. В стихотворении «Убей его (Если дорог тебе твой дом)» реализуются акценты контраста «духовного родства с родной землей», на основе интенсификации ментального пространства «материнство» (словосочетания: *выкормившая грудь, в люльке качаясь*), терминов родства (лексемы: *дедом, прадед, отец*), с «чуждостью культуры захватчиков», на основе интенсификации ментального пространства негативной аксиологии (лексемы и словосочетания: *топтал, сломал, бил по щекам, гад*).

Данные образы смерти как необходимого с точки зрения легитимизации семы «отпор захватчикам» в аспекте оправдания насилия с «правой» стороны, и семы «путь к славе» в аспекте интимизации (отрефлексированного понимания) «подвига», создают единство восприятия всеми членами лингвокультурного сообщества. В этом случае можно констатировать, что «основной функцией социальной памяти является самоидентификация определенного сообщества через подчеркивание его отличий от остальных сообществ и преуменьшение возможных разногласий внутри самого себя» (Аникин, 2016, с. 33).

Контрастность архетипических оппозиций «свой – чужой», «добро – зло» в процессе экспликации интимизированных компонентов,

оправдывающих для всех членов лингвокультуры убийство врага в рамках непрямой номинации концепта СМЕРТЬ, поддерживается и в градационной интенсификации волюнтаривного действия в рамках формирования специфического мифологического хронотопа (времени «здесь и сейчас») событий, происходящих всегда:

*Знай: никто ее **не спасет**,*

*Если ты ее **не спасешь**;*

*Знай: никто его **не убьет**,*

Если ты его не убьешь.

*И пока его **НЕ УБИЛ**,*

Ты молчи о своей любви

(<https://www.culture.ru/poems/32889/ubei-ego-esli-dorog-tebe-tvoim>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Таким образом, исходные компоненты интерпретативной структуры нивелируются на основе «связанных с нарушением структуры концептуализированного хронотопического элемента» (Бредихин, Леонов, 2019, с. 70) ассоциатов и формируется пространство поиска смерти как пути к героизму и бессмертию: *То ли он действительно **искал смерти** в этом бою, то ли **душила его злоба**, – он вертелся с винтовкой в самой гуще схватки* (Толстой, 1986, с. 440) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Эти актуализируемые эпизодические компоненты категоризации смерти основаны на собственном конситуативном восприятии автором возможных случаев, в которых он сам будет стоять перед лицом смерти, и предположительно стереотипноотреагирует на её неизбежность: *Я смерти не боюсь, пыток не испугаюсь* (Толстой, 1986, с. 447); *Ты знаешь характер мой – молчок до гроба, а смерти я не боюсь* (Фадеев, 2017, с. 131). При этом сохранность коллективного формируется не только компонентами бессознательного модельного действия, но и аргументируются осознанным видением глубинного содержания метаконцепта СМЕРТЬ как не простой противоположности ЖИЗНИ, а формы создания характера человека: *...немцы придут, и будет еще одна **проверка людям, проверка жизнью и смертью**...* (Фадеев, 2017, с. 73) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Осознание смерти может происходить не только в процессе восприятия данного феномена в пространстве общепризнанной ценности, понимания «равноценности» обмена собственной жизни на жизнь противника во имя спасения родных, близких и незнакомых людей: *Я и шел на смерть...* (Толстой, 1986, с. 446). Эпизодический элемент осознания смерти связывается с ситуацией её принятия, вертикальным контекстом войны: *И в эту **Отечественную войну** со счастьем, с гордостью в сердце **понес***

он свою голову на смерть... (Фадеев, 2017, с. 327) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Лексемы позитивного аксиологического маркирования *счастье, гордость* определяют несвойственные русской картине мира в традиционной интерпретации компоненты метаконцепта СМЕРТЬ, которые органично связываются со счастьем от свершения подвига, спасения своего народа.

Интимизации и легитимизация реконцептуализированного понятия «смерть» происходит не только в рамках коллективно осознанных компонентов аргументации, но и на основе стратегии псевдоаргументации, обвиняющей в смерти сторону врага: *Так хотел он, его вина* (<https://www.culture.ru/poems/32889/ubei-ego-esli-dorog-tebe-tvoi-dom>). Модифицированный образ войны как «необходимости смерти врага» и формирования новой интерпретации концептов ПОДВИГ и СЛАВА рефреном эксплицируется в наиболее значимой сильной позиции текста стихотворения – в его концовке:

Так убей же хоть одного!

Так убей же его скорей!

Сколько раз увидишь его,

Столько раз его и убей!

(<https://www.culture.ru/poems/32889/ubei-ego-esli-dorog-tebe-tvoi-dom>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Даже в условиях постоянной интенсификации возвышенности смерти как неотъемлемой части героического деяния этот метаконцепт имеет и ситуативные компоненты «обыденность», «привычка к постоянной угрозе смерти». При актуализации эпизодики «обыденности» происходит интимизация всех имплицитно присутствующих в базовом вербализаторе составляющих, а также всех форм каузации (голод, ранение и т.д.): *...сказал он с тем обычным спокойствием, с каким говорил о смерти ближнего и о полученных на складе двух плитках шоколада* (Некрасов, 1990, с. 306) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Ошибочно полагать, что подобная презентация привычки к смерти относится только к смерти других людей, ведь эмпирическую верификацию данного события на основе собственного опыта невозможно выразить вербально. Компонент нейтрального отношения к смерти как закономерному исходу, который, однако, не характеризуется фаталистическими социокультурными компонентами, распространяет свое влияние на реципиентов, способных интерпретировать описываемое в субъективной ситуативной привязке: *...мне кажется, что даже смерть его не пугает, – с таким отсутствующим, скучающим видом покуривает он под бомбежкой* (Некрасов, 1990, с. 193) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Однако эпизодические компоненты обыденности в совокупности с воссозданием поля дерогативности в мотивах страха, уныния иррадируют в периферические области метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ: *...это было страшней всего, что я видел до и после на войне. Страшнее разрушенных городов, распоротых животов, оторванных рук и ног. Раскинутые руки и окурки на губе. Минуту назад была еще жизнь, мысли, желания. Сейчас – смерть* (Некрасов, 1990, с. 84) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Подобные контаминированные сферы интенсификации эпизодических смыслов входят во взаимодействие с социокультурными элементами фаталистического восприятия смерти: *...впереди неизвестность и почти неминуемая смерть* (Некрасов, 1990, с. 84) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В рамках конситуативного восприятия во время войны смерти как закономерного и «неминуемого» исхода всякого неизвестного реципиенту из собственного опыта события формируется достаточно четкая идеологизированная формула «если смерть неизбежна, то встретить её следует как герой, принеся гибель как можно большему количеству врагов»: *...открыл я счет убитым мною немцам, тщательно веду его до сих пор, и цифра помаленьку подвигается к сотне* (Шолохов, 1942, с. 12) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Психоэмоциональное пространство интенсификации в некоторых случаях приобретает символичный метафорический характер. В большинстве случаев эти компоненты характеризуются этнонациональной маркированностью, как, например, в тексте романа А. А. Бека «Волоколамское шоссе», в котором диегетическим нарратором является казах: *...снова удар смертью в лицо, снова залп, снова кинжальный огонь ручных пулеметов* (Бек, 1960, с. 140) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). При этом эпизодические компоненты каузации смерти под пулеметным огнем в горизонтальном контексте произведения приобретают некоторую символичность и формируют специфическую связку «кинжал» – смерть от пулеметного огня. Этнонациональная специфика традиционного в казахской культуре холодного оружия в конситуативной интерпретации воспринимается всеми реципиентами, разделяющими русскую картину мира, чему способствуют повторы данной метафорико-символической связки: *...пулемет разил кинжальным огнем – внезапно, на близком расстоянии, на смерть* (Бек, 1960, с. 167) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Эти процессы ещё раз подтверждают формирование общих векторов интерпретации при образовании лингвоконцептуальной области «Великая Отечественная война» в русской картине мира.

Такие же рефренные экспликативы инокультурных компонентов в конситуативной привязке наблюдаются при интенсификации оппозиции «жизнь – смерть». Предпочтение и осознание смертельного исхода

подкрепляется групповыми для рассматриваемого прецедентного мира компонентами, ограниченными этнической группировкой казахов, но в случае совпадения с базовыми аксиологемами такие вербализованные в паремическом составе смыслы свободно входят в русскую картину мира: *Есть две казахские поговорки. Одна говорит: «Заяц умирает от шороха камыша, герой умирает из-за чести». В другой всего три слова: «Честь сильнее смерти»* (Бек, 1960, с. 58); *Есть древняя казахская пословица: «Честь сильнее смерти»* (Бек, 1960, с. 180) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Подобные способы отсылки к авторитету весьма распространены, но кроме стандартной аргументации здесь реализуется обобщающий компонент, мнение как бы разделяется между всеми членами сообщества. Это нельзя воспринять как простое хеджирование, в рамках которого происходит легитимизация фаталистических компонентов: *Убьют так убьют – от смерти не спасешься* (Некрасов, 1990, с. 222) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). При подкреплении эпизодических компонентов социокультурными иррадиация возникает не только в областях умеренной деррогации, но скорее интенсифицирует позитивные компоненты метаконцепта в качестве освобождающего тело и душу: *...последнее чувство освобождения, какое возникает у смелых и сильных людей, знающих, что они обречены на смерть* (Фадеев, 2017, с. 324) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Интенсифицированные в текстах войны компоненты находят свое лексикографическое закрепление в послевоенных словарях. Так, базовые вербализаторы метаконцепта СМЕРТЬ в доминантной контаминации с другим метаконцептом ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ числятся уже в качестве основных примеров, являющихся прецедентными высказываниями и структурирующими аксиологическое пространство русской картины мира: *Погибнуть смертью героя* (Ожегов, 1952, с. 629) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Причем необходимо отметить, что именно данный схематизм предвяряет все остальные контекстуальные употребления, т.е. эпизодические ситуативные компоненты, которые были идеологизированы на основании темпорально-контактной рефлексии во время ВОВ, не просто вошли в ядерную область данного метаконцепта, а были восприняты лингвокультурным сообществом в качестве категориальных, т.е. описывающих круг необходимых и достаточных условий для восприятия и сохранения при любой конситуативной интерпретации этих потенций. Это находит подтверждение и в периферийных ассоциатах, вербализованных в русском языке в сфере возвышенного стиля и связанного, в первую очередь, в приводимом примере с прецедентными субъектами рассматриваемого периода: *Эпитафия на смерть полководца* (Ожегов, 1952, с. 827) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Метаконцепт СМЕРТЬ в качестве наиболее репрезентативного и психоэмотивно нагруженного образа войны предстает в качестве комплексного модусного образования. Его структура представлена тремя планами экспликации актуализируемых компонентов в процессе модификации интерпретативного понимания: невербализованное понятие (прообраз) СМЕРТИ как окончания жизни в непосредственном восприятии; актуальное вербализованное понятие (синхрообраз), СМЕРТЬ как отражение процессов личностной рефлексии о базовых вербализаторах метаконцепта; отрефлектированное концептуализированное понятие (протообраз), СМЕРТЬ как возможное пространство создания жизни, героизма, бессмертия. Невербализованные понятия присутствуют в качестве индивидуально-авторского понимания и предвосхищения разделенного общелингуокультурного отношения к аксиологическому компоненту, вводимому в новой переосмысленной структуре. Они являются псевдокультурными образами, искусственными по способу порождения. Актуальные вербализованные понятия детерминируются происходящими событиями на арене военных действий и их интенсификацией в ситуации смыслопорождения в художественном тексте, т.е. происходит постулирование и акцентуация периферийных аксиологических компонентов метаконцепта СМЕРТЬ. Протообраз концептуализирует новые акценты в модифицированном понятии и легитимизирует новое восприятие и адекватную их интерпретацию всеми членами лингуокультурного сообщества. Так индивидуально модифицирует общественное понимание содержания рассматриваемого метаконцепта и создает новые интерпретационные модели восприятия. А данная единая интерпретативная модель базовых концептуализированных образов в социокультурной памяти народа не просто формирует и интенсифицирует, но и «отливает в бронзу» новые компоненты метаконцепта.

Анализ динамики содержательной структуры метаконцепта СМЕРТЬ, репрезентирующего в прецедентном мире «Великая Отечественная война» множество разнонаправленных феноменов и событий, дал следующие результаты относительно характеристики процессов концептуализации и идеологизации единиц, входящих в ядро социокультурно маркированной области русской картины мира. Метаконцепт «СМЕРТЬ» в процессе интенсификации социокультурной памяти демонстрирует два типа трансформации содержательной структуры: 1) эпизодический (актуализация конкретизаторов каузации, формации, осознания, обыденности), 2) идеологический (актуализация конкретизаторов аксиологичности, фатализации, публичности).

2.4. Модификация метаконцепта ПОДВИГ в русской аксиосфере

Одним из наиболее транслируемых в процессе выстраивания прецедентного мира «Великая Отечественная война» является метаконцепт ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ. Следует подчеркнуть не простую концептуализацию и распространение ядерных социокультурных компонентов, но внедрение в качестве неосознанно облигаторной модели поведенческого схематизма «подвиг». Формирование стереотипа невозможности действовать иначе, чем герой, соблюдение всех когнитивных признаков составляющих ПОДВИГ концептов (готовность пожертвовать жизнью, верность Родине, доминантные черты советского солдата, принадлежность к русскому/советскому миру со всеми его догматами), обеспечивается имплементацией ситуативных и эпизодических компонентов рассматриваемого метаконцепта.

Большинство текстов, репрезентирующих прецедентный мир «Великая Отечественная война», не просто являют собой ярчайший пример темпорально-контактной рефлексии, но и в качестве «лейтенантской прозы» могут быть охарактеризованы как особая форма интенсификации личностного фронтового опыта, интерпретативное поле вербализации личностного мировидения в конситуативной детерминации, специфическое мемуарно-автобиографическое представление эпистемологической сферы вербализации, т.е. предельная правдивость описания ситуаций (Шавалеева, 2012). Именно данные критериальные показатели обуславливают их максимальную репрезентативность в процессе контаминирования областей вербализации индивидуальных и лингвокультурных концептов, которые порождают новые обертоны (с последующей концептуализацией и идеологизацией) в рамках индивидуального переосмысления максим русской ценностной картины мира в сфере эпизодической памяти. Ведь приобретенные автором транспонируемые в массовое сознание аксиологемы базируются именно на индивидуальной эмпирической верификации событий, в которых он являлся не просто наблюдателем, но и активным участником, изменяющим сам ход события, «пишущим его в реальности» (Печенюк, 2021 в, с. 241).

В довоенных словарях экспликация ключевых компонентов социокультурной памяти и их закрепление характеризуется каузативными признаками «наличие противостояния» и «социальная значимость»: **ПО'ДВИГ**, а, м. Доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершённое в трудных условиях. *Героические подвиги*

ги красноармейцев в боях с японскими самураями. Военные подвиги (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Таким образом, именно социокультурный компонент «воинская доблесть» был внедрен в качестве категориального признака метаконцепта ПОДВИГ и закреплен в традиционном узуальном внеконтекстуальном понимании. Укажем, что конситуативное формирование ближайшего, входящего в околоядерные структуры интерпретанта, как видно из примера, также способствует идеологизации этого базового элемента. Данные толкования не подвержены нивелировке, однако они претерпевают серьезные изменения при конситуативной интерпретации.

Одним из наиболее ярких примеров интенсификации эпизодического ситуативного компонента, входящим в конситуативное пространство интерпретации прецедентного мира «Великая Отечественная война», можно считать интенциональную, основанную на темпорально-дистантном осмыслении разделенных в период войны характеристику метаконцепта ПОДВИГ, выраженную в озвученной мысли Г. Я. Бакланова. Встречающаяся в антологии «Писатели России: автобиографии современников» фраза недвусмысленно эксплицирует эпизодический компонент, который может считаться интериоризованным для всех советских граждан, участвовавших в боевых действиях: «... главное в жизни уже сделано <...> как дальше жить, кем быть – не тревожило...» (Бакланов, 1998, с. 65). Т.е. подвиг, совершенный народом, – победа в этой страшной войне – явился «вершиной», доминантной целью жизни каждого человека. Следует подчеркнуть, что трансформация аксиологического пространства русской картины мира в данный период полностью изменил эпистемологические ориентиры и в рамках экспликации подвижнического героического деяния в объективной реальности создал новый метаконцепт ПОБЕДА.

Введение в пространство данного метаконцепта универсального концепта ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ, эксплицируемого базовым вербализатором «герой», оправдано в русской картине мира трансформацией базового компонента этимона «ήρωας», возводимого к *sa-* = быть сильным, что подтверждается ещё употребительным в XVIII веке на Руси формы «ирой» и производных (Горяев, 1896, с. 66). На основе семантического расширения силы физической и силы духа в русской традиции появляются дополнительные категориальные признаки: *Чтоб Героем учиниться, к тому должны встать добродетели совокупно способствовать* (<http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/04/sl510806.htm>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Данные пересечения компонентов «духовное подвижничество» и «социальная значимость» формируют общее метаконцептуальное пространство.

Именно внедрение в общее пространство отдельных эпизодических и ассоциативных компонентов позволяет сформировать детерминированное прецедентным миром понимание личностных доминант в метаконцепте. Аксиологические составляющие модельного героического поведения и свершения подвига всем советским народом переводит в периферию другие обертоны, которые имплицитно сохраняются в метаконцепте ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ, на фоне этого все ядерное пространство общего содержания концепта становится областью легитимизации эмпирико-перцептивных и идеолого-апперцептивных компонентов «финализации», «достижения смысла бытия», «пики существования». Следует указать и на сохранность темпорально-контактной рефлексии при инкогнитивном ситуативном восприятии (конситуативной интерпретации) в произведениях, созданных спустя продолжительный период времени авторами, имевшими военный опыт. Т.е. немодифицированная структура новой метаконцептуальной области находит свою экспликацию в современной русской картине мира.

Личностные компоненты оценивания расширяют позитивное пространство: *Как гордо, как сладко это звучит: герой! Мы, честные бойцы, извлекаем сладость славы...* (Бек, 1960, с. 25) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В процессе интерпретации базовых вербализаторов метаконцепта ПОДВИГ прослеживается два пласта реализации – онтологический и прогностический. Как видно из предыдущего примера, онтологический пласт актуализации большей частью формируется на основе личной градационной шкалы героического действия и варьируется от внеситуативного восприятия на основе устойчивых номинативных групп, например, «сладкий вкус победы» до конситуативной ассоциативной интерпретации: *...если у тебя орлиное сердце, преисполненное отваги, дерзости, жажды подвига...* (Фадеев, 2017, с. 111) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае социокультурные компоненты связывают характерологические признаки героя не только с возможностью совершения подвига, но и с необходимостью наличия в волюнтаристическом пространстве личности самого схематизма «подвиг». Схематическое восприятие может создаваться только при условии разделения каждым из членов лингвокультурного сообщества внутреннего должностования: *Но кто же в детстве не мечтает о подвиге, – не всегда удается его совершить* (Фадеев, 2017, с. 112) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Реализация модельного героического поведения таким образом превращается не просто в обязанность, но в желательность, ожидание главного «шанса» в жизни на обретение «бессмертия».

Необходимо также подчеркнуть интенсификацию эпизодических компонентов на основе темпорально-дистантной рефлексии по модели

идеологизации, т.е. внедрения в ядерную область метаконцепта перспективной и ретроспективной экстраполяции. Создание множественных метатекстов не только «по следам» недавно произошедших событий, но и авторами-свидетелями случившегося, с последующим, отсроченным на некоторое время переосмыслением собственного эмпирического опыта (Печенюк, 2021, с. 244). Такой механизм позволяет переводить контактно воспринимаемые позитивные области толкования метаконцептуального содержания в пространство дерогативной интерпретации с последующей возможностью псевдоаргументативного описания периферийных элементов: *Только комбат в своей высокой чёрной папахе с красным верхом сидел за колесом пушки, сжавшись, не желая оставлять батарею, которую сам погубил. Кому этот его героизм теперь был нужен?* (https://imwerden.de/pdf/baklanov_izbrannye_proizvedeniya_v_2t_tom1_1979__ocr.pdf) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Если рассматривать вопрос о механизмах идеологизации компонентов эпизодической памяти в рамках внедрения в общекультурное пространство интерпретации, то и у авторов (авторов-участников событий и авторов-документалистов), которые, не имея соответствующего реального опыта и возможности эмпирической верификации описываемых событий, тем не менее интенционально исследуют и анализируют precedentный мир «Великая Отечественная война», то вскрывается единство моделей подобного смыслопорождения. Происходит это, на наш взгляд, в силу того, что введение в общелингвокультурное ценностно-ориентационное пространство личностных ассоциатов эпизодической и ситуативной детерминированности происходит на общем основании в рамках разделенности и осознанности вводимых периферийных обертонов как одними, так и другими авторами. Однако в определенной степени следует разделить эффективность интимизации и эвиденциальности различных типов внедрения и псевдоаргументативной, эмотивной экспликации, что основывается на повышенной или же сниженной степени эмфатизации личностного компонента. В случае наличия собственного реального опыта автора, его участия в боевых действиях или же переживания «на собственной шкуре» ужасов военного времени эмфатизация, а значит, и псевдоаргументативная эмоциональная эвиденциальность будет значительно выше: *Это был маленький бой, но меня бил озноб счастья; хотелось смеяться, хотелось вскочить на коня и помчаться туда, к Донских, к бойцам, к нашим героям* (Бек, 1960, с. 122) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). На основе этого возможным представляется включение в идеологизированную сферу «подвиг» каждого, прошедшего ВОВ, не награжденного орденами и медалями, а пережившего её, внесшего хотя бы «маленький» вклад в общую победу.

Сам же перспективный пласт в большинстве произведений реализуется с помощью экспликации волонтактивного пространства героев, которые видят себя в мечтах о подвиге, являющемся квинтэссенцией разрешения конфликта в архетипической оппозиции «добро – зло»: *...она предстает в мечтах, как непрерывный ряд подвигов против насилия и зла* (Фадеев, 2017, с. 191) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Внедрение перспекции свершения подвига происходит на базе эпизодических компонентов опосредованного опыта с описываемым событием: *Леонтьев знал много историй о том, как совершались подвиги: всю войну он заполнял на людей наградные материалы* (https://imwerden.de/pdf/baklanov_izbrannye_proizvedeniya_v_2t_tom1_1979__ocr.pdf). Темпорально-дистантная рефлексия в процессе осознания событий, происходящих где-то в мире, о которых автор-повествователь имеет весьма смутное представление со слов других героев или же намеренно подвергая изучению документы, описывающие данные феномены (как это описывается в приведенном выше примере), находит свое отражение в тексте на основе «остраненности» повествования. Остраненность достигается с помощью использования конструкций, понижающих эвиденциальность и повышающих уровень хеджированности высказывания, например, *знал много историй* (https://imwerden.de/pdf/baklanov_izbrannye_proizvedeniya_v_2t_tom1_1979__ocr.pdf) (выделено нами. – Т.Б., А.П.), *солдаты громкими голосами рассказывали подробности боя* (https://imwerden.de/pdf/baklanov_izbrannye_proizvedeniya_v_2t_tom1_1979__ocr.pdf).

Следует указать, что данный вид открытой хеджированности не приводит, как, казалось бы, должно происходить, к снижению уровня интимизации, наоборот, употребление стратегий, способствующих вживанию в разговор с «Я»-повествующим не о своем опыте, но осознанной рефлексии над услышанным из «первых рук», выводит псевдоаргументативную легитимизацию значимости описываемых событий на новый виток спирали (Печенюк, 2021, с. 245). В данном случае реципиент базовых номенов культурного метапонятия ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ вводится в общее пространство «разговора», эти события становятся актуальными, если о них говорит народ. В рамках подобного включения хеджированной эвиденциальности, со ссылкой на других, в контаминированном пространстве встречаются компоненты социокультурной памяти (интенсифицируемые общей тканью текста – «пересудов» о случившемся и обменом мнениями об оценке) и элементы эпизодической памяти (акцентулируемые с помощью сравнения собственной оценки с общей): *Народная молва преувеличивала подвиги партизан, но это означало только, что их борьба пользуется поддержкой народа* (Фадеев, 2017, с. 270) (выделено нами. –

Т.Б., А.П.). При этом происходит и идеологизация подвига как модели традиционного поведения, свойственного советскому солдату и советскому народу в целом: *Вы не раз, вероятно, читали и слышали о массовом героизме в Красной Армии. Это истина, это святые слова* (Бек, 1960, с. 169) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Интимизация компонентов эпизодической памяти происходит в случае интериоризации различных событий, не пережитых самим диегетическим нарратором, в рамках повышения эмотивности повествования. Этот процесс сопровождается введением вербальных конкретизаторов базовой номинации концепта ПОДВИГ и «присвоения» результатов жизненного опыта «иных», не входящих в сферу локуции персонажей. Зачастую при «в-живании» опредмечиваются и маркеры псевдоаргументативной верификации событий, они получают статус событийности, онтологичности в рецепции их уже не только героем «Я»-повествующего, но и читателем, который сравнивает некоторые наиболее значимые в конкретной ситуации аксиологические ориентиры своей концептуально-валерной системы с таковыми автора-повествователя, автора-героя и общелингвокультурного ценностно-ориентационного пространства.

Сравнение может быть основано как на прямой отсылке и открытой экспликации собственно отношения, так и выходить за рамки привычного и осуществляться в виртуальном онейрическом пространстве, сближающем объективную реальность с повествованием. В случае данного типа описания прецедентного события подвига вербализация компонентов эпизодической индивидуальной памяти практически полностью имплементируется в пространственно разделенной социокультурной памяти без явных противоречий: *Лежа с открытыми глазами, он заново переживал все, что писал днем. Только теперь героями были не те люди, чьи фамилии он вписывал в наградные листы, а он сам, Леонтьев. И – боже мой! – каких только чудесных подвигов не совершал он в эти бессонные ночи...* (https://imwerden.de/pdf/baklanov_izbrannye_proizvedeniya_v_2t_tom1_1979_ocr.pdf) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Различные точки зрения на аксиологическое пространство приложения культурного концепта с лексическими конкретизаторами (чудесный подвиг, чужой подвиг и т.п.) предполагают использование в тексте различающихся систем кодирования и интерпретации – включения или же нивелировки интимизации онтологизируемого события. Каждый акт ремифологизации или демифологизации общей структуры концепта вне зависимости от типа применяемой рефлексии (на основе социокультурной или эпизодической памяти) актуализирует нужный и контекстуально значимый фрагмент русской картины мира, представляя в тексте произведения для реципиента каждый раз новую «схему действия» по пониманию текста и «в-живанию» в ситуацию, описан-

ную в произведении, а значит и новый способ конситуативной интерпретации как собственной, так и общекультурной ценностно-ориентационной области метаконцепта. Эта вариативность представления основывается на ситуативных компонентах эпизодической памяти, которые предполагают контекстуальное обрамление культурного концепта неузуальными, ассоциативно детерминированными единицами.

Ассоциаты, формирующие тип представления о ядерных компонентах метаконцепта, зачастую эксплицируются введением в высказывание упоминаний о прецедентных событиях, которые и демонстрируют способ героического действия: *Может быть, уроки войны – героическое сопротивление пограничных частей Красной Армии, оборонительное сражение под Смоленском, оборона Одессы, Ленинграда – заставили его призадуматься?* (Бек, 1960, с. 95) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Упоминание прецедентных событий, которые в процессе трансляции значимости их для победы в ВОВ формируют символы героического поведения, способствует идеологизации социокультурных компонентов метаконцепта ПОДВИГ по историческому типу модификации структуры. В то же время сама характеристика прецедентности онтологизирует и интимизирует героическое деяние для каждого конкретного человека и дает возможность реципиенту на основе темпорально-дистантной рефлексии приобщиться к данным когнитивным компонентам метаконцепта: *Рассказывать ли о героических подвигах? Но их столько, что растеряешься, – который предпочтешь* (Толстой, 1986, с. 451) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Ситуативная обусловленность компонентов эпизодической памяти также должна эксплицироваться теми или иными маркерами, которые дадут возможность читателю даже на уровне ноэтической (неосознанной) рефлексии, т.е. интуитивно (по А. Бергсону) (Бергсон, 2010), ощутить сиюминутность события, вплетенную в социокультурную память. Наиболее эффективным способом интенсификации «ситуативности», сводящей героические компоненты к обыденному действию, являются дезавуация и демифологизация героического деяния, которые производятся с помощью применения устойчивых выражений, иногда в трансформированной форме или неузуальном контексте, например: *...подошёл Орлов, герой дня* (https://imwerden.de/pdf/baklanov_izbrannye_proizvedeniya_v_2t_tom1_1979_ocr.pdf) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Ситуативная детерминация не всегда является эпизодически обусловленной, в некоторых случаях она интенсифицирует компоненты социальной значимости, возникающие в определенный период времени на базе идеологизации и исторической необходимости. Так, в период Великой Отечественной войны актуализируется не только героизм советского воина, но и всего советского народа, который

демонстрировал акты героизма в тылу, совершал «трудовые подвиги»: *Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть героев-шахтеров* (Фадеев, 2017, с. 343) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае кроме идеологизации подвига в качестве поведенческой модели «на всех фронтах», актуализируются и мифотворческие компоненты данного метаконцепта, которые сближаются с религиозной, православной ассоциативной интерпретацией описываемого прецедентного события посредством внедрения в ближайший контекст аксиологемы мученическая смерть.

Эмпирически верифицируемые для конкретного продуцента высказывания ассоциаты вводятся в пространство коллективного представления о подвиге на основе упоминаний событий, произошедших в жизни героя-повествователя и возможных к экстраполяции в общее пространство: *Олег взял себе как кличку его фамилию; с ней у него связаны были первые героические представления о партизанской борьбе* (Фадеев, 2017, с. 382) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Интимизирующий потенциал репрезентации образа семьи как ключевого фактора в воспитании характера также может дополнять онтологическими компонентами ассоциативный ряд традиционности героического поведения.

Параллельное описание ужасов войны и героических действий может приобретать вид контрастивного представления общего пространства как локуса повествования, в данном случае необходимым является упоминание атрибутивных конкретизаторов, которые зачастую приобретают форму рефренного контрастивного представления окружающей действительности: *...у обочины на грязной земле в грязных шинелях и свежих бинтах* (https://imwerden.de/pdf/baklanov_izbrannye_proizvedeniya_v_2t_tom1_1979__ocr.pdf) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Или же личностного персонализированного ощущения реальности (на основе мировидческих элементов), которая интенсифицируется в образе дистанцированного от локутора героя, являющегося неким эталоном в ситуации интимизации как сравнения повествователя с типизируемой личностью: *Бравый, геройского вида красавец сержант...* (https://imwerden.de/pdf/baklanov_izbrannye_proizvedeniya_v_2t_tom1_1979__ocr.pdf) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Подобные случаи контрастивного описания вызывают к жизни интимизирующие компоненты «очеловечивания» «Я»-повествоющего, они придают ему статус реально существующего человека, обладающего всеми качествами и, прежде всего, переживающего внутренний конфликт, испытывающего некий когнитивный диссонанс в соотношении эмпирики и темпорально-контактной рефлексии. Форма расчлененного диегетического нарратора, оперирующего всеми возможностями актуализации то

одной, то другой грани социально значимого понятия, потенциально формирует новое идеологическое пространство не только в поле вербалики, но и в сфере реактивного ответа на высказывание (фактуальных ремарок) (Kvaril, Siposova, 2010, p. 165). Эти фактуальные ремарки функционируют как внутренние катализаторы модификации принимаемых сообществом изменений в содержании универсального метаконцепта. На основе именно данных компонентов осуществляется создание специфических условий темпорально-контактного распремечивания обертонов дезавуирования псевдогероики в эпизодически ситуативном представлении: *...мог быть более или менее стоек, мог даже совершить истерически-героический поступок на глазах у людей, особенно людей, ему близких или обладающих моральным весом* (Фадеев, 2017, с. 546) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном примере прослеживается интенсификация дерогативного пространства метаконцепта ПОДВИГ, которое связывается со стандартной апелляцией к авторитету, что усиливает общекультурную значимость.

При актуализации дерогативной сферы оценивания на основе антонимического иронического употребления с узуальными номинативными определителями происходит смещение аксиологии позитивных обертонов: *...видя, что Сергей не двигается с места, решил тогда один из них на акт «героизма»* (Воробьев, 1987, с. 125) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В рассматриваемом контексте выделение кавычками и предпозиция канцеляризма «акт» эксплицирует новые возможности интерпретации базового вербализатора для подчеркивания осознанного и обусловленного поисками материальной выгоды «подвига», что существенно отличается от традиционной позитивной области модельного поведения советского воина, для которого героическое деяние является естественным и обусловленным самой этнокультурной принадлежностью.

Обыденность и демифологизирующие смыслы метаконцепта могут породить восприятие подвига как возможности реализовать себя как советского воина не только в условиях получения некоей «выгоды» (слава, награда и т.п.): *Вечером однажды идет разговор о героях и наградах* (Некрасов, 1990, с. 79) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Лексема «однажды» подчеркивает обыденность данных действий, не только обсуждения прецедентных событий (героизма), но и самого действия в реальной действительности. Таким образом, происходит модификация компонента «обыденность» в компонент «необходимость», «неизбежность», «традиционность». Но и внедрение в узуальное пространство подвига элемента облигаторности свершения: для такого подвига нужны самые стойкие, самые преданные: *те, что будут стрелять до последнего дыхания, те,*

что исполняют до конца святой долг солдата, исполняют приказ: не отходить! (Бек, 1960, с. 230) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Социокультурный компонент, порождаемый в данном случае на основе темпорально-дистантной рефлексии, обладает потенцией к снятию фона пафосности в структуре рассматриваемого метаконцепта и позволяет сравнивать генерализованные абстрактные области с конкретными предметными вербализаторами в свободных ассоциациях: *Одним героизмом ничего не сделаешь. Геройство героизмом, а танки танками* (Некрасов, 1990, с. 82) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

В ситуации экспансии компонентов эпизодической памяти в сфере ценностных ориентиров в трансформируемую ядерную область метаконцепта ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ, которая интерпретируется по традиционной модели, не всегда разделяется каждым из членов лингвокультурного сообщества. Для разрешения данного противоречия необходимо наличие процессов, разрушающих старую, узуальную мифологию, и на основе ремифологизации формирование нигилистических областей личностного интерпретативного ядра иноэпистемы. Так, соотнесение героизма и естественно присущих на основе генетики человеческих черт как внешних, так и внутренних, не только актуализирует осознанный выбор между подвигом и трусостью, но и имплицитно задает уже описанные векторы интерпретации данного феномена, присущего советскому человеку: *Может быть, по-вашему, героизм – дар природы? Или дар каптенармуса...* (Бек, 1960, с. 230) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Возможность избрания модели героического поведения в бою не есть прирожденное качество, характер может быть сформирован и героизм можно воспитать в себе. А уже интенциональные проявления героизма формируют поле другого метаконцепта ПОБЕДА, «герой имеет привычку побеждать».

Подобные элементы могут быть эксплицированы в процессе интенсификации не только волонтактивного пространства выбора, но и при контрастной негоциации данного модельного поведения: *Скорее по догадке, чем по каким-либо внешним признакам, я узнал одного – того, кто мог бы стать прославленным героем. Мог бы... И погиб как изменник, как трус* (Бек, 1960, с. 222) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Изменение позитивного полюса на дерогативный вне градационной шкалы, на основе архетипической оппозиции «хорошо – плохо» без промежуточных вариантов, что характерно для темпорально-контактной рефлексии, иррадирует на другой метаконцепт прецедентного мира «Великая Отечественная война», а именно СМЕРТЬ. Такое контаминирование метаконцептуальных пространств позволяет автору связать в ассоциативном пространстве «подвиг» и «жизнь», часто «вечную жизнь в памяти народа», и «трусость/измену» и «смерть».

В некоторых случаях для формирования идеологического наполнения метаконцепта, принимаемого коллективным сознанием, реализуются потенции «очуждающих» форм героического деяния: *Мать откликнулась за дверь: «Кто там?» Он ответил: «Лейтенант, Герой Советского Союза Громов»* (Толстой, 1986, с. 454) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Осознание героем себя в рамках «очуждения» актора от собственного «Я» придает некоторым пластам метаконцепта, идеологизирующим социальную значимость героических действий для достижения главной цели военных действий – победы, специфический характер. Так, один из прецедентных феноменов ВОВ, идеологизируемый в русской картине мира, «массовый героизм» советского народа, находит в рамках темпорально-контактной рефлексии новое толкование, возводящее в Абсолют именно личностные компоненты: *...массового героизма не бывает, если нет вожака, если нет того, кто идет первым* (Бек, 1960, с. 169) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Т.е. в качестве доминирующего элемента, структурирующего все содержание метаконцепта, выводится отдельная личность, которая должна осознать героизм и свой личный подвиг как необходимость действовать именно в рамках данной модели как единственно возможной, т.е. воспринять идеологему как максимум собственного аксиологического пространства.

В процессе восприятия любого культурного метаконцепта выход на общелингвокультурное в личном для каждого автора эксплицируемом ситуативном и индивидуальном, интерпретация всего ряда компонентов, а также собственно аккультурация персонального опыта как реального, так и рефлексивного наряду с ценностно-ориентационным пространством, вживание и опредмечивание для реципирующего сообщества новых норм, правил и ценностей писателя, может быть осуществлено и проанализировано в рамках трех планов импликации, которые соответствуют трем выделяемым Ю. С. Степановым компонентам или слоям концепта (Степанов, 2001, с. 48).

В ядре можно выделить актуальные признаки, которые презентуют только базовые характерологические признаки прецедентного феномена, коррелирующие с общим пространством социокультурной памяти и наличествующие только в узуальном употреблении: *...в мыслях своих представляла своего героя тоже как человека подвига...* (Фадеев, 2017, с. 101) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Т.е. личностные компоненты, совпадающие с социокультурными в ядерной области содержания, актуализируются в ментальном пространстве без введения дополнительных легитимизирующих факторов. Данные компоненты обеспечивают первичное понимание и наивную интерпретацию метаконцепта, ведь они обладают самой широкой имплементацией как в прототекстовом, так и в метатекстовом простран-

стве и легко декодируется любими, в том числе и неинформированными реципиентами на уровне поверхностной структуры. Исторические и этимологические компоненты актуализируются по векторам конситуативной исторически-маркированной интерпретации в условиях повторной мифологизации: *Дела и подвиги этих людей обеспечили жизнь твоему поколению и останутся навеки в памяти человечества* (Фадеев, 2017, с. 115) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае начинают работать специфические механизмы, сближающие толкование глубинных обертонов метаконцепта ПОДВИГ с этимологическим значением одного из базовых экспликаторов – «герой», как полубог, живущий вечно. Именно подобная форма сохраняет свое действие в условиях применения темпорально-дистантной рефлексии, что наблюдается в фиксации в лексикографических источниках, так, в послевоенных словарях детерминантой (базовым ядерным компонентом внеситуативного восприятия) признается именно ситуативный компонент периодизации: ГЕРОЙ, -я, м. 1. Человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности. *Герои Великой Отечественной войны* (Ожегов, 1952, с. 122). Данные конситуативные ассоциаты возникают в интерпретативном пространстве вне зависимости от наличия горизонтального контекста и формируют новую аксиологическую шкалу для последующих поколений, таким образом, трансформируется русская картина мира.

На основе анализа вербального представления метаконцепта ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ в исследуемом прецедентном мире можно выделить следующие основные типы модификации структуры: 1) эпизодический, связанный в основном с актуализацией личной градационной шкалы героического действия, 2) исторический, который базируется на интенсификации степени значимости для победы, определяемой как «высшая ценность» народа и 3) идеологический, определяемый актуализацией социальной роли лица, способного к совершению данного типа действия, как необходимого и осознанного.

2.5. Трансформации ядерных компонентов метаконцепта «ВРАГ»

Устойчивой тенденцией формирования и интенсификации хроно-топических, личностных и ассоциативных компонентов эпизодической памяти в одном из наиболее социально значимом метаконцепте прецедентного мира «Великая Отечественная война» является следование в

процессе семантического сдвига ключевым константам смыслопорождения субъективности, модальности и темпоральности. Что и определяет основные векторы модификации ядерного пространства метаконцепта ВРАГ. Прежде всего, необходимо подчеркнуть ассоциативно-компаративную природу вербализации генерализованного смысла, который формируется в процессе сравнения собственных аксиологических доминант с ранее содержавшимися однопорядковыми компонентами в имеющемся языковом базовом вербализаторе концепта. При подобном сравнении на первый план выходит необходимость акцентуации собственных, маркирующих вертикальный контекст факторов, детерминация данных условий акцентуации происходит на основе компонентов «хронотопичность», «ситуативность» и «интимизированность». Степень адекватности тех или иных смысловых компонентов метаконцепта, репрезентирующих эпизодическую память, находится в отношении прямой зависимости от уровня интимизации (в-живания реципиента) авторского или же обусловленного конситуативной интерпретацией понимания (Печенюк, 2021а, с. 136). Постоянное перетекание ядерных и периферийных компонентов смысла метаконцепта ВРАГ происходит в некоторых случаях на основе возрождения в тексте посредством аллюзивных конкретизаторов и составляющих пассивный пласт содержания в узуальном употреблении этимологических и исторических компонентов.

В случае интенсификации одного из этимологических компонентов, а именно негативных элементов аксиологического пространства фокуса реципиента, описываемого с помощью базового номена субъекта, проявляется ассоциативная связь с другими славянскими языками: *пол.* wrog, *чеш.* vrah, vražiti (ненавидеть) (Горяев, 1896, с. 56). Следует отметить не только большой потенциал подобного механизма конситуативной интерпретации генерализованного содержания, но и возможность закрепления в коллективном сознании схематизма восприятия врага как сущность, подлежащую отнесению к дерогативному полю и обязательному уничтожению: *Мы должны презирать этих выродков, если мы не можем пока их бить и уничтожать, да, да, презирать...* (Фадеев, 2017, с. 230) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Интереснейшими когнитивными механизмами ассоциативного метафорического переноса характеризуются изменения в этимологической области характеристики врага с учетом приписываемых ему необходимых и достаточных условий для классификации описываемого субъекта как «врага». Данный вид общелинغوкультурного миропонимания сопряжен с постоянным возвращением к этимологическим корням на основе включения в произведение ассоциатов «первородного зла». Подобные

компоненты могут быть выявлены не только на основе сравнительного анализа, так, в прусском языке лексема *vargs* имеет значение «злой» (Горяев, 1896, с. 56), но и на основе контекстуального анализа ближайших и релевантных лексем: *В бессильной звериной злобе хватает он ни в чем не повинных людей, предаёт их нечеловеческим пыткам* (Фадеев, 2017, с. 552) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном примере актуализируются не только пассивные в узуальном употреблении этимологические обертоны, но и происходит более глубокое ассоциирование образа врага с «врагом рода человеческого», что также можно наблюдать в некоторых языках славянской группы – *серб.* враг (врагъ и дьяволь) (Горяев, 1896, с. 56). В некоторых толковых словарях довоенного периода подобное значение вводится в качестве одного из употребительных. В словаре Д. Н. Ушакова лексема «враг» толкуется в том числе как дьявол, чорт (церк. и простореч.). *Враг понутал* (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>).

Подобные компоненты репрезентированы в большинстве произведений Великой Отечественной войны как генерализованная часть содержания, воспринимаемая на уровне интуиции и включающая в себя компонент преодоления «несметной силы». Этот исходный, зафиксированный в большинстве словарей смысл противостояния, традиционно и исторически понимаемый как выживание в неблагоприятных условиях с множеством враждебных факторов и субъектов: *...я врежусь в полчища врагов и пройду вот так же, стаптывая в землю, в могилу* (Бек, 1960, с. 211) (выделено нами. – Т.Б., А.П.), – повторно фиксирует в русской картине мира архетипическую оппозицию «свой – чужой». В процессе формирования генерализованного содержания метаконцепта ВРАГ противная сторона всегда понималась как нечто превосходящее группу «своих» по численности.

Эпизодическая память представляет собой максимально субъективный, интенциональный, ситуативно детерминированный отрывок общелингвокультурной картины мира, образующийся под влиянием собственного объективного и рефлексивного опыта того или иного члена общества. В большинстве произведений военного периода интенсифицируется образ врага на основе мифологического традиционного русского понимания невозможности противостоять «темной силе» ввиду «несметного количества» её представителей: *Патронов только на врага-фашиста не хватает...* (https://librebook.me/prokliaty_i_ubity/vol2/1) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Практически каждый из маркирующих топические компоненты социокультурной памяти вербализаторов сравнивается с этимологическими и историческими ядерными признаками, уже содержащимися в концепте. В этой части корреляции концепта с лингвоэпистемой они впол-

не ощутимы, как маркированные скрытой внутренней формой вербализатора и его органичными связями с историческим процессом (Слышкин, 2004). Данное сравнение, отражая специфический, эмпирически верифицируемый фрагмент индивидуальной картины мира автора, производит единое для продуцента и реципиента эмоционально-аксиологическое пространство целостного восприятия всей ткани текста и стоящего за ним прецедентного мира, которое в результате разделенности способно оказывать наибольшее по силе эмоциональное воздействие.

Концепт ВРАГ еще на этапе экспликации доминантной архетипической оппозиции «свой – чужой» включает элементы субъективного соотношения тех или иных представителей рода человеческого к группе «своих» и проведения демаркационной линии на основе критерия «схожесть» с индивидуально-личностными критериальными признаками (Печенюк, 2021 а, с. 138). Это сравнение может быть не в пользу ядерного компонента, поскольку выделение собственных маркирующих ситуацию факторов кажется зачастую наиболее оптимальным, а значит, формирует примарный вектор экспликации именно эпизодической памяти. При подобном смещении «выход за рамки гипотетического оптимального равновесия обуславливается различными объективными экстралингвистическим и (географическими, социальными) и внутриязыковыми (тип языка, нормированность системы, традициональность) факторами» (Бредихин, 2015, с. 75).

Так как рассматриваемый культурный метаконцепт формируется в рамках темпорально-контактной рефлексии в определенной эпистемологической ситуации, т.е. в период значительных исторических потрясений, он характеризуется усилением воздействия окказиональных факторов в процессе модификации конкретизирующих элементов образа врага. В процессе интенсификации отдельных компонентов генерализованного содержания происходят неизбежные модификации общей тональности восприятия и трансформации концептосферы всего лингвокультурного сообщества.

Например, в художественных тестах, основанных на возможности сиюминутной эмпирической верификации описываемого действия, т.е. созданных в период боевых действий, которые в качестве расчлененного диегетического нарратора созданы для представления ипостаси «Я»-описывающего и «Я»-переживающего, достаточно четко интенсифицируется компонент необходимости обязательного истребления противника: *...враг на ладан дышит и стоит собраться с духом, сплотиться, нажать – как нечистая эта сила тут же окажется в собственной берлоге, где ее и следует добить, уконтрапунить...* (https://librebook.me/prokliaty_i_ubity/vol2/1) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Экспликация компонентов эпизоди-

ческой памяти реализуется вokkaционализме *уоконтрапунить*, который содержит компоненты привычные для советского лингвокультурного сообщества со времен Гражданской войны компонент «контра». Данный компонент сам является культурным концептом КОНТРА, используемым в ином социокультурном контексте, что, безусловно, легитимизирует использование его в рамках интимизации образа не абстрактного, а принципиально перципируемого ВРАГА, приобретающего статус онтологического конкретного, но при этом неодушевленного тварного начала. Вхождение отдельных обертонов в данном случае уже связывается не только с эпистемологическим, но и с культурным аспектом единичного опыта конкретного народа, а соответственно и культурный концепт уже можно сравнивать с лингвокультуремой как органичным единством понятийного и предметного опыта (Воробьев, 1997, с. 44-45).

Эксплицитный характер директивных лозунгов: *Смерть врагу!.. Гони ненавистного врага! Гони и бей!.. Гони и бей...* (https://librebook.me/prokliaty_i_ubity/vol2/1) (выделено нами. – Т.Б., А.П.) – реализует открытое противостояние в рефренном катафорико-эпифорическом повторении лексемы гони. Подобный прием имеет не только характеристики призыва к отмщению, но и весьма интенсивно вводит в содержание концепта ВРАГ обертоны отношения к его представителям как к «зверьям». Здесь актуализируется нозма «гнать зверья», т.е. выгнать «окопавшегося фашиста» из его укрытия и уничтожить. При этом охотниками (положительными «персонажами»), которые в большинстве мифологических текстов различных лингвокультур символизируют «законную власть», выступают именно советские воины.

Осуществление актуализации дерогативного поля может связывать в пространстве метаконцепта некоррелирующие понятия, которые в процессе конситуативной интерпретации и интимизации переживаемого опыта становятся доступны для понимания всем членам лингвокультурного сообщества, т.е. органично входят в русскую картину мира. Например, в послевоенном словаре закреплено сочетание невозможное по самому определению фашизма как осознанной выработанной на основе псевдонаучного подхода идеологии: ВАРВАР, -а, м. *Фашистские варвары* (Ожегов, 1952, с. 53) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Однако конситуативное пространство интерпретации в условиях описания действий противника в годы Великой Отечественной войны позволяет адекватно воспринимать модифицированный смысл подобных высказываний. Происходит это по причине интенсификации социокультурных компонентов образа врага не только как противника в классовой или территориальной борьбе, но как врага цивилизации и культуры в целом: *Но на триста верст в окруж-*

ности все библиотеки были уничтожены немцами... (Толстой, 1986, с. 436) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Модификация смысловой конструкции культурного метаконцепта ВРАГ происходит уже на этапе первичной концептуализации с актуализацией релевантных ситуативных компонентов и созданием собственно ядерной структуры. Первичный процесс вычленения в феномене критериальных признаков для создания невербализованного понятия характеризуется механизмами объективной и субъективной категоризации. При учете вертикального контекста имплементация ситуативных компонентов по большей части осуществляется с помощью привязки к идеологически детерминированным и классовым конкретизаторам, поэтому процессы ассоциации не просто выстраивают некий ряд смежности, а уравнивают денотативную отсылку различных вербализаторов врага: *У, как я раскусил эту чванливую, грязную фашистскую породу, – нет, они не скоты, они хуже, они – выродки!* (Фадеев, 2017, с. 226) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Однако, как видно из приведенного примера, внедрение конкретизирующих эпистемическую ситуацию компонентов отнюдь не нивелирует аккумуляцию элементов личностной оценки. При этом каждый из вариативных вербализаторов дерогации образа противника в большинстве случаев совпадает со специфическим механизмом деантропизации (бестипаризации), что способствует формированию схематизма восприятия представителей класса «чужих» как существ, не входящих в ряд тех, на кого может распространяться «человеческое» отношение. На основе схематизации восприятия строится прогнозирование коллективного отношения, т.е. осуществляется эффект праймирования (безапелляционной негативизации до получения полной информации о событии).

Следует упомянуть, что «помимо апеллятивной функции прайминг-эффект участвует в создании ядра транслируемого концепта» (Бредихин, Леонов, 2019, с. 73), т.е. каждое из имплицитных или эксплицитных воззваний, содержащихся в тексте, обличающем врага, имплементируется в состав базового номена. Таким образом, при последующем распределении смысла данный эпизодический обертоп общей структуры социально значимого метаконцепта возникает как само собой разумеющийся и присущий всему лингвокультурному пространству.

Существует и обратный механизм создания конситуативно интерпретируемых компонентов общего содержания метаконцепта, так называемая, идеомаркированная конкретизация, которая выстраивается на основе привязки понимания противоборствующей силы к метаконцептам, репрезентирующим контрастные картины мира. Например, интенсификация социокультурных компонентов классовой и идейной борьбы возможна

при обозначении именно разницы ментальных, а не этнокультурных пространств «своих» и «чужих»: ...*вы были врагом Советской власти...* (Толстой, 1986, с. 443) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Реализация их в основном позволяет легитимизировать соотнесение внутренних и внешних врагов на основе интерпретации идеологических компонентов метаконцепта.

Существуют весьма широкие возможности идеологизации компонентов маркирования класса врагов как представителей «чужих», они могут быть реализованы не только на основе контрастивного описания идейных и классовых элементов противоборства, но и в рамках использования архаичных лексем. Следует подчеркнуть, что элементы этимологического ассоциативного связывания в подобных лексемах-конкретизаторах традиционно должны восприниматься как коррелирующие с полем дерогативности образа врага. Иногда можно наблюдать и имплементацию этнокультурно специфических инокультурных этимологических компонентов в русскую картину мира на основе ассоциативно и исторически маркированных конкретизаторов: ...*надо идти в становье врага...* (Бек, 1960, с. 192) ...*подобравшись сзади к сонному становищу врага...* (Бек, 1960, с. 207) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данных примерах наблюдается социокультурно маркированная в русской картине мира и ассоциируемая с мифологической интерпретацией расположения вражеских войск лексема стан, которая в словарях представлена на материале былинных контекстов: СТАН², а, м. 1. Место расположения, стоянки; лагерь (книжн., обл.). *Певец во стане русских воинов. Жуковский* (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Ещё большим потенциалом мифологизации обладают особые формы представления данной лексемы, связываемые в коллективном сознании русского человека с военным лагерем противника в период татаро-монгольского ига – **становье, становище**, – что интенсифицирует в прецедентном мире «Великая Отечественная война» интерпретацию фашистских захватчиков как претендующих на статус наиболее жестокого и длительного засилия поработавших народ сил: ИГО, а, мн. нет, ср. (книжн.). Угнетающая, поработавшая сила. *Татарское иго* (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>).

Внедрение подобных этимологических ассоциатов в пространство коллективного понимания и легитимизация разделенности таких компонентов осуществляется в процессе «познания» образа врага, т.е. формирования «списка необходимых и достаточных условий» для категоризации «чужого» как «врага». Достигается это, главным образом, за счет интенсификации прогностических компонентов неизведанного как а priori воспринимаемого в качестве противника, интенсификации незнакомого как «чужого», не подлежащего внедрению в пространство собственного пони-

мания: ...*каковы они собой, враги, идущие нас убить* (Бек, 1960, с. 79) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Именно исконный первобытный страх человека перед неизвестностью дает возможность ввести его в дерогативную область. На этапе «узнавания» (категоризации) образа врага уже возможным оказывается формирование и закрепление в поле ядерных компонентов персонального эпизодического оценивания на основе актуализации конкретизаторов межличностных отношений: – *Враг страшен до тех пор, пока не изведает вкуса его крови...* (Бек, 1960, с. 82) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

В аспекте раскрытия ключевых характеристик образа врага в пространстве прецедентного мира «Великая Отечественная война» акцентуация их происходит для каждого автора по-своему, т.е. на основе эпизодических компонентов. Однако общим правилом является доминирование эпизодических компонентов персонификации противника, что позволяет воспринимать и оценивать дерогативное поле метаконцепта как органически присущие человеческому существу: ...*стремился разгадать, как он, мой враг, немецкий военачальник, это подготовил, как осуществил* (Бек, 1960, с. 133) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Осознание врага как персонифицированного образа, которому можно противостоять и который обладает определенными интенциями в конкретном локальном и темпоральном пространстве Великой Отечественной войны, приводит к необходимости обоснования противостояния в форме контрастивного описания: ...*когда, казалось, уже все, все известно о враге и о себе!* (Фадеев, 2017, с. 32). Сравнение критериальных признаков образа врага осуществляется не только с классом «своих» в процессе темпорально-контактной рефлексии, но и в рамках диахронической интракультурной реконструкции, т.е. на основе темпорально-дистантной рефлексии: ...*и враг был другой, и техника не та!* (Фадеев, 2017, с. 32) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Несмотря на интенциональную акцентуацию дифференциальных признаков «нового» врага по сравнению с другими, традиционно привычными и закрепленными в русской картине мира противниками (татары, французы и т.д.), осуществляется интенсификация уже прошедших закрепление как на историческом векторе модификации метаконцепта, так и в пласте идеологически маркированных компонентов. Например, актуализация социокультурных компонентов иронизирования над инокультурными концептами, осуществляемая на основе смены аксиологических векторов при восприятии самоименований класса «врагов», способствует изменению позитивного оценивания в процессе автостереотипизации на дерогативное при смене градационной шкалы: *Что предпримет противник,*

после того как немецкий военачальник, надменный господин «великогерманец», окажет нам честь: призадумается? (Бек, 1960, с. 115) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Лингвокультурный типаж, представляемый в речевых портретах и самопрезентационных речах противника, вполне может оказывать обратно направленное манипулятивное воздействие при условии введения его в неузуальное инетерпретативное поле.

Столкновения воспринимаемых в качестве «своих» советских граждан и государства с мировидческими компонентами класса «чужих», с их культурой в рамках любого прецедентного мира, неизменно вызывают формирование негативных гетеростереотипных представлений (Тамерьян, Качмазова, 2014, с. 299), а значит, и появление ситуативных вариативных номенов, маркирующих генерализованные компоненты эпизодической памяти, т.е. этнических ярлыков: *...она совершает обороты, немецкая военная машина* (Бек, 1960, с. 179, 182) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Восприятие наличествующего в конкретном военном и культурном противостоянии врага как бездушной неперсонифицированной массы (военной машины) является характерным для рассматриваемого прецедентного мира. При этом имплементация идеологически маркированного компонента происходит на базе нейтрального номена «немец», а актуализация эпизодических компонентов оценивания характерных черт в образе врага осуществляется посредством использования альтернативных именовании, например, «фриц»: – *Фрицы – фрицами. Из оврага убежали. Двух пленных даже оставили* (Некрасов, 1990, с. 178) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Эпизодические компоненты оценивания образа врага не только не нивелируют, но ещё больше подкрепляют примарные цели противника, которые распредмечиваются на основе коллективного осознания. Актуализация ядерных компонентов противоборства наряду с элементами дерогативного пространства оценивания позволяет выдвинуть на первый план характеристики врага как несущего смерть: – *Враг идет убить и тебя, и меня...* (Бек, 1960, с. 34) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Постоянные средства интимизации целей противника в военном противостоянии *«и тебя, и меня»* способствует разделению в картине мира и закреплению в языковой системе необходимости схематизации отношения к врагу: *... убил двух «фрицев» и что еще будет убивать их* (Фадеев, 2017, с. 107) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Введение компонентов официального отношения осуществляется на основе одного из базовых вербализаторов, способствующих формированию поля нормативности в схематизации представления образа врага: *...противник начал интенсивную артиллерийскую обработку...* (Бек, 1960, с. 142) *...в Новоцурино у противника был пункт сосредоточения*

(Бек, 1960, с. 179) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В рамках данного способа идеологизация эпизодических компонентов получает дополнительную аргументацию на основе восприятия разделенных официальной точкой зрения на описываемые прецедентные ситуации.

Общелинговокультурные компоненты идеологических компонентов смысловой иерархии реализуются ассоциативными номенами меньшей степени эмотивности, например, «противник»: ... *отражали атаки мелких групп противника* (https://librebook.me/prokliaty_i_ubity/vol2/1) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В большинстве случаев данные именованья вводятся для экспликации нозем «противоборство», «непримиримость» идеологических систем и делимитации принципиальных различий между сторонами конфликта. В связи с этим в предельно эмотивном тексте данные лексемы встречаются только в рамках цитации или пересказа официальных сообщений. Необходимо подчеркнуть возможность имплементации аксиологических обертонов различных номенов концепта ВРАГ в рамках интенционального контрроверзного высказывания, в которых ядерное именование культурного концепта отсутствует, но аллюзивные компаративные ассоциаты, главным образом жаргонные и просторечные лексемы, интенсифицируют именно психоэмоциональное пространство авторского отношения. Например, «*поражали противника*» ударом в грудь, прикладом били по его башке, набитой, по заверениям капитана Мельникова, идеями мирового господства, слепого поклонения фюреру, жадностью до русского сала и до невинных советских женщин (https://librebook.me/prokliaty_i_ubity/vol2/1) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Прямое указание на идеологическую вражду коррелирует с сужением области семантизации на основе понимания образа врага в качестве именно «фашистских захватчиков».

Таким образом, на основе проведенного анализа модификации метаконцепта можно обоснованно предположить, что основными векторами расширения и трансформации содержания метаконцепта ВРАГ в рассматриваемой лингвоконцептуальной области «Великая Отечественная война» являются три базовых типа: 1) эпизодический, соответствующий основным характеристикам актуализации компонентов межличностных отношений; 2) исторический, репрезентирующий, прежде всего, обертоны, аргументирующие ситуативную и темпоральную детерминацию смены противника и его этнонациональную принадлежность и 3) идеологический, транслирующий компоненты классовой борьбы и идейного противостояния на основе акцентуации архетипической оппозиции «свой – чужой». При этом следует указать на явное усиление степени контаминации с другими метаконцептами на основе темпорально-контактной рефлексии, происходящее в сравнительно короткий период времени. Первич-

ной метаконцептуальной областью контаминирования (в начале Великой Отечественной войны выступает ВОЗМЕЗДИЕ, а целевым пространством ПОБЕДА. Это доказывается закреплением в послевоенном словаре С. И. Ожегова в качестве ключевого компонента, уже не эксплицируемого в качестве базового содержания обозначения военного неприятеля, подлежащего уничтожению, т.е. инкоативного форманта, а интенционально вводимый в процессе идеологизации обортон «победа», т.е. финализирующего аспекта противостояния: ВРАГ, -а, м. 2. Военный противник, неприятель. *Враг разбит* (Ожегов, 1952, с. 84) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

В результате анализа отдельных обортонов экспликации эпизодической памяти в процессе динамического развития содержания концептов (на примере социокультурного метаконцепта ВРАГ) можно сделать вывод о ассоциативно-компаративной природе порождаемого генерализованного смысла метаконцепта. Трансформации ядерной области культурного метаконцепта ВРАГ осуществляется на основе перемещения исходного компонента архетипической оппозиции «свой – чужой» и исторического эвиденциального компонента «противник» в категорию сопутствующих, но не релевантных в актуальной структуре. Модифицированные личностные обортоны «зверь», «неперсонифицированная масса», «идейный враг» входят на основе механизмов ассоциативного метафорического расширения и сужения области семантизации в ядерную зону.

2.6. Ассоциативные ряды и реляционные отношения метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ

Одним из ключевых метаконцептов рассматриваемого прецедентного мира является позитивно маркированный и ситуативно детерминированный метаконцепт ВОЗМЕЗДИЕ. Роль имплементированных социокультурных и эпизодических компонентов в структуре данного метаконцептуального образования и репрезентирующих его вербализаторов представляется доминантной, так как исключение денотативных семем дерогативной области позволяет ввести базовые репрезентанты в противоположный полюс градационной аксиологической шкалы. Лексический фон ассоциатов в данном случае, сохраняя ядерный компонент «причинение зла», формирует совершенно новое пространство интерпретации, а именно конситуативные элементы «справедливость», «неизбежность», также приращает обортонами «благо» в рамках учета фокуса актанта, производителя действия, осуществляющего месть. Следует особо отметить, что современ-

ный базовый репрезентант данного метаконцепта «возмездие» в текстах ВОВ не встречается, так как формируется на основе темпорально-дистантной рефлексии в результате сопоставления и замещения дерогативных компонентов позитивными, формируется «квантовый скачок» нивелирующий каузальный компонент переосмысления (месть – правое дело – оправдание средств достижения цели – справедливая месть=возмездие).

Локализация данных компонентов позитивной области в ядерной зоне на основе аксиологического сдвига импликационала создает новые пространства контаминации с другими метаконцептуальными областями, например, ПОБЕДА как высшая цель зачастую в текстах ВОВ находит свое подкрепление как «справедливая священная месть» врагу. Следует также подчеркнуть двустороннюю направленность подобной аргументации, т.е. достижение цели оправдывает дерогативные компоненты мщения, но и возмездие само превращается в главную цель.

Модификация содержания метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ, который, что необходимо указать особо, не находит в текстах ВОВ, созданных на основе темпорально-контактной рефлексии, репрезентации в базовом вербализаторе (лексема «возмездие» не встречается в исследованных текстах ни разу), происходит при реструктуризации эмоциональных и логических пресуппозиций и импликаций (Белянин, 2003). В основе своей данный примарный репрезентант формируется уже на основе темпорально-дистантной рефлексии именно благодаря смещению компонентов ценностно-ориентационного пространства в конкретных аргументативных и псевдоаргументативных контекстах. В условиях же представления прецедентного мира «Великая Отечественная война» ключевым экспликатором социокультурных и эпизодических компонентов становится переосмысленная лексема «месть», как реляционная производная, результирующая эпизодически переживаемое состояние ненависти к врагу/захватчику. Незуальность трансформационных моделей аксиологического смещения можно наблюдать даже на уровне поверхностных структур, т.е. данный факт часто осознается и транслируется в произведениях самими авторами, например: *Казалось любовь и ненависть никак нельзя поставить дышком; знаете, как это говорится, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», вот у нас они впряжены и здорово тянут!* (<https://www.booksite.ru/fulltext/nauka/text.pdf>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Таким образом, контаминация метаконцептов осуществляется в рассматриваемых произведениях не только на основе ассоциативной смежности, но и посредством интенционального эмоционального оксюморона, в некоторых случаях включающего этимологически родственные номены.

В традиционном восприятии один из ядерных ситуативных вербализаторов метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ – «месть» не обладает корреляциями с возвышенной позитивной интерпретацией в аксиологической системе русского мира: **МЕСТЬ**, и, *мн.* нет. *ж.* Намеренное причинение зла, неприятностей... (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>). Большой частью экспликации подвергаются дерогативные элементы, транслирующие интенцию актора в реализации злодеяния. В исходном поле положительной оценки функционирует только лексема «возмездие», что и закреплено в большинстве довоенных словарей: **ВОЗМЕ'ЗДИЕ**, я, *мн.* нет, *ср.* (книжн.). Отплата, мзда, кара, наказание за какой-н. поступок. *Заслуженное возмездие* (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Послевоенные словари демонстрируют закрепленность компонента «справедливость» в наиболее часто встречающемся вербализаторе: **МЕСТЬ**, -и, *ж.* Действие в отплату за причиненное зло, возмездие за что-нибудь (Ожегов, 1952, с. 316). Репрезентация рассматриваемого метаконцепта даже в базовом исходно дерогативном вербализаторе формирует интерпретативное пространство в трех векторных проекциях, которые отражают в темпорально-контактной рефлексии как объективную, так и ментальную реальность и схематизацию модельного восприятия прецедентного феномена (Демьянков, 1994, с. 72).

Один из векторов модификации может быть обозначен как эпизодический, эксплицирующий в рамках конситуативной интерпретации vindиктивную направленность действия, затрагивающего гедонистические и эстетические компоненты оценивания собственного деяния. В одной из доминантных, этимологически маркированных форм оно представляет собой некое общепризнанное, но обусловленное инстинктивными реакциями поведение, эксплицирующее библейское прецедентное высказывание «око за око, зуб за зуб» (Исход, 21, 24). Со всей очевидностью именно данный схематизм может непосредственно обеспечить выживание индивида, а в вертикальном контексте ВОВ – и целого лингвокультурного сообщества (Лоренц, 1994). Только внеситуационное и традиционное понимание дерогативного компонента «оплата злом за зло, обидой за обиду, злопамятство» (Даль, 1979, Т.2, с. 321) оказывается не работающим в случае введения лексемы «месть» в прецедентный мир «Великая Отечественная война», что требует от реципиента приложить некоторые ментальные усилия для распрямления дополнительных коннотативных элементов.

Именно на основе подобного ситуативно маркированного описания и производится внедрение компонентов, аргументирующих позитивность отмщения как модельной реакции на зверства оккупантов.

Аргументация в данном случае зачастую осуществляется на основе модификации устойчивых выражений, подкрепляющих социокультурную маркированность и коллективную значимость данной области содержания метаконцепта: *Ну что ж, **отольем немцу наши слезки...*** (Толстой, 1986, с. 426) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Т.е. в данном примере доминантными становятся осознаваемые всеми реципиентами обертоны «расплаты», но также в форме активного залога *отольем* реализуется интенциональность и персонифицированность модельного действия. Пассивность в неотвратимости мести сменяется активностью, которая призвана сформировать у реципиента необходимость свершать возмездие. А такая необходимость всегда осознается не просто в качестве легитимизированной самой жизнью (реальной действительностью войны), но и личными приоритетами субъекта мщения: *...мы просим разрешения нам **кровью расплатиться с фашистами...*** (Толстой, 1986, с. 426) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Подчеркнем доминантную характеристику компонента «осознанность» выбора девиантной модели как необходимости достижения «высшей цели». При внедрении обертонов понимания всех возможных последствий и учете объективных предпосылок для модельного действия отчетливо прослеживается наличие темпорально-дистантной рефлексии, которая маркируется в текстах ВОВ вербализаторами ментальной работы, при этом они могут иметь как инкоативные, так и дуративные семы: ***Все обдуманно! Начнем мстить, Андрей...*** (Толстой, 1986, с. 426) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном случае демонстрируется четкая последовательность нарастания народного гнева и трансформация его в предельные формы социокультурно значимого мщения, которое выходит за рамки понимаемой традиционно «мелкой» мести индивидуального характера и становится именно «возмездием».

Необходимость схематического поведения, уничтожения врага для реализации не волюнтаристического, а предписанного вертикальным контекстом объективной реальности возмездия эксплицируется в примерах, которые напрямую нивелируют вариативность: ***Ничего уже нельзя сделать. Можно только мстить*** (Бакланов, 1979, с. 69) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Подобные фаталистические высказывания снимают всякую альтернативу для избрания иного чем «священная месть» пути для советского человека, который столкнулся с самой жизнью поставленной перед ним задачей, решить которую возможно лишь одним способом. Оправдание подобного решения основывается не на аргументации, а на маркировании компонента «безвыходность», ассоциировании его на интуитивной основе с обоснованной научной концепцией естественного отбора, борьбы за выживание.

Знай: никто его не убьет,

Если ты его не убьешь

(<https://www.culture.ru/poems/32889/ubei-ego-esli-dorog-tebe-tvoim>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Идеологизируемые компоненты метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ формируются и закрепляются в действующем уже на протяжении нескольких десятилетий прецедентном высказывании «Есть не ты, то кто?», ставшее девизом ВДВ в несколько трансформированном виде «Никто, кроме нас!». При этом подобное осмысление облигаторности девиантного поведения и смещения компонентов из дерогативного в позитивное поле от мести к возмездию возникает именно в период Великой Отечественной войны и связано с прецедентным событием – «контрнаступлением под Москвой в 1942 году».

При смене основы интенсификации эпизодических компонентов метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ с осознанных на сферу нереализованного неосознанного желания, т.е. вытеснения аргументативных компонентов и превалирования бессознательного виндиктивного, схематизм реализует один из наиболее значимых вариантов экспликации психоэмотивной разрядки. Травмирующая ситуация (ужасы войны и гнев по отношению к противнику) создает дугу напряженности, снимаемую специфической формой «очуждения» – введению компонентов «обыденность», «сиюминутность», «ирония» в понимание мести. При реализации данного механизма актуализируется эпизодический компонент ассоциирующих обыденные представления о мирной жизни и эмпирически верифицируемое пространство личностного опыта с уничтожением врага: *А хорошо бы вот так – тюкать и тюкать колуном по немецким головам, чтобы кололись они, как стеклянные...* (Толстой, 1986, с. 424) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). В данном примере метафорический перенос каждодневного привычного действия (рубки дров) как сферы источника транслирует привычность и бессознательность убийства противника, что на основе разделенности узуальной интерпретации дистанцирует реципиента от чувственной и моральной стороны мщения. Кроме того, вербализатор волонтактивного пространства с позитивной семантикой *хорошо бы* переводит дерогативную оценку «убийства» в плоскость не просто оправданного действия, а желательного блага.

Безусловно, психоаналитическая конситуативная интерпретация стереотипного реактивного поведения используется в узуальном тексте достаточно редко, но в текстах предельной рефлексии, в которых главным становится не возможность четкой аргументации, детерминирующей экспликацию того или иного компонента, а психоэмотивные компоненты

личностного восприятия на основе фрустрационной агрессии (Berkowitz, 1989). Авторы зачастую прибегают к описанию внутреннего психоэмотивного состояния на основе внешних признаков, демонстрирующих степень фрустрации героя, избравшего в качестве модели поведения месть: Но вдруг он умолк, и лицо его мгновенно преобразилось: *смуглые щеки побледнели, под скулами, перекатываясь, заходили желваки, а пристально устремленные вперед глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел шедших по лесу от переднего края нашей обороны трех пленных немцев...* (<https://www.booksite.ru/fulltext/nauka/text.pdf>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

На основе интенсификации социально-интеракционистских компонентов, т.е. идеологически обоснованных пропагандой, однако не всегда интимизированных и отвечающих доминантам собственной аксиологической системы, ВОЗМЕЗДИЕ может интерпретироваться как некое принудительное действие (Tedeschi, Felson, 1994). Таким образом, модификация содержания рассматриваемого метаконцепта отражает диалектику взаимодействия социокультурной и эпизодической памяти в экспликации ценностно-нормативных установок русской картины мира. Эта дуальность, которая даже на базовом бессознательном уровне представлена в коллективном языковом сознании, направлена на внедрение в смысловое содержание метаконцепта как постоянно прирастающего новыми обертонами лингвокогнитивного феномена, элементов, конкретизирующих эмоциональные и логические основания интерпретации в русской лингвокультуре.

В рассматриваемом прецедентном мире «Великая Отечественная война» каждый из содержащихся в семантической структуре членов оппозиции коннотативных компонентов, диаметрально противоположных или же градационно детерминированных знаков-аксиологем, прогнозирует потенциал их употребления в прецедентных высказываниях на основе реляционных парадигм антонимии и синонимии: *Я не за месть, а за справедливое возмездие* (<https://www.youtube.com/watch?v=RF1sfBx0zsc>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Именно при подобном понимании интенциональной амфиболии в ситуативной репрезентации возмездия возможным становится аксиологический сдвиг, о котором говорилось выше, проникновение в структуру темпорально-контактного вербализатора «месть» компонентов позитивизации и трансформации данного концепта (МЕСТЬ) в вербализатор метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ: *...со сладким мстительным чувством он дал из пулемета длинную очередь по немцам* (Бакланов, 1979, с. 69) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Однако присутствие псевдоаргументативных личностных обертонов все же эксплицируется посредством эпизо-

дической сенсibiliзации, которая основана на общепринятом, закреплённом в языке устойчивом сочетании «сладкая месть».

Различные компоненты социокультурного моделирования в рамках исторического конситуативного варьирования приводят к объективной необходимости порождать эвфемистические высказывания. Этот механизм вербализации идеологизированного концепта способствует внедрению в содержание метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ метафорической составляющей, которая в качестве обобщающего и систематизирующего фактора когнитивной работы эксплицирует помимо нейтральных процессов обоснования мести как архетипического противостояния «светлого и тёмного начал» (Панарин, 2002, с. 211) косвенные эпизодические компоненты соотношения источника и таргета. Именно на основании ценностно-ориентационной системы русской картины мира, которая изначально осуждает месть как некое проявление личностного произвола, эвфемизация позволяет соотнести возмездие с легитимизированным поведением в рамках более широкого понимания «экономических» отношений: *Пусть-ка немцы уплатят эту цену за батальон панфиловцев* (Бек, 1960, с. 194) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Такое понимание «справедливого возмездия» как возвращения долга перед родиной, соотечественниками, а не только «уплата» отдельно «ущемленной» личности имплементирует социокультурный компонент «взимания платы» в аксиологическое пространство каждого представителя лингвокультурного сообщества. Сходными характеристиками обладает сфера «поучение» как ключевой компонент мщения, при этом «обучение» должно происходить при каждом удобном случае, даже в обстановке близкой к мирной жизни, например, в рассказе Г. Я. Бакланова противника – «двух полуголых немцев» – расстреливают во время купания: *– Вот так их учить!* – сказал Гончаров, и голос у него был хриплый. – *А ты как думал?* (Бакланов, 1979, с. 432) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Неслучайно множество героев произведений ВОВ, осуществляющих справедливое возмездие, является учителями или же выступают в данной актуальной роли: *Екатерине Павловне выгодней было остаться здесь – для связи с партизанскими группами и подпольными организациями <...> лучше Екатерине Павловне <...> устроиться учительницей в одном из ближайших сел* (Фадеев, 2017, с. 351) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Подкрепление важности идеологической «воспитательной» составляющей в процессе возмездия осуществляется не в легитимизации мести, а в подчеркивании главенства именно дидактических функций: *В нашей стране, <...>, учитель – это первый человек* (Фадеев, 2017, с. 326) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Параллельно с интенсификацией метафорических компонентов содержания в конситуативной интерпретации дерогативного пространства

данного метаконцепта происходит актуализация социокультурного компонента – «запоздалое раскаяние» – строится на переосмыслении в рамках конситуативной интерпретации прецедентной фразы «Гром не грянет, мужик не перекрестится» (Ожегов, 1952, с. 124): *Это они сейчас за голову схватились, когда **расплата нависла*** (Бакланов, 1979, с. 243) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Аллюзивная отсылка к данному типу раскаяния легитимизирует компонент неизбежности возмездия на основе свободного связывания народного негодования с неотвратимыми силами природы, которым невозможно противостоять. Данные смыслы не только получают постоянное рефренное подкрепление в традиционной узуальной интерпретации, но адекватно воспринимаются всеми членами лингвокультурного сообщества благодаря устоявшимся схематизмам вербальной презентации.

Аксиологические компоненты оценивания мести как справедливого и закономерного исхода для человека, творящего зло, сохраняются в условиях описания «преходящих» военных успехов противника: *...что касается победы, так мы ее у фашистов вместе с горлом вынем...* (<https://www.booksite.ru/fulltext/nauka/text.pdf>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Социокультурные компоненты неотвратимости возмездия, наличествующие в качестве коннотем даже в контекстах описания торжества и побед класса «чужих», интенсифицируются посредством анимализации мести как некоего «крадущегося» и «разящего» в самый неожиданный момент «зверя». Дерогативная область оценивания инокомпонентов ценностной системы позволяет ввести концептуализированное понятие «отмщение» как синоним «неизбежности смерти»: *Месть шла за ним по пятам, днем и ночью... Месть преследовала его в образе юноши, почти мальчика, быстрого, как кошка, с глазами, которые видели даже во тьме* (Фадеев, 2017, с. 392-393) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Такие анимализмы характерны не только для непосредственной витализации возмездия, но и для косвенной имплементации личностных эпизодических компонентов положительного оценивания результатов возмездия, которое осуществляется на базе темпорально-контактной рефлексии: *Я по-прежнему ощущал, что прищемил врагу хвост* (Бек, 1960, с. 228) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Оценка мести как положительного деяния, которое формирует доминанту жизненного пути каждого советского человека, производится, главным образом, на основе прямой семантизации в качестве «достойного» поведения: *«Я достойно отомстил за Ванюшку», – думал Сергей...* (Воробьев, 1987, с. 121) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Данный компонент нивелировки насилия как определяющего фактора мщения и возведения в Абсолют мифологизированного обертона

«установление мира» посредством виндиктивного потенциального является одним из факторов сдерживания агрессии (Girard, 1972). Концептами-заместителями ядерной зоны метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ в данном случае выступают аллюзии к жертве, а жертвоприношение как мифологизированная ситуативная разрядка реализует миротворческую функцию: «*Что это, страх или инстинктивное сознание пользы жертвы? – мелькнуло у Алексея. – Лучшие это самим, чем они нас... раненых... в плен*» (Воробьев, 1987, с. 51) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Жертва или самопожертвование конситуативно интерпретируются на основе элементов «жизнеутверждения», «воскресения», что создает социокультурную основу понимания возмездия как доминантного мотива к жизни и возвращению: *Я должен был вернуться в строй бойцов за родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!* (<https://www.booksite.ru/fulltext/nauka/text.pdf>) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Жизнеутверждающие компоненты неслучайно проявляются в контаминированном метаконцептуальном пространстве, они имеют наибольший объяснительный потенциал для схематизации в русской картине мира действий, обусловленных человеческим характером, а не абстрактными мифологизированными в традиции нормами, коими являются религия, идеология и т.д.

Так как конситуативная интерпретация каждой прецедентной ситуации обязана включать стереотипно понимаемый сюжет и вариативно осуществляющие взаимодействие актаны (Демьянков 1994), то для ее вербализации при темпорально-контактной рефлексии, которая опирается на дискурсивный тип мышления, достаточной является отсылка лишь к одной составляющей, способной в качестве некоего символа вызвать к жизни динамические процессы ситуативного развертывания смысла. Этот дискурсивно обусловленный факт, не только подвергается эмпирической верификации, т.е. наличествует в опыте своем или знакомых, но и имеет силу в рефлексивной реальности ввиду его присутствия в прежней лингвокогнитивной деятельности представителей лингвокультурного сообщества, а значит, является основой для создания схематического восприятия и действия в определенной ситуации (Алефиренко, 2002). Как и преданность, месть может служить формированием постповедения совершенно иного характера. Так, эпизодический компонент отмщения может выполнять функцию основания реализации духовных порывов и стремлений: *Я же руку намну, погуляв клинком по немецким шеям, как было в феврале, и этой же рукой пишу стихи...* (Толстой, 1986, с. 423) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). На основании данного отрывка можно сделать вывод об имплементации в структуру метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ не только во-

люнгативных компонентов наряду с элементами «обыденность», но и о расширении пространства стереотипизации, создании модельности поведения, осуществляемой на основе окказионального трансформированного устойчивого выражения *руку намну* (ср. *набить руку* – о формировании автоматизма в каком-либо процессе). Введение же ассоциатов со сферой возвышенного духовно детерминированного «ремесла» – стихосложения – выводит конситуативную интерпретацию комплексного вербализатора метаконцепта на новый уровень осознания компонентов «одухотворенность» и «благословение свыше» на осуществление мести.

Сходные приемы можно проследить в условиях ситуативного контрастирования, создающего на основе эффекта обманутого ожидания специфические формы диссонанса двух полярных областей аксиологической шкалы. Так осуществляется нивелировка исходных обертонов, вводящих один из базовых вербализаторов метаконцепта МЕСТЬ в поле дерогации, и имплементация элементов положительного оценивания при помощи параллельного использования маркеров позитивной области: *Это говорила их надежда и месь... (Фадеев, 2017, с. 450) (выделено нами. – Т.Б., А.П.)*. Подчеркнем, что подобный механизм контаминирования различных лингвоконцептуальных областей весьма характерен для русской лингвокультуры, – из *надежды на справедливость* органично может быть интерпретирована и закреплена в рамках устойчивого выражения *надежда на возмездие/воздаяние* как осуществление «высшей справедливости».

Каждая из «высших целей» а priori является достижимой лишь в мечтах, особенно в условиях, жестко ограничивающих её реализацию, как это происходит в прецедентном мире «Великая Отечественная война». В связи с этим именно компонент прогнозирования «мечты» о будущем отмщении является одним из наиболее значимых в структуре рассматриваемого метаконцептуального пространства. Имплементация онейрических компонентов и суперфиксация на мести как «высшей цели» ситуативно обусловленного существования во время войны реализуется посредством введения в высказывание прогрессивной экстраполяции: *Он их ненавидел сейчас и придумывал, как со временем, когда у него все будет, а у них не будет ничего и они прилетят к нему, как он им отомстит... (Бакланов, 1979, с. 69) (выделено нами. – Т.Б., А.П.)*. Как видно из данного примера, темпорально-контактная рефлексия оценивания противника на основе эпизодических компонентов ненависти *ненавидел сейчас* органично перетекает в темпорально-дистантное прогнозирование ситуации отмщения, при этом вводится волонтактивный компонент ожидания условий осуществления возмездия.

Прогнозирование результатов мести как необходимого условия контаминируемого метаконцептуального пространства ПОБЕДА ведет к идеологизации социокультурных компонентов как личностного, так и коллективного призыва к мести. Наиболее эффективными способами идеологизации ВОЗМЕЗДИЯ являются приемы, внедряющие компоненты облигаторного действия, создаваемые перформативностью высказываний: – *Товарищи, я умираю, уничтожайте немцев, клянитесь мне...* (Толстой, 1986, с. 448) (выделено нами. – Т.Б., А.П.). Т.е. сама ситуация принесения клятвы обязует каждого представителя советского народа реализовать её действием в объективной реальности. Подкрепление находит не только «обещание мстить», данное живым товарищам по оружию, но и клятва уже ушедшим, которые рефреном, самой своей жертвой призывают к отмщению за зло, причиненное не им, но всему человечеству: *...молчаливо и грозно шлют проклятия убийцам, высунув из-под снега руки, словно заеща мстить, мстить, мстить!..* (Воробьев, 1987, с. 71) (выделено нами. – Т.Б., А.П.).

Таким образом, можно заключить, что ядерные vindиктивные компоненты метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ в пространстве исследуемой лингвоконцептуальной области русской картины мира на основе переосмысления, детерминированного именно элементами эпизодической памяти, меняются на волюнтаривные. При этом модификация содержания языковых репрезентантов происходит на основании трех уже известных векторов расширения или конкретизации генерализованного смысла: 1) эпизодического (актуализации компонентов личностной заинтересованности), 2) исторического (акцентуации метафорического переноса на несмежные области человеческой деятельности) и 3) идеологического (создания волюнтаривного пространства достижения «высшей справедливости» на основе доминантных аксиологем русской картины мира).

Заключение

В предлагаемой монографии был осуществлен герменевтико-семантический анализ языковых экспликаторов социокультурных и эпизодических компонентов в одной из наиболее репрезентативных лингвоконцептуальных областей русской картины мира – прецедентном мире «Великая Отечественная война».

Прецедентный мир «Великая Отечественная война» не только представляет собой особую аксиологически маркированную лингвоконцептуальную область русской картины мира, но и формирует специфическое пространство конситуативной интерпретации. Способы взаимодействия коллективного мировоззрения и индивидуального мировосприятия в нем выстраиваются в иерархию, реализующую потенции к трансформированию моделей восприятия и оценивания ключевых аксиологем русской лингвокультуры. Пространство предметных содержаний (перцептов), эксплицированных в произведении конкретным продуцентом, приобретает социокультурную значимость для всех представителей лингвокультурного сообщества, становясь основой для формирования апперцепта, заданного доопытным путем. Однако и формирование элементов мировосприятия, которые не могут в полной мере создать адекватную картину мира, не происходит вне участия предданных, заполнение отсутствующих в эмпирике представлений о прецедентных феноменах происходит посредством изъятия из области конвенционализированных представлений, т.е. из мировоззренческого пространства. Именно подобная надстройка, базирующаяся на компаративных принципах усмотрения коллективной значимости мировидческих элементов, интимизирует авторскую интерпретацию событий и вводит новую модель толкования в общекультурное пространство русской картины мира.

Амбивалентный характер рецептивно-интерпретативной деятельности в художественном пространстве позволяет потенциальному реципиенту в качестве обезличенного, усредненного представителя определенной лингвокультуры, а также в рамках индивидуально-центрического восприятия, актуализировать введенные в тексте мировоззренческие и мировидческие представления, формируя эпизодический опыт посредством социокультурного, репрезентированного в призме личностного авторского преломления. В рамках изучения способов представления личностного

мировосприятия в художественном тексте была разработана квадранглическая модель рецептивно-интерпретативной художественной деятельности, учитывающая все объективно существующие элементы обеспечения художественной рецепции-интерпретации в рамках единого прецедентного мира.

Вертикальный контекст исторической эпохи и социальных потрясений, влияющий на расширение отдельных компонентов ценностно-ориентационного пространства русской картины мира, в годы Великой Отечественной войны характеризуется как основа единения в аспекте формирования и трансляции идеологизированного разделенного восприятия и интерпретации, демонстрирует высокую степень взаимовлияния элементов экспликации социокультурной и эпизодической памяти. Данный факт объясняется преимущественным совпадением мировидческих и мировоззренческих пластов в языковом отражении русской картины мира. Восприятие новых ценностных ориентиров в рамках конкретного прецедентного мира «Великая Отечественная война» отличается от традиционных моделей и демонстрирует примат нетривиальных способов интимизации аксиологических компонентов. Свойственные рассматриваемому прецедентному миру механизмы интимизации базируются на внедрении ситуативно-каузативных темпорально-контактных прецедентных феноменов, т.е. обязаны обладать возможностью первичной эмпирической верификации. На фоне актуализации неузуальных способов традиционные социокультурно маркированные лексемы-репрезентанты теряют или же снижают уровень значимости, а соответственно, и представленности в ядерной области оценки и заменяются конситуативно модифицированными интенсионально созданными.

Базовой характеристикой аксиологического пространства исследуемой лингвоконцептуальной области является сокращение градационной шкалы в оппозиции «хорошо – плохо» до двух полярных сфер. Нивелировка феноменов, оцениваемых как переходные или же трудно определяемые, является следствием действия темпорально-контактной рефлексии, механизмы которой не позволяют в социально-культурном или ситуативно-контекстуальном значении вербализовать оттенки градации оцениваемого события, что влечет за собой употребление лексем, репрезентирующих предельные позитивные и дерогативные области. Интенсификация и прогнозирование векторов оценивания описываемых событий осуществляется на основе введения самим автором интимизирующих компонентов, которые, имея форму привязки к личностному пространству, могут интерпретироваться в качестве обобщающих – недифференцирующее «я»),

---

которое истолковывается всеми членами лингвокультурного сообщества как собственное «я», – «Я» целого народа.

При идеологической сакрализации формируется специфическое пространство советского неомифа, что сближает модели конситуативной интерпретации текстов ВОВ с эпическими и мифическими текстами. Ведущая роль в данном процессе отдается пропаганде, действующей по модели мифологического времени – «здесь и сейчас», а значит, всегда, что направлено на прогнозирование восприятия ключевых вербализаторов метаконцептов в «нужном», «правильном» ключе.

В художественных текстах, призванных сформировать на начальном этапе основы аксиологии прецедентного мира «Великая Отечественная война», происходит смещение аксиологических координат базовых метаконцептов русской картины мира ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ВЕРА, ЕДИНСТВО и создание новых модифицированных метаконцептов ПОБЕДА, ВРАГ, ВОЗМЕЗДИЕ на основе уже существовавших вербализаторов с совершенно новой иерархической структурой и ценностью. Создание данного ценностно-ориентационного пространства основано не на темпорально-контактной рефлексии как примарно-эмотивном способе аргументации, но и на привлечении темпорально-дистантного сравнения. В зависимости от типа рефлексии в текстовом пространстве языковую репрезентацию получают либо эпизодические, либо социокультурные компоненты соответственно. На основе анализа наличных языковых маркеров остранения или интимизации можно сделать вывод о формировании отсылки к социокультурной семантической памяти всего сообщества, что дает возможность модифицированным или намеренно созданным эпизодическим компонентам концептуализироваться и проникнуть в русскую картину мира. Социокультурная интенсификация происходит в рамках трех пластов внедрения тех или иных компонентов значения доминантных лексем-репрезентант: 1) актуализация базовых характерологических признаков (ядерная область), 2) интенсификация сопутствующих неактуальных признаков глубинной структуры (этимологическая или историческая область приядерного окружения), 3) акцентуация периферических релятивных компонентов (свободные индивидуальные или конситуативные ассоциаты).

С учетом того факта, что прецедентный мир представляет собой специфическое, тематически и темпорально детерминированное лингвоконцептуальное пространство русской картины мира, он должен основываться на выявлении, категоризации и концептуализации прецедентных феноменов различного порядка, наличествующих как в объективной реальности, так и в ментальном психоэмоциональном пространстве. Тема-

тический и статистический анализ позволил выделить следующие области языковой и текстовой актуализации прецедентных феноменов «Великой Отечественной войны»: 1) прецедентные имена и субъекты, 2) прецедентные события и факты, явления, 3) прецедентные тексты и высказывания, 4) прецедентные символы.

Прецедентные имена и субъекты в данном пространстве русской картины мира имеют как эпизодическую акцентуацию, так и общекультурную маркированность в тексте. Таковыми являются, во-первых, именование подразделений и формирований, характерных для воссоздания реалистичного хронотопа Великой Отечественной войны, интимизирующие описываемые события; во-вторых, конкретные эпизодико-ситуативные персоналии участников военных действий; в-третьих, концептуализированные антропонимы героев, военачальников, политических деятелей, как конкретные, так и генерализованные (собирательные образы).

В подавляющем большинстве случаев экспликация дерогативных компонентов полярной аксиологической шкалы в условиях темпорально-контактной рефлексии осуществляется на основе двух моделей: 1) остранинное иронизирование над событиями, чаще всего имеющими персонифицированную привязку к инвективным ситуативным номенам (фриц, фашист, немец); 2) экспликация интимизированных компонентов конкретной ситуации (ассоциация с личным опытом при столкновении со «зверствами» оккупантов). Актуализация положительных элементов происходит в пространстве генерализованного или интимизированного описания класса «своих», т.е. в произведениях ВОВ в условиях пропаганды и необходимости идеологизации обертонами одобрения реального или ментального действия наделяются только феномены, относимые к советскому народу и государству. Т.е. позитивный полюс градационной шкалы обладает наибольшим потенциалом к выражению компонентов именно социокультурной памяти.

Позитивный полюс шкалы оценивания эксплицируется в основном генерализованными идеологизированными ядерными вербализаторами метаконцептов ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ, СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ/НАРОД, ВОЗМЕЗДИЕ. Негативный полюс же находит свое выражение в репрезентантах метаконцептов ВРАГ, ПРЕДАТЕЛЬСТВО. Пограничное пространство структурирования прецедентного мира «Великая Отечественная война» интенсифицируется в зависимости от области констатирующей интерпретации аксиологом отношения в языковых единицах, эксплицирующих метаконцепты СМЕРТЬ, НЕНАВИСТЬ.

Таким образом, архетипическая оппозиция «свой – чужой» в конкретной лингвоконцептуальной области русской картины мира входит в резонанс с аксиологической градационной шкалой «хорошо – плохо» и получает языковую экспликацию в вербализаторах эпизодически и социокультурно маркированных метаконцептов. Дерогативное пространство интенсифицируют лингвокультурно и исторически лексемы-репрезентанты *враг, противник, оккупант, фашист, немец, убийца, зверь, нечеловек, выродок* – в области экспликации метаконцепта ВРАГ. Смешанно ситуативно детерминируемое пространство представлено вербализаторами метаконцепта СМЕРТЬ: *смерть, гибель, убийство* – иррадирующие в ассоциаты *злоба, удар*, которые призваны расширить понимание *смерти врага* или *смерти, причиняемой врагом*, как негативного культурного феномена. В то же время положительные обертоны выводятся в ядерное пространство вышеозначенных лексем-репрезентант в случае ассоциирования *наказание, расплата, неизбежность, жертва, честь*. Кроме того, в лексической системе образуется промежуточное поле контаминации, представленное лексемами вариативной семантики в анализируемом прецедентном мире: *неизвестность, скука, проверка, страх*.

Анализ динамики содержательной структуры метаконцепта СМЕРТЬ, репрезентирующего в прецедентном мире «Великая Отечественная война» множество разнонаправленных феноменов и событий, дал следующие результаты относительно характеристики процессов концептуализации и идеологизации единиц, входящих в ядро социокультурно маркированной области русской картины мира. Метаконцепт «СМЕРТЬ» в процессе интенсификации социокультурной памяти демонстрирует два типа трансформации содержательной структуры: 1) эпизодический (актуализация конкретизаторов каузации, формации, осознания, обыденности), 2) идеологический (актуализация конкретизаторов аксиологичности, фатализации, публичности). На основе анализа вербального представления метаконцепта ПОДВИГ/ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ в исследуемом прецедентном мире можно выделить следующие основные типы модификации структуры: 1) эпизодический, связанный в основном с актуализацией личной градационной шкалы героического действия, 2) исторический, который базируется на интенсификации степени значимости для победы, определяемой как «высшая ценность» народа и 3) идеологический, определяемый актуализацией социальной роли лица способного к совершению данного типа действия как необходимого и осознанного. В результате анализа отдельных обертонов экспликации эпизодической памяти в процессе динамического развития содержания концептов (на примере социокуль-

турного метаконцепта ВРАГ) можно сделать вывод о ассоциативно-компаративной природе порождаемого генерализованного смысла метаконцепта. Трансформации ядерной области культурного метаконцепта ВРАГ осуществляется на основе перемещения исходного компонента архетипической оппозиции «свой – чужой» и исторического эвиденциального компонента «противник» в категорию сопутствующих, но не релевантных в актуальной структуре. Модифицированные личностные обертоны «зверь», «неперсонифицированная масса», «идейный враг» входят на основе механизмов ассоциативного метафорического расширения и сужения области семантизации в ядерную зону. Ядерные виндиктивные компоненты метаконцепта ВОЗМЕЗДИЕ в пространстве исследуемой лингвоконцептуальной области русской картины мира на основе переосмысления, детерминированного именно элементами эпизодической памяти, меняются на волюнтаривные. При этом модификация содержания языковых репрезентантов происходит на основании трех уже известных векторов расширения или конкретизации генерализованного смысла: 1) эпизодического (актуализации компонентов личностной заинтересованности), 2) исторического (акцентуации метафорического переноса на несмежные области человеческой деятельности) и 3) идеологического (создания волюнтаривного пространства достижения «высшей справедливости», на основе доминантных аксиологем русской картины мира).

Перспективу дальнейшей работы мы видим в применении концепции вариативной языковой реализации социокультурных и эпизодических компонентов к текстам, репрезентирующим иные прецедентные миры русской картины мира. Кроме того, весьма широкими возможностями и объяснительным потенциалом обладает иерархическая модель структурирования метаконцепта, на основе которой входящие в него концепты градуируются по степени соответствия векторам интерпретации значимых компонентов в обществе.

Библиографический список

1. Александрова О.В. Когнитивно-дискурсивные технологии в интерпретации языка и речи / О. В. Александрова // Когнитивные исследования языка. Серия Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. – 2015. – № 23. – С. 59-63.
2. Алефиренко, Н. Ф. Модусные концепты и языковая семантика / Н. Ф. Алефиренко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 1 (17). – С. 62-73.
3. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 391 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
5. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слов / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
6. Аникин, Д. А. Топология коллективной памяти: от социальных рисков к цивилизационным вызовам / Д. А. Аникин. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – 163 с.
7. Анисимова, Е. Е. Рецепция русской литературной классики на рубеже XIX-XX веков: к постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 6 (84). – Ч. 2. – С. 230-233.
8. Артюшков, И. В. Аспекты исследования внутренней речи / И. В. Артюшков // Филологические науки. – 1997. – № 4. – С. 66-75.
9. Афанасьева, Л. И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян / Л. И. Афанасьева, В. И. Меркушин // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – С. 11-22.
10. Ахиджакова, М. П. Категория ценность как способ объективации смыслового пространства языка / М. П. Ахиджакова, О. В. Литвяк // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – № 1 (212). – С. 65-69.
11. Бабенко, Л. Г. Концепт и концептосфера в аспекте моделирования / Л. Г. Бабенко // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов (26-28 сентября 2006 г.). – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. – С. 39-42.

12. Базылев, В. Н. Синергетика языка: овнешнение в гадательных практиках / В. Н. Базылев. – М. Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1998. – 180 с.

13. Бакланов, Г. Я. Автобиография / Г. Я. Бакланов // Писатели России: автобиографии современников. – М.: Гласность, 1998. – С. 65-66.

14. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.

15. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.

16. Бельчиков, Ю. А. Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны / Ю. А. Бельчиков // Филологические науки. – 2000. – № 6. – С. 46-55.

17. Белянин, В. П. Что структурируют литературные тексты / В. П. Белянин // Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник статей. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2003. – С. 193-205.

18. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман / пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

19. Бергсон, А. Избранное: сознание и жизнь / А. Бергсон / пер. с фр. И. И. Блауберг. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 399 с.

20. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – СПб.: Лениздат, 1992. – 399 с.

21. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

22. Боров, Ю. Эстетика / Ю. Боров. – М.: Политиздат, 1988. – 469 с.

23. Борисова, Т. Г. Роль деривационных механизмов в развитии языка / Т. Г. Борисова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 363-367.

24. Бредихин, С. Н. Герменевтико-ноэзматическая обусловленность звукового состава лексем / С. Н. Бредихин // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 3. – С. 72-75.

25. Бредихин, С. Н. Игровое смыслопорождение на грани и за границами языка / С. Н. Бредихин // European Social Science Journal. – 2013. – № 8-2 (35). – С. 237-244.

26. Бредихин, С. Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы) [Электронный ресурс] / С. Н. Бредихин // Современные проблемы науки и образования. – 2013 а. –

№ 1. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8484> (Дата обращения 09.07.2021 г.).

27. Бредихин, С. Н. Стратегии усмотрения и распределечивания смысловых конструкторов в аспекте понимания и в-живания / С. Н. Бредихин, Р. С. Аликаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 2 (47). – С. 123-128.

28. Бредихин, С.Н., Трансформации структуры концепта в процессе локализации компьютерных игр с элементами жанра фэнтези / С. Н. Бредихин, А. А. Леонов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 1. – С. 70-76.

29. Бредихин, С. Н. Бикультурная интерпретация аксиологического содержания метаконцепта ПОБЕДА/SIEG / С. Н. Бредихин, А. Н. Печенюк // Российский журнал исследований билингвизма. – М.: ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021. – № 2. – С. 17-23.

30. Буянова, Л. Ю. Дискурс: социокоммуникативные и культурогенные параметры интерпретации / Л. Ю. Буянова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 1 (25). – С. 7-14.

31. Буянова, Л. Ю. Лингвоконфессиональные и лингвокультурные параметры исследования сильной русскоговорящей языковой личности / Л. Ю. Буянова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2017 а. – № 22 (3). – С. 8-10.

32. Буянова, Л. Ю. Вербальная репрезентация понятия «жизнь»: концептуально-аксиологический аспект / Л. Ю. Буянова, В. В. Резуненко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 2 (26). – С. 66-72.

33. Бэндлер, Р. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий / Р. Бэндлер. – Воронеж: МОДЭК, 1995. – 255 с.

34. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 280 с.

35. Васильев, А. Д. Историко-культурный аспект динамики слова / А. Д. Васильев. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 1994. – 196 с.

36. Вережкина, О.А. Особенности исторической памяти молодежи о событиях Великой Отечественной войны / О.А. Вережкина, М.А. Колповская // Молодой ученый. – 2015. –№ 19 (1). – С. 87-90.

37. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.

38. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф / вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и И. И. Чельшевой / изд. 3-е изд., стер. – М.: URSS, 2005. – 259 с.

39. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 5-12.

40. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.

41. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

42. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 480 с.

43. Говорухин, С. С. Месть надо подавать холодной [Электронный ресурс] / ОПТ (27 февраля 2004 г.). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RFIsfBx0szc>

44. Гриценко, В. П. Социальная память и механизмы культурной трансляции / В. П. Гриценко // Информационная культура специалиста: Гуманитарные проблемы: межвузовская научная конференция (Краснодар – Новороссийск, 23–25 сентября 1993 г.): тезисы докладов. – М.: МГИК, 1993. – С. 16-17.

45. Гришаева, Л. И. «Прецедентные феномены» как культурные скрипты (к типологии прецедентных феноменов) / Л.И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 15-46.

46. Гусар, Е. Г. Смена или смешение парадигм? К вопросу о современной системе ценностей / Е. Г. Гусар // Человек – коммуникация – текст: сборник статей / отв. ред. В. В. Копчева. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2008. – Вып. 8. – С. 31-38.

47. Даниленко, И. А. Авторские двудерные художественные концепты / И. А. Даниленко // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2 (37). – С. 63-72.

48. Демьянков, В. З. Когниция и понимание текста / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 5-10.

49. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 35-47.

50. Демьянков, В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка / В. З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке: сборник научно-аналитических обзоров. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1994. – С. 32-86.

-
51. Дзюба, Е. В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дзюба Елена Вячеславовна. – Екатеринбург, 2001. – 255 с.
52. Жинкин, Н. И. Язык. Речь. Творчество / Н. И. Жинкин. – М.: Лабириント, 1998. – 364 с.
53. Залевская, А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека / А. А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1977. – 83 с.
54. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
55. Звада, О. В. Фрейм «Morality» и его объективация в языке (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Звада Оксана Викторовна. – Иркутск, 2003. – 173 с.
56. Иванов, В. П. Мировоззрение как форма сознания, самоопределения и культуры личности / В. П. Иванов // Мировоззренческая культура личности: философские проблемы формирования. – Киев: Наукова думка, 1986. – С. 10-88.
57. Иванов, А. В. Университетские лекции по метафизике / А. В. Иванов, В. В. Миронов. – М.: Современные тетради, 2004. – 647 с.
58. Изотова, Н. В. Внутренняя речь и внутренний диалог в прозе А. П. Чехова / Н. В. Изотова // Текст. Структура и семантика. Доклады Международной научной конференции (Москва, 02–03 декабря 2016 г.). – М.: Российский новый университет, 2017. – С. 33-38.
59. Изотова, Н. В. Концепт «воля» / Н. В. Изотова // Концептосфера А. П. Чехова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. – С. 357-366.
60. Изотова, Н. В. Речеповедение как представление мира персонажей в рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья» / Н. В. Изотова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2019. – № 1. – С. 12-18.
61. Ингарден, Р. Исследования по эстетике / Р. Ингарден. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 552 с.
62. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
63. Касевич, В. Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса / В. Б. Касевич // Actes du Congrès international des linguistes XVI (Paris, 20-25 juillet 1997). – Amsterdam: Elsevier, 1997. – P. 256.
64. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные тра-

диции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1986. – С. 105-126.

65. Каушанский, П. Л. К проблеме соотношения культуры и религии / П. Л. Каушанский // Язык и культура: доклады второй международной конференции. – Киев: Киевский университет им. Т. Шевченко, 1993. – С. 3-12.

66. Качмазова, А. У. Когнитивные механизмы этностереотипизации «Своих» и «Чужих» / А. У. Качмазова, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 298-305.

67. Кашкарова, О. В. Фрейм «разрушение» и его репрезентация глагольными лексемами в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кашкарова Оксана Викторовна. – Белгород, 2006. – 183 с.

68. Кислицына, Н. Н. Концепция лингвистической коннотологии (когнитивно-дискурсивный аспект): дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Кислицына Наталья Николаевна. – Симферополь, 2021. – 460 с.

69. Козловский, В. П. Культурно-исторические традиции и мировоззрение личности / В. П. Козловский // Мировоззренческая культура личности: философские проблемы формирования. – Киев: Наукова думка, 1986. – С. 245-281.

70. Кольшева, О. Н. Концептуальное поле «Великая Отечественная война» в русской языковой картине мира (на материале солдатских писем, дневников и нарративов «детей войны»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кольшева Ольга Николаевна. – М., 2020. – 22 с.

71. Кольшева, О. Н., Чулкина Н.Л. «Два потока реки военного времени»: темпоральная структура нарратива о войне / О. Н. Кольшева, Н. Л. Чулкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 122-129.

72. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский / отв. ред. А. М. Шахнарович. – М.: УРСС, 2005. – 120 с.

73. Конецкая, В. П. Социология коммуникации / В. П. Конецкая. – М.: Международный университет бизнеса и управления (Братья Карич), 1997. – 302 с.

74. Корнев, С. Древняя Греция и «культ Великой Победы» [Электронный ресурс] / С. Корнев. – 2007. – URL: <http://www.ideologiya.ru/kommentarii/?komm==;l 162> (дата обращения: 19.06.2021 г.)

-
75. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской культурах / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 493 с.
76. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 350 с.
77. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
78. Кротова, Д. В. Природа в мировосприятии В. Шаламова: рецепция классических традиций и поэтическое новаторство / Д. В. Кротова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8 (62). – Ч. 2. – С. 21-25.
79. Крючкова, Н. В. Аспекты варьирования концептов / Н. В. Крючкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 22 (160). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 33. – С. 68-71.
80. Крячко, В. Б. Понятийные характеристики концепта «война» I в английской и русской лингвокультурах / В. Б. Крячко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. – 2007. – № 2. – С. 26-30.
81. Кузнецова, Т. Б. Традиции и новации в построении антропимического пространства рассказов Т. Н. Толстой / Т. Б. Кузнецова, Т. Г. Борисова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 113-119.
82. Лекомцева, Н. В. «Рек, озер, краса, глава, царица...» Волга как прецедентный знак русской культуры / Н. В. Лекомцева, Т. Н. Кожина // Русский язык за рубежом. – 2002. – № 3. – С. 32-40.
83. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Е. П. Ходакова, Л. М. Грановская, В. М. Филиппова и др. / отв. ред. Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
84. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман / пер. с англ. Т.В. Барчуновой, ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
85. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280-289.
86. Лоренц, К. З. Агрессия (так называемое зло) / К. З. Лоренц / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. – СПб.: Амфора, 2001. – 347 с.
87. Лотман, Ю. М. Феномен культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 34-45.

88. Макеева, М. Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Макеева Марина Николаевна. – Тверь, 2000. – 329 с.

89. Миловидов, В. А. Текст, контекст, интертекст: введение в проблематику сравнительного литературоведения / В. А. Миловидов. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1998. – 83 с.

90. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 280 с.

91. Павлович, Т. Семантика слов с корнями «-жи/в/-» и «-мер/мор-» в русском и сербскохорватском языках на фоне культурных концептов «жизнь» и «смерть»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Павлович Таня. – М., 1996. – 218 с.

92. Панафин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панафин. – М.: Алгоритм, 2003. – 541 с.

93. Пелевина, Н. А. Лингвокогнитивные механизмы объективации генерализованного содержания и актуализации интерпретативно-модальных компонентов эмоционального смысла / Н. А. Пелевина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 4 (32). – С. 98-104.

94. Печенюк, А. Н. Изменение структуры концепта ВРАГ в процессе внедрения компонентов эпизодической памяти / А. Н. Печенюк // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2021 а. – № 14. – С. 136-142 (0,75 п.л.).

95. Печенюк, А. Н. Интерпретативное пространство художественного текста как ключевой аспект интимизации содержания / А. Н. Печенюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021 б. – Т. 14. – Вып. 8. – С. 2415-2420. (0,65 п.л.).

96. Печенюк, А. Н. Реконцептуализация «смерти» в рамках прецедентного мира «Великая Отечественная война» в русской лингвокультуре (на материале лирического текста К. Симонова) / А. Н. Печенюк // Русский язык и литература в полилингвальном мире: вопросы изучения и преподавания (XVI Кирилло-Мефодиевские чтения): материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Карачаевск, 26-27 июня 2020 года). – Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2020. – С. 108-113 (0,3 п.л.).

97. Печенюк, А. Н. Специфика актуализации компонентов социокультурной и эпизодической памяти в произведениях Великой Отечественной войны / А. Н. Печенюк // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021 в. – № 2. – С. 240-249 (1,0 п.л.).

---

98. Печенюк, А. Н. Способы вербальной репрезентации ценностно-ориентационных компонентов прецедентных феноменов Великой отечественной войны / А. Н. Печенюк // Казанская наука. – 2021 г. – № 6. – С. 36-39 (0,35 п.л.).

99. Печенюк, А. Н. Актуализация культурных стереотипов о Великой Отечественной войне в людической коммуникации / А. Н. Печенюк, Л. Д. Бургакова // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 3. – С. 137-140 (0,7/0,35 п.л.).

100. Пименова, М. Вл. Об эволюции концептуальной системы / М. Вл. Пименова // Лингвистика XXI века: сборник научных статей: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой. – М.: Флинта: Наука, 2013. – С. 20-37.

101. Писаренко, Д. А. Слово смерть в русском языке: семантический, семиотический, лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Писаренко Дарья Александровна. – Ставрополь, 2020. – 253 с.

102. Плимак, Е. Г. На войне и после войны (Записки ветерана) / Е. Г. Плимак. – М.: Весь мир, 2005. – 200 с.

103. Попадинец, Р. В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Попадинец Роман Васильевич. – Курск, 2006. – 196 с.

104. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226с.

105. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев / изд. 2-е. – М.: Наука, 1979. – 232 с.

106. Пятигорский, А. М. Избранные труды / А. М. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 590 с.

107. Ребане, Я. К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания / Я. К. Ребане // Вопросы философии. – 1982. – № 8. – С. 44-54.

108. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

109. Рогачева, Ю. Н. Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке (на материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Рогачева. – Белгород, 2003. – 182 с.

110. Розанов, И. Н. Литературные репутации. Работы разных лет. – М.: Советский писатель, 1990. – 464 с.

111. Романенко, Е. В. Семиотическое пространство массовой литературы: теоретический аспект / Е. В. Романенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3 (33). – Ч. 2. – С. 162-167.

112. Руднев, В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.

113. Рыбаков, Ю. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 782 с.

114. Сафонова, Н. В. Национальная концептосфера и прецедентность / Н. В. Сафонова // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 127-133.

115. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926 / А. М. Селищев // Русская речь. – 1991. – № 1. – С. 88-102.

116. Семенов, В. Е. Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства / В. Е. Семенов // Вопросы психологии. – 1994. – №1. – С.107-119.

117. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

118. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

119. Слышкин, Г. Г. Реализация прецедентного мира «Великая отечественная война» в русской лингвокультуре (на материале словарей) / Г. Г. Слышкин, Т. А. Лавриненко // Этнокультурная концептология: сборник научных трудов. – Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2006. – Вып. 1. – С. 134-141.

120. Смазнова, О. Ф. Время и этос мифа. Диалектика мифотворчества в русской культуре XIX–XX веков / О. Ф. Смазнова. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. – 324 с.

121. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов / 2. изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 989 с.

122. Стернин, И. А. Моделирование концепта в лингвоконцептологии / И. А. Стернин // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов (26-28 сентября 2006 г.). – Тамбов: Изд-во ТГУ им Г. Р. Державина, 2006. – С. 78-79.

123. Стернин, И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов / под ред. проф. Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 257-282.

124. Темиров, Ю. Т. Война «Вставай, страна, огромная!» / Ю. Т. Темиров. – М.: Эксмо, 2005. – 297 с.

-
125. Туребаева, Б. З. Прецедентные феномены как средство формирования культуроведческой компетенции при обучении русскому языку учащихся старших классов казахской школы: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Туребаева Баян Зарлыковна. – М., 2000. – 189 с.
126. Фесенко, Т. А. К проблеме коммуникативной концепции «морали» в немецком языке (в рамках прецедентности) / Т. А. Фесенко // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 106-119.
127. Фесенко, Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода / Т. А. Фесенко. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – 228 с.
128. Флоренский, П. А. Имена / П. А. Флоренский / сост., вступ. ст. и примеч. С. Филоненко. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 909 с.
129. Фролов, Н. К. Антропонимика / Н. К. Фролов // Избранные работы по языкознанию. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – Т. 1. – С. 4–135.
130. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм / пер. с англ. Л. В. Трубицыной, А. В. Ярхо и А. С. Соловейчика / 2-е изд. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 219 с.
131. Цыганская, О. Г. Синтаксический концепт: критерии и методы анализа / О. Г. Цыганская, Т. Г. Борисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 119-123.
132. Чернейко, Л. О. Концепты жизнь и смерть как фрагменты языковой картины мира / Л. О. Чернейко // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 50-59.
133. Чумак-Жунь, И. И. Особенности репрезентации прагматического потенциала языковой личности И. И. Лажечникова в текстах исторических романов / И. И. Чумак-Жунь, Л. В. Проскурнина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 2. – С. 160-178.
134. Шавалеева, В. Д. Произведения Ахияра Хакимова о войне в контексте «лейтенантской прозы»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Шавалеева Виктория Дамировна. – Уфа, 2012. – 188 с.
135. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М.: ЛКИ, 2008. – 208 с.
136. Шифрин, Б. Ф. Интимизация в культуре / Б. Ф. Шифрин // Даугава. – 1989. – № 8. – С. 88-104.
137. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

138. Шейкин, А. Г. Смыслы культурные [Электронный ресурс] / А. Г. Шейкин // Культурология. XX век: энциклопедия / гл. ред. С.Я. Левит. – URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xxvek/472.htm> (Дата обращения 20.07.2021 г.)

139. Шестак, Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса / Л. А. Шестак. – Волгоград: Перемена, 2003. – 312 с.

140. Щерба, Л. В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений [Электронный ресурс] / Л. В. Щерба. – URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba13.htm> (Дата обращения 11.08.2021 г.)

141. Шмелев, А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги / А. Д. Шмелев // Мир русского слова. – 2009. – № 4. – С. 14-21.

142. Яусс, Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / Х. Р. Яусс / пер. с нем. и предисл. И. Зоркой // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34-84.

143. Berkowitz, L. Frustration-aggression hypothesis: examination and reformulation / L. Berkowitz // Psychological Bulletin. – 1989. – № 106 (1). – P. 59-73.

144. Bredikhin, S. N. Principles of axiological space verbalization within precedential world / S. N. Bredikhin, T. G. Borisova, A. N. Pechenyuk // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS (SCTCMG 2021). 2021. - Vol. 118. (0,6/0,2 п.л.).

145. Dijk van, T. A. Political discourse and ideology / T. van Dijk // Doxa Comunicación Revista interdisciplinar de estudios de comunicación y ciencias sociales. – 2003. – № 1. – P. 207-225.

146. Dijk van, T. Social cognition and discourse / T. van Dijk // Handbook of Language and Social Psychology. – New York: John Wiley and Sons, 1993. – 628 p.

147. Eagleton, T. Phenomenology, Hermeneutics, and Reception Theory / T. Eagleton // Literary Theory. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 47–78.

148. Girard, R. La violence et le sacre / R. Girard. – Paris: Grasset, 1972. – 456 p.

149. Heinich, N. Art, création, fiction: entre sociologie et philosophie / N. Heinich, J.-M. Schaeffer. – Nîmes: Jacqueline Chambon, 2004. – 217 p.

150. Jaspers, K. Psychologie der Weltanschauungen / K. Jaspers. – Berlin: Verlag von Julius Springer, 1919. – 428 S.

151. Kelly, G. The psychology of personal constructs / G. Kelly. – New York: Norton, 1955. – 680 p.

---

152. Kress, G. *Multi-Modal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication* / G. Kress, T. van Leeuwen. – London: Arnold, 2001. – 253 p.

153. Kvapil R. The crisis of contemporary linguistics vs. applied linguistics / R. Kvapil, M. Siposova // *XLinguae*. – 2020. – № 13 (1). – P. 151-168.

154. Lachmann, R. *Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism* / R. Lachmann. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. – 436 p.

155. Lefebvre, H. *The Production of Space* / H. Lefebvre. – London: Blackwell, 1993. – 490 p.

156. McRae, K. *The Oxford Handbook of Cognitive Psychology* / K. McRae, M. Jones, D. Reisberg. – New York: Oxford University Press, 2013. – 1104 p.

157. Pelevina, N. A. Social memory in social and legal context / N. A. Pelevina, A. M. Vasiliev, E. M. Tileubergenov, B. Z. Uteyev // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. – 2017. – Vol. 8. – No 5. – P. 1597-1603.

158. Schank, R. C. *Dynamic Memory* / R. C. Schank. – New York: Cambridge University Press, 1982. – 254 p.

159. Somers, M. R. Reclaiming the Epistemological ‘Other’: Narrative and the Social Constitution of Identity / M. R. Somers, G. D. Gibson // Craig Calhoun (ed.) *Social Theory and the Politics of Identity*. – Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1994. – P. 37-99.

160. Tedeschi, J. T. *Violence, aggression, and coercive actions* / J. T. Tedeschi, R. B. Felson. – Washington DC: American Psychological Association, 1994. – 463 p.

161. Tulving, E. *Episodic and semantic memory* / E. Tulving // *Organization of Memory*. – New York: Academic Press, 1972. – P. 381-402.

162. Vikulova, L. G. La semiometrie retrospective du signe valeur / L. G. Vikulova, E. G. Tareva, E. F. Serebrennikova, S. A. Gerasimova, V. A. Rayskina // *XLinguae*. – 2020. – № 13 (1). – P.169-183.

163. Gushchina, L.V. Culture restrictions as a trigger to the society development: history and modernity / L.V. Gushchina, N. N. Kisilitsyna, E. A. Agapova, N. V. Izotova // *International Journal of Economics and Business Administration*. – 2019. – Vol. 7. – No. S1. – P. 261-269.

Список словарей и справочников

164. Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (Дата обращения 28.07.2021 г.)

165. Горяев, Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка / Н. В. Горяев. – Тифлис: Типография канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. – 556 с.

166. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. М.: Русский язык, 1979. – Т. 2. И-О. – 1024 с.

167. Леонтьев, Д. А. Мировоззрение / Д. А. Леонтьев // Человек: философско-энциклопедический словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Наука, 2000. – С. 193–194.

168. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Минск: Книжный дом, 2003. – 877 с.

169. Сергеева, Т. Б. Словарь-справочник по философии / Т. Б. Сергеева. – Ставрополь: Изд-во СтГМА, 2009. – 166 с.

170. Словарь русского языка XVIII века [Электронный ресурс] / редкол.: Ю. С. Сорокин и др. – Л.: Наука, 1984 – URL: <http://feb-web.ru/feb/s118/slov-abc/04/s1510806.htm> (Дата обращения 20.07.2021 г.)

171. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов / под общ. ред. акад. С. П. Обнорского / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. – 848 с.

172. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах [Электронный ресурс] / Т. 1: А – Кюрины / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – 1562 стб. – URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Дата обращения 24.08.2021 г.)

173. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах [Электронный ресурс] / Т. 2: Л – Ояловеть / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. – 1040 стб. – URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Дата обращения 24.08.2021 г.)

174. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах [Электронный ресурс] / Т. 4: С – Ящурный / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. – 1502 стб. –

URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Дата обращения 24.08.2021 г.)

175. ФЭС – Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

Список источников эмпирического материала

176. Астафьев В.П. Прокляты и убиты [Электронный ресурс]. – URL: https://librebook.me/prokliaty_i_ubity/vol2/1 (Дата обращения 18.06.2021 г.)

177. Бакланов, Г. Я. Избранные произведения: в 2 т. / Г. Я. Бакланов. – М.: Художественная литература, 1979. – Т.1. – 574 с.

178. Бек, А. А. Волоколамское шоссе / А. А. Бек. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1960. – 250 с.

179. Воробьев, К. Д. Убиты под Москвой; Это мы, господи!.. Повести / К. Д. Воробьев. – М.: Художественная литература, 1987. – 159 с.

180. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 11.08.2021)

181. Некрасов, В. П. В окопах Сталинграда: Повесть; Рассказы / В. Некрасов. – М.: Художественная литература, 1990. – 319 с.

182. Симонов, К. Убей его (Если дорог тебе твой дом) [Электронный ресурс] / К. Симонов. – URL: <https://www.culture.ru/poems/32889/ubei-ego-esli-dorog-tebe-tvoi-dom> (Дата обращения: 24.08.2021)

183. Толстой, А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. / А. Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1982-1986. – Т. 10. Публицистика; Рассказы Ивана Сударева. – 1986. – 510 с.

184. Фадеев, А. А. Молодая гвардия / А. А. Фадеев. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. – 608 с.

185. Шолохов, М. А. Наука ненависти [Электронный ресурс] / М. А. Шолохов. – М.: Правда, 1942. – 29 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/nauka/text.pdf> (Дата обращения 06.08.2021 г.)

Научное издание

Т.Г. Борисова, А.Н. Печенюк

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ МИР
«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

МОНОГРАФИЯ

ISBN 978-5-907642-70-6

9 785907 642706 >

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 04.04.2024 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 8,66
Тираж 500 экз.

Типография ИП Тимченко О.Г.
Идентификатор - 6044707
355000, РФ, г. Ставрополь, ул. Тухачевского, 26,
ИНН 263401442118

Телефон/факс (8-86-52)42-64-32
ideya_plus@mail.ru